

Московская Коллекция

а л е к с а н д р
ПРОХАНОВ

КРЕЙСЕРОВА СОНАТА

|| р о м а н ||

Московская коллекция

Александр Проханов

Крейсерова соната

«Центрполиграф»

2003

Проханов А. А.

Крейсерова соната / А. А. Проханов — «Центрполиграф»,
2003 — (Московская коллекция)

«Крейсерову сонату» Проханова не надо путать с «Крейцеровой сонатой» Толстого. «Крейсерова соната» – это роман о крейсере «Курск», трагически погибшем в ледяной пучине. Это роман о том, как русская трагедия, русская тьма превращаются в русский свет. Роман о том, что даже в самой кромешной безнадежной действительности присутствует таинственное лучезарное начало, имя которому – русское чудо. Герои произведения несут в себе это чудо и, сражаясь, казалось бы, с всеильным злом, побеждают его силой своих любящих, верящих в небеса сердец.

© Проханов А. А., 2003

© Центрполиграф, 2003

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Александр Андреевич Проханов
Крейсерова соната
Роман

Издается в авторской редакции

В оформлении обложки использованы рисунки Миши и Коли Прохановых

* * *

Часть первая

Глава 1

Капитан-лейтенант Сергей Плужников, акустик подводного крейсера «Москва», участник ночной офицерской пирушки, смотрел, как отражается голая лампа в мокрой бутылке с ярко-синей наклейкой «Гжелка». Из пустой пивной банки с надписью «Балтика» тянулся тонкий дымок окурка. На столе, рядом с граненым стаканом, на котором краснела помада, лежала пачка «Явы». Два офицера, оружейник Шкиранда и энергетик Вертицкий, сблизили носы и лбы, как каменные львы на старинных воротах. За их упрямым, похожим на перебранку спором наблюдала Нинель, рыжая гарнизонная красавица, живущая без мужа на базе подводных лодок, кочующая по мужским общежитиям и холостяцким офицерским квартирам. И этот голый, без клеенки, стол с водкой, огрызками хлеба, грубо нарезанной колбасой, с раздавленной кляксой маринованного помидора, освещенный жестоким хирургическим светом, вызывал у Плужникова мучительный интерес. Как если бы он впервые соприкоснулся с земной реальностью, увидел эти земные предметы и издающие звуки существа, стараясь уяснить их назначение, смысл и природу.

– Рапорт напишу и уеду! Осточертело гнить в базе! Махну в Москву, к брату! Он охранником в банке! Обещает устроить! Зарплата втрое больше, чем у нас, мариманов! Туфли куплю нормальные! На рюмку коньяка накоплю!.. – Вертицкий, тонкий, худой, нацелил заостренный нос с розовыми ноздрями, воздел редкие золотистые брови, под которыми сверкали выпуклые голубые глаза. Быстро, страстно шевелил сложенными в трубочку губами, похожий на сердитого комара с чутким хоботком, готовым вонзиться в близкий вспотевший лоб Шкиранды.

– Будешь трубить на гадов? Пальто подавать олигархам? Шалав им водить?... Ненавижу мразей! Вырезать их с корневищем!.. – Шкиранда выложил на стол кулаки, насупил косматые брови, выпучил злые глаза. Его грубое, мясистое лицо набрякло от выпитой водки, от тяжелой, как булыжник, мысли, застрявшей в области сморщенной переносицы, под белой костью лба.

– Один хрен, на кого трубить! На нашего начальника базы или на банкира. Тот хоть бабки платит, а этот грызет, как крыса. Зарплаты на табак не хватает. Поеду в Москву, на первую получку завалюсь в казино и в пух продуюсь. Гульну хоть раз в жизни!..

– От таких, как ты, лодки тонут! Ты мне долг не отдал, а уже в казино намылился. Я бы тебя без рапорта с лодки списал. От таких – несчастье. Начальник разведки докладывал – в наших широтах появилась американская лодка-убийца, класса «Колорадо». Ты один этой лодки стоишь! Ты и есть – жук колорадский!

– Мальчики, ну что вы всё ссоритесь... Хоть бы кто меня приласкал.

Нинель жеманно передернула плечами под вязаной кофтой, сквозь крупные клетки которой просвечивала белая кожа. Ее рысьи глаза с расширенными зрачками бегали по лицам офицеров, словно она выбирала, кого из них обнять гибкой рукой с обручальным кольцом разведенной женщины и увести на кухню, где на зашарпанном полу стояла изношенная кушетка и валялось скомканное малиновое одеяло.

Плужников с тихим изумлением смотрел на бутылку, чье стекло плавно сужалось к горлышку, и на выпуклой поверхности, в лунке, дрожала яркая капелька света. Переводил зрачки на мятую пивную банку, где в чешуйке фольги переливался золотой огонек. Медленно оглядывал батарею со следами прошлогодней копоты, когда прорвало отопление и сварщики чинили лопнувшие трубы – среди черного мазка сажи отсвечивал таинственный зеленый кристаллик металла. То же изумрудное мерцание было в брызге дождя, ударившей в черное окно, за которым дул ледяной морской ветер. Эти крохотные точки света, помещенные в разные, не свя-

занные между собой предметы, говорили об их общем происхождении. О том таинственном центре, где все они были сотворены и куда можно подняться, если скользнуть по незримому лучу от пивной банки в черное окно, ввысь, к невидимым звездам.

Предметы, которые он созерцал, казались загадочными и восхитительно новыми. Их назначение было неведомо. И сам он себе казался пришельцем из бесконечно удаленного центра, откуда его прислали в этот мир, опустили в эту комнату по тончайшему лучу.

– А ты все Родину от врагов бережешь? Все Америку от русских берегов отражаешь? А Америка уже в Кремле сидит, твою икру ложками лопает! Пока ты в базе гниешь и сивушную водку жрешь, Москва над тобой хохочет! Утонешь или сопьешься, она тебе свечку не поставит. Чем с Америкой нашим ржавым железом бодаться, ты лучше английский учи, на американской бабе женись. Она тебе ребеночка родит, и поедешь себе жить в Колорадо... – Вертицкий едко, по-комариному, впивался в близкий лоб Шкиранды, высасывая сквозь хоботок мучительное страдание товарища, впрыскивая легчайшие струйки яда.

– Ненавижу Америку! Моя бы воля, отстрелялся бы от пирса всей баллистикой, чтобы на том конце от Америки яма осталась, мир бы вздохнул. А таких, как ты, предателей башкой о борт и рыбам на корм! Пройтись бы с «Калашниковым» по Кремлю, почистить, пока еще русские на земле остались! – Шкиранда скрипнул зубами, и на его белом лбу вспухла синяя жила ненависти.

– Да русские сами себя съедают, без всякой Америки. Русские бабы рожать не хотят, хоть у Нельки спроси. У нее в родильном отсеке одни пробоины. Скоро на русских лодках служить будет некому, таджиков и чеченцев наймут. Но до этого лодки сами потонут.

– Дал бы я тебе в лоб за эти слова! И встал бы ты завтра на вахту с сигнальным огнем под глазом!

– Мальчики, ну что вы всё ссоритесь! Кому ребеночка родить по заказу? Кто со мной на кухню пойдет?

Нинель смотрелась в зеркальце, откидывала за плечо медную прядь, мазала рот помадой, и казалось, она держит в губах большой красный мак.

Плужников отчужденно, с изумлением смотрел на свою пятипалую руку, лежащую на деревянном столе среди древесных трещин, ножевых зарубок и сигаретных отметин. Чувствовал в грудной клетке непрерывное сжатие и расширение легких, мерный глубокий стук сердца, не зависящий от его воли и мысли. Ощущал давление света на выпуклую поверхность глаза с жидким кристалликом зрачка, куда, как в застекленную скважину, врывались картины и образы мира. Казался себе помещенным в то, что звалось его телом. А было сотворенной и сконструированной оболочкой, куда его вселили. Разместили его безымянную, бесплотную сущность среди странных, нелепых органов, с которыми он вынужден мириться, среди которых должен жить до той поры, когда освободится и выскользнет на волю.

– Одно могу сказать: не в удачной стране родился. – Вертицкий крутил в нервных, с голубыми прожилками пальцах сигарету, и она от трения начинала дымиться, в ней загорался рубиновый уголек. – Батя всю жизнь вкалывал на советскую власть, на костюм хороший скопить не мог. Дед всю жизнь то молотком, то винтовкой махал, пока ему яйца не оторвало. И я, мудака, у Северного полюса поселился, живу под водой, как кит-полосатик, одной травой питаюсь. Родился в хреновой стране, в хреновое время. Рапорт подам, уеду с концами город Париж смотреть!..

– Дурила, – презирал его Шкиранда, оттопырив нижнюю губу, к которой прилипла крошка колбасы. – Лучше России нет страны! На Западе людей не осталось, одни манекены. В башке шампунь, в душе пенопласт. Русский человек хреново живет, зато с Богом в душе. Мы под воду уходим, а видим небо. Сходи к отцу Михаилу, он тебе, дуриле, расскажет. Кто-то говорит: подводный крейсер «Москва», а он нашу лодку «монастырем Пресвятой Богородицы» называет.

– Да ходил я к нему, козлу, надеялся душу открыть! Он мне свою толстую невымытую руку сует под поцелуй: «Кайся, мой сын, исповедуйся!» Да какой я ему сын, а он мне отец! Хитрый козел! Я его знал, когда он мичманом Мишкой был, с зам по тылу водку жрал. А теперь, вишь, – отец Михаил! Хорошо устроился. Мы под воду околевать идем, а он за нас молебен служит и церковный кагор сосет! Вот и весь монастырь!

Плужников видел стол, и сидящих за ним, и себя самого среди них, как если бы глаза его помещались в верхнем углу комнаты, там, где расплывалось по потолку ржавое сырое пятно и шелушилась мокрая штукатурка. Бестелесный и безымянный, он находился над ними, наблюдая, как матово светится грудь Нинель в глубоком вырезе кофты, струйка дыма течет к потолку из сигареты Вертицкого, Шкиранда втыкает вилку в кусок колбасы, а у него самого, у Плужникова, блестят под лампой светлые, с медным отливом волосы на макушке и шея поднимается из ворота домашней рубахи. Он чувствовал, как страдает изведенный тайной тоской Вертицкий, как набряк Шкиранда, не умея выразить тяжелую, окаменелую в нем мысль, как томится, слушая их перепалку, Нинель, все оглядываясь на ведущую в кухню дверь. Но эти ощущения были не главными. «Кто я такой? – звучал в нем безмолвный, печально-просветленный вопрос, на который не было ответа, а оставалось мучительное и сладкое недоумение по поводу странного мира, наполненного загадочными существами и таинственными предметами, среди которых ему надлежало жить, приспособливаясь к этому временному, навязанному бытию, – кто я такой?»

Нинель поднялась со стула. Покачивая бедрами, сняла с себя лакированный пояс. Захлестнула за шею Вертицкого, потянула к себе. Вертицкий крутил макушкой, пламенел разгоряченными оттопыренными ушами. Упираясь, шел за ней, а она вела его, как козлика на поводке, пятилась, краснела маком в губах. Они скрылись в прихожей, и было слышно, как стукнула дверь, ведущая на кухню. Шкиранда и Плужников остались вдвоем под жестоким светом обнаженной электрической лампы.

– А ты что весь вечер молчишь? – Шкиранда, лишившись спорщика, еще негодуя, обратился на Плужникова свое раздражение. – Не выпьешь, слова не скажешь. Чуда какого ждешь?

– Чудо должно случиться, – тихо отозвался Плужников, боясь утратить странную и сладкую отчужденность.

– Война – вот чудо! – обрадовался Шкиранда, зацепив злой мыслью случайно услышанное слово. Так шестеренка цепляет другое зубчатое колесо, сообщая ему вращение. – Для России война – спасение! Мы без войны стухнем!

– Война идет. – Плужников, утрачивая бесплотную отстраненную сущность, вновь вселился в свою оставленную плоть, наполнял собой свои пальцы, говорящие губы, дышащую грудь, неудобно поставленную, затекшую ногу. – Ты Вертицкого не дразни, не мучай. Он во сне плачет. Завтра поход. Надо с миром уйти.

– Мир для России смерть! Для русских война – спасение!

Стуча каблуками, громко задевая за стены, в комнату возвратились Нинель и Вертицкий. Сочный мак, который унесла в губах рыжая Нинель, был теперь растерт и размазан. Бледный отпечаток краснел на щеке Вертицкого. Вязаная кофта Нинель была растерзана, плечо обнаженно белело. Она держала в руке пояс, небольно постегивая Вертицкого.

– Ни на что не годится. Должно, радиации наглотался. Ты, мой милый, выбирай – или лодка, или молодка! – Она толкнула Вертицкого на стул.

Тот плюхнулся, потянулся к рюмке. Плужников видел, как бьется нервная жилка на его щеке, перепачканной помадой.

– Теперь ты, герой, на выход! – Нинель накинула ремешок на шею Шкиранде.

Тот упирался, мотал головой.

Нинель нетерпеливо и раздраженно тянула. Шкиранда неуклюже двинулся за ней, громко саданув плечом дверной косяк.

– Тоска! – Вертицкий плеснул водку в рот, сверкнув над запрокинутым лицом мокрой рюмкой. – Не нахожу себе места! Правильно говорит Шкиранда – где я, там дым и копоть. Пенный огнетушитель – мне товарищ и брат. Надо увольняться. Где я, там несчастье.

– Устал, много пьешь. – Плужников печально и нежно смотрел на измученного товарища. – В поход пойдем, там отдохнешь. Под водой душа успокаивается.

– Ты какой-то блаженный, Серега. Как бабка моя говорила, не от мира сего. Ты – акустик, океан слушаешь. Может, такое услышал, чего я не слышал? Может, ангелов подводных?

– Может, и ангелов. Тайна есть. Она в океане, она и в душе.

– В рюмке она, наша тайна! – Вертицкий булькнул из бутылки, плеснул в рот водку. С отворачиванием, выпучив глаза, делал длинный огненный выдох.

Из кухни шумно вернулись Нинель и Шкиранда. Она – язвительная, с длинными рыскающими глазами, гневно оттопыренной нижней губой, бледной, бесцветной, чей пунцовый покров весь был перенесен на подбородок Шкиранды.

– Полюбуйся, Серж, на своих собутыльников! Оба в помаде! Помазанники! Русских мужиков совсем не осталось! Чеченца себе, что ли, найти? – Нинель сердито отгородилась от Шкиранды приподнятым полуобнаженным плечом. Презрительно повела на Вертицкого длинным, влажно-зеленым глазом. – Серж, ты один у меня остался! Но ты малахольный! Несовершеннолетний! Мне тебя грех соблазнять!

– В тюрьму за него попадешь. За растление малолетних, – поддакнул Вертицкий.

– Ты его не трогай. Он таинственный. На дельфиньем языке говорит, – хмыкнул Шкиранда, довольный тем, что Нинель отвлеклась от него. – Тебе его ни за что не отгадать.

– Мне? Да я знаешь какая гадалка? Серж, дай руку, я тебе погадаю!

– Погадай ему, погадай! Может, он не человек, а дельфин!

Нинель снялась со стула. Опустилась перед Плужниковым на колени, так что ее пышная юбка расширилась колоколом. Взяла руку Плужникова. С силой на себя потянула, раскрывая ему ладонь, разгибая его пальцы своими горячими цепкими пальчиками с фиолетовыми, накрашенными ноготками.

– Не упрямясь!.. Плохое не нагадаю!..

Она коснулась его руки, и он ощутил слабый толчок, укол тока, мягкий ожог, отворивший в руке крохотную скважину, сквозь которую потекли в него загадочные струйки тепла, язычки света, капли яда, ручейки дурманов, медовых пряностей, пьянящих горечей. Она их впрыснула ему в кровь, и они туманно растворились, потянулись сквозь запястье, плечо, грудь. Сладко омыли сердце, нежно лизнули мозг, слезно капнули в глаза. И зрачки остановились, как под наркозом. Сердце оцепенело. В сознании застыла незавершенная мысль, как след ветра на оледенелой воде. Он замер, открыв перед ней ладонь, освещенную ярким светом.

– Погадаю тебе, Сереженька, какие у тебя сроки жизни, какие твои хвори-болезни, какие встречи-разлуки...

Она перебирала его безвольные пальцы, водила ноготком по ладони, где пролегали тонкие нити, похожие на прожилки листа. Он чувствовал ее дыхание, слабый шелест прикосновений, от которых ладонь казалась сухой и серебряной. Воля его была сладко парализована, ее власть над ним была беспредельной. Он отдавался целиком ее воле, испытывая облегчение, как если бы попал в невесомость. Вся тяжесть поминутных забот, груз тревог и предчувствий оставили его, и он в своей легкости и покорности полагался на нее. Шел за ней следом, за ее цветным ноготком, повторяющим на ладони хрупкую линию жизни.

– Здесь твой Сатурн и Юпитер... Здесь твой Марс и Меркурий... А здесь твои Солнце, Луна... Будешь знаменит и богат... Преуспеешь в науках, испытываешь себя в искусствах...

Он смотрел на ярко озаренную ладонь, где таинственным циркулем провели овалы и дуги, прочертили биссектрисы и радиусы. Оставили чертеж, в который заключили теорему его жизни и смерти. Оттиск на ладони напоминал след папоротника на кремне. Брызги элемен-

тарной частицы, ударившей в фотопластинку. Отпечаток был всегда, с самого детства, когда маленькая пухлая ладонь еще не ведала прикосновений оружия, женских грудей, стиснутых инструментов. Он появился у эмбриона, висящего в гамаке в материнском горячем чреве. Был рисунком, возникшим из слияния крохотных клеток. Орнаментом двух таинственных судеб, столкнувшихся в третьей. Был отсветом звезд и планет, висевших над брачным ложем. Иероглифом, сквозь который в трехмерный мир просочилось иное бытие. Ладонь несла отражение будущей, несуществующей жизни, словно ее приложили к расплавленному жидкому времени, и оно, ненаступившее, запечатлелось в виде линий, крестов и овалов.

– Живешь не головой, а сердцем... Побываешь в странах, которых не видно на карте... Испытаешь одну большую любовь...

Она тихо ворковала, как вещая птица, склевывала с ладони незримые зерна. Старалась проклонуть непроницаемую сферу, куда был запечатан немощный разум, не умевший распознать за пределами трехмерного мира потусторонней пугающей тайны.

– Что-то не вижу... Что-то в линии жизни... Разрыв на линии сердца... Сатурн столкнулся с Нептуном... – Она гладила ему руку, приближала лицо, как слепая. Наклонила лицо к ладони так близко, что он чувствовал ее обжигающее дыхание. Волосы ее упали, скрыли лицо, ладонь. Он слышал ее быстрое бормотание, клекот, болезненное бульканье. Откинула волосы, подняла лицо, и оно было черное, страшное, с открытым провалившимся ртом, с пепельными старушечьими волосами. Белки выпукло, лунно голубели. Дрожали и мерцали зрачки, будто увидали нечто ужасное, невыносимое.

– Сереженька, милый, что-то увидела такое, чего и сказать не могу!.. Какое-то несчастье и горе!.. За что же мне такое привиделось!.. Да как же я тебе об этом скажу!.. Да за что на нас такая напасть!.. Да чем мы таким провинились!.. Да чем мы Бога нашего прогневили!.. Да какой же ты, Сереженька, славный, красивый!.. Какие у тебя ручки хорошие, дорогие!.. Как бы ты этими ручками меня обнял!.. Как бы ты меня по головке гладил!.. Как бы я их тебе целовала!.. Какого бы ребеночка тебе родила!.. Как бы ты его на ручках своих носил!.. Игрушки ему ручками своими мастерил!.. А я бы на вас, миленьких, дорогих, любовалась!.. А теперь нас всех беда заберет!.. И будет нам всем слепота, глухота, немота!.. Запечатают нас, мальчики мои дорогие, всех в одну беду!..

Она голосила, причитала, целовала его руки, кропила горячими слезами, как деревенская остроносая старуха-кликуша.

Вскочила, отряхиваясь, выныривая из-под черной, накрывшей ее волны, пропуская над собой кромешный, крутящийся вал. Яркая, страстная, с мокрым от слез лицом, рыжими, плещущими волосами, ударила клавишу старенького кассетника. Грохнула, брызнула, полилась, как из крана, сверкающая музыка, расплющилась о стены огненными плесками. Нинель заиграла, затанцевала, заходила по комнате, вращая сильными бедрами, поднимая белые пышные руки, колыхая под кофтой грудь.

– А ну, ко мне, мальчики, танцевать!.. Офицерики мои, танцевать!.. – хватала за рукава Шкиранду, Вертицкого, стаскивала со стульев.

Сначала нехотя, а потом все живей, подвижней они закрутились подле нее, выделявая руками выкрутасы и кренделя, поднимая ноги и нелепо подсакивая. Обнимали ее, целовали шею, грудь, прижимали к себе ее дышащий живот. Ее рыжие волосы плескались по комнате, юбка крутилась каруселью, открывая сильные, пляшущие ноги, и дрожала на столе бутылка, звякали стаканы от их безумных скачков.

Плужников боком, вдоль стены, вышел в прихожую. Накинул шинель, фуражку. Спустился по обшарпанной, полутемной лестнице на воздух. В темноте мучнисто белели блочные дома базы. Кое-где на фасадах размыто желтели окна. По улице, от казармы, вниз к причалам, громко стуча башмаками, шел экипаж моряков. В небе, закрывая луну, стояло облако, просвечивая насквозь, как пергамент, с оплавленным ярким краем. Окрестные сопки слабо

искрились таинственным светом, словно на них уже выпал снег. Бухта недвижно, просторно чернела, остекленев в гранитных изгибах фьорда. По черной воде, без звука, неся на мачте зеленый огонек, шел торпедолов. Едва заметные среди ночного гранита, похожие на округлые продолговатые глыбы, застыли у пирсов подводные лодки. Среди них, уже населенный вахтой, с запущенными реакторами, с мерным гулом агрегатов, гироскопов, бесчисленных машин и приборов, готовый к выходу, бугрился подводный крейсер «Москва». Стальная гора, облизанная приливом, окаймленная слюдяным блеском вышедшей из-за тучи луны.

Плужников смотрел на предзимнюю луну. Пар, вылетающий у него изо рта, казался радужным. Одна половина бухты отливала тьмой, как синее воронье перо. Другая нежно, латунно желтела, и буксир, молотивший воду на рейде, оставлял на море яркий оранжевый клин. На бетонном пирсе светлели круглые лужицы, будто раскидали крышки консервных банок. Черная громада лодки маслянисто, словно натертая жиром, блестела. Над рубкой, на слабом ветру, неразличимо темный на малиновом небе, волновался флаг. Плоский на заре, застыл автоматчик...

Экипаж был построен на пирсе. В обе стороны от Плужникова удалялись носы, подбородки, выпуклые груди, пилотки, туманился желтый пар дыханий, и большая чайка, пролетев над строем, поворачиваясь к заре то одним, то другим крылом, казалась черно-желтой.

Командир перед строем, в глазированный кувшин мегафона, чтобы слышно было на флангах всего двухсотголового, слабо колыхавшегося дракона, произносил напутствие:

– Товарищи матросы, мичманы, офицеры, как вы знаете, обстановка в мире остается сложной и нестабильной... Внутренние дела в стране по-прежнему далеки от нормальных... Россия ослабела, продолжает слабеть, и ее флоту и армии все труднее поддерживать безопасность... – Мегафон слегка дребезжал, и Плужникову казалось, вокруг каждой металлической фразы закипают крошечные, трескучие пузырьки. – Без преувеличения можно сказать, что мы – последняя надежда России... Пока в море находится наш подводный крейсер, пока он способен осуществлять боевое дежурство, доставлять в район патрулирования спецоружие, до той поры русские люди могут печь хлеб, пахать землю, добывать себе на пропитание... Могут не бояться, что их забомбят, как Югославию, Афганистан и Ирак... Америка уже почти победила мир, покорила все народы и страны, но не может сказать, что покорила Россию, до той поры, пока мы ходим в походы... Спецоружию, которым мы обладаем, не может противодействовать их ракетная и космическая оборона... – Командир был невысокого роста, худ и скуласт, сдержан и скуп в обращении. Вежлив с матросами и отчужденно-сух с офицерами. Его жена и дети полгода как покинули базу, из-под низкого полярного неба спасаясь от электрических и магнитных полей, нехватки кислорода и света. Командир тосковал без семьи, педантично, мучая себя и других, проводил свое время в казармах, на пирсе, в глубинах причаленной лодки, где утомлял экипаж учебными тревогами, тушением пожаров, борьбой за живучесть. Теперь было видно, что он радуется долгожданному выходу в море, и в голосе его чудились Плужникову интонации взволнованного проповедника. – Именно поэтому в район патрулирования послана американская многоцелевая лодка нового проекта «Колорадо», призванная отслеживать наш маршрут, препятствовать нам, а в случае начала военных действий – уничтожить нас упреждающим ударом. Заступая на вахту, мы становимся больше чем экипажем... Больше чем семьей... Мы становимся духовным братством, какое существует в монастырях среди монахов, посвятивших себя служению. Наш бог – это Родина. Мы, мужчины, облаченные в черную форму подводников, – монахи и воины России... – Командир опустил мегафон, повернулся к лодке, над которой возвышался высокий плавник рубки.

Незримый горнист пропел в трубу курлыкающий печальный напев. Флаг над рубкой пополз вниз. Заря хлынула из-за сопки бесшумным малиновым приливом, пролила на черную

лодку вишневый сироп. Соблюдая интервалы, боевыми частями, экипаж стал подниматься по трапу на борт. Сливался с рубкой, растворяясь в черном цилиндре.

Плужников последний раз хлебнул свежий, пахнувший водорослями воздух, глотнул холодный малиновый сок зари и, цепляясь за хромированный поручень лестницы, ставя подошвы над пилоткой второго акустика, опустился в бархатно-теплое чрево, озаренное немеркнущим светом. В запахи металла и краски, сладких пластмасс и масел. В нутро огромной машины, по которой расторопные моряки расходились по отсекам, занимали места у пультов, у торпедных аппаратов, реакторов, погружаясь в едва ощутимую вибрацию громадной стальной оболочки. И уже неслась по лодке лающая «громкая связь». Работала автоматика навигации, энергетики, систем наведения.

Плужников, заняв пост акустика, перебирал наушники, касался пальцами клавиш и кнопок, окруженный стеклом, пластмассой и сталью. Почувствовал слабый упругий толчок, как если бы чья-то огромная ладонь легла ему на спину. Это значило, что лодка оттолкнулась от пирса, повлекла свои тысячи тонн на открытую воду. Все быстрее и быстрее, могуче и мощно, раздвигая залив, поднимая черным угрюмым лбом тугую бурун. Командир стоял в рубке, чувствовал лицом давление твердого ветра, посылал команды на центральный пост, а оттуда в турбинные, ходовые отсеки. Солнце, маленькое, красное, вставало над сопками. Лодка удалялась от берега, сверкала на заливе, как черное стекло. С горы, прижимая ладони к бровям, смотрели ей вслед женщины. Нинель, без платка, с рассыпанными волосами, крестила ее мелкими крестиками.

В надводном положении крейсер мощно бежал в проливе, среди волнистых гранитов, голых каменных сопков, на которых щетинились мачты, белели округлые колпаки, похожие на яйца огромной птицы, темнели отточенные стрелки зенитно-ракетных комплексов, защищавших военно-морскую базу. Льдистые воды тускло блестели на солнце, и пока над морем не нависли космические аппараты противника, не слетелись самолеты-разведчики «Орион», лодка торопилась в открытое море, в район погружения. Стальная длинная капля, наполненная оружием, компьютерами, с раскаленной ядерной сердцевиной. Достигнув расчетной точки, лодка тихо ушла в глубину, оставив на воде рубец солнца, который тут же исчез среди пляшущих волн.

Океан дышал кислородом, преломлял полярные спектры, перемешивал ледяные и теплые воды. Струился течениями, гнал рассолы, растворял белые осколки льдов. Давил непомерной тяжестью на подводные хребты и долины, под которыми клокотала жаркая магма. Был частью мировой воды, омывавшей Землю.

Плужников, вооруженный акустическим комплексом, внимал океану. Наушники соединяли барабанные перепонки с чуткой антенной, помещенной в слепой голове корабля. Как если бы его живые, розовые уши были выведены в океан, омывались холодным потоком, различая бесчисленные переливы звуков. Безглазая стальная громада имела его розовые горячие уши, выступающие из прорезей лодки.

Некоторое время он слышал рокоты надводных кораблей, продвигавшихся в береговой зоне. Тяжко стуча, издавая мембранный клекот, прошел большой противолодочник. Поместил свои винты, серые стальные уступы, глубинные бомбометы и пушки в его расширенную ушную раковину. Шум турбулентной волной омывал его сердце. Отражался на экране колющими всплесками.

Плужников передал на центральный пост информацию о противолодочнике:

– По пеленгу тридцать обнаружена цель!.. Предположительно – надводная!.. Классификация...

Похрустывая, как если бы винт рубил не воду, а сочную, чуть подмороженную капусту, встречным курсом двигался рыболовецкий траулер. Ухо поместило в себя обшарпанные, с потеками ржавчины борта, трюмы с серебряным слитком слипшейся сельди, прорезиненные

робы уставших рыбаков, стакан водки в красном кулаке капитана. И об этом узнал командир, окруженный приборными досками, пряча подводную лодку в непрозрачный для звука слой соленой воды.

– По пеленгу двадцать пять обнаружена цель!.. Предположительно надводная!.. Классификация...

Похрипывая, сердито булькая, приближался норвежский сухогруз. Плужников держал в поле слуха длинную клепаную палубу с разноцветными контейнерами, овальную рубку с толстым стеклом, красивый дубовый штурвал, окованный медью, за которым стоял рыжий рулевой.

Надводные корабли медленно всплывали в его ухо. Вызывали легкое дребезжание височной кости. Держались под сводом черепа, подобно туманным видениям. А потом исчезали как тени.

Лодка вильнула к северу. Ушла от проторенных корабельных маршрутов, беря курс на полюс. Пустынный, лишенный механизмов и металлических конструкций океан зазвучал таинственными хорами, как если бы в ушах переливались бесконечные пышные радуги.

В слуховой памяти Плужникова, словно на магнитной ленте, было записано множество подводных мелодий. Плужников наслаждался и пьянел от этой музыки. Погружался в сладостное созерцание, в сон наяву. Каждый звук моря порождал абстрактные образы, напоминавшие спектральные галлюцинации. Всякое живое существо источало пузырек звука и нежный цветной пучок. Любая капелька, сталкиваясь с другой, чуть слышно звенела, рождая слабую цветную корпулу.

Сейчас он слушал звук, похожий на треск стрекозиных крыльев, словно сшибались стеклянные ворохи, комкались и ломались нежные перепонки, шелестели хрупкие слюдяные пластины. Это двигался косяк сельди. Темное облако состояло из тысяч стремительных рыб, мелькающих плавников и хвостов, отточенных глазастых голов. Их чешуйчатые тела терлись одно о другое. Перед каждой заостренной головой возникал водяной бурун. Море трескалось от переполнявшей его жизни. Лодка расталкивала холодное рыбное месиво. Борта искрились от бесчисленных скользящих прикосновений. Антенна трепетала от волнообразных колебаний. В ухе Плужникова растопырила сверкающие перепонки, выпучила фиолетово-серебряные глаза огромная яркая рыба, окруженная изумрудным свечением.

Теперь он внимал легким стукам, слабым скрипам, хрупким потрескиваниям. Словно кто-то вколачивал множество крохотных гвоздиков, водил изящными лобзиками, делал надрезы стекла, протирал салфеткой край певучего стеклянного сосуда, ввинчивал в древесину буравчики, надкалывал каленые орешки. Лодка шла сквозь необъятную тучу планктона, который размножался, увеличивал массу, вытягивал в океане длинные вялые протуберанцы. На слиянии холодных и теплых вод море кипело рождавшимися бесчисленными тварями, напоминало густой бульон, куда вторглась тяжкая громада лодки, окруженная неисчислимыми рачками, креветками, икринками, клубеньками. Они сталкивались, ударяли в лодку хрупкими панцирями, щекотали ее волосатыми усиками, долбили игольчатыми клювами, налипали живым трепещущим студнем. Все это трепетало, волновалось, пело, брызгало плодоносными капельками, источало пульсирующее млечное свечение. Плужников, очарованный божественным хором несметных торжествующих жизней, удерживал в своем чутком ухе увеличенную во сто крат розовую креветку с золотыми глазами, прозрачным женственным тельцем, шевелящимися нежными усиками. Узорная раковина уха, и в ней, словно в раме, царственный портрет креветки.

Океан огласился иными звуками. Казалось, кто-то вдыхает слова в глубокий гулкий кувшин. В глубине сосуда исчезают согласные звуки и остается булькающее, бессловесное пение. Голоса были человеческими, но молвь, на которой изъяснялись подводные создания, была невнятна, как древний язык, пригодный для обозначения лишь самых важных понятий, таких

как солнце, вода, любовь, бессмертие. На этом изначальном, от Сотворения мира, языке говорили косатки – глянцеви́тые киты, игравшие вокруг лодки, принимавшие ее за огромного медлительного сородича. Водили вокруг нее хороводы, заманивали в свой круг, нежно к ней прижимались. Плужников чувствовал сквозь сталь их близкие глазированные тела, гладкие ласты, фиолетовые выпуклые глаза. Косатки нежились, ласкали друг друга. Самцы танцевали, играли мускулами. В самках, в горячих темных утробах, созревали детеныши. Матери несли их в студеных потоках, выпуская серебряные цепи воздушных пузырей. Поднимали прекрасные глаза ввысь, откуда проникали зеленоватые лучи полярного солнца. Плужников слушал божественный язык китов. Старался понять его смысл. Ему казалось, что киты говорят о нем, зовут к себе, в соленую играющую стихию. Его восхищенное ухо заключало в себе фиолетовое, с серебряным пятном, китовое око.

Он был околдован и опьянен волшебными созвучиями, доносившимися из безграничной стихии, сотворившей в себе материки, камня, живых существ, корабли, пылающие в ночи созвездия, людские души и его, Плужникова, безмянную и бессмертную сущность, которая вот-вот освободится от брэнного тела, прорвется сквозь стальной кожух лодки, превратится в певучий звук огромного вселенского хора.

Вдруг услышал, как в бездонной глубине океана зародился печальный таинственный вздох. Словно поднялись и опустились подводные хребты. Глухой тяжкий стон вырвался из утробы мира, как если бы Земля была живой, бесконечно усталой. Жаловалась кому-то, кто ее сотворил. Повесил в пустом мироздании, вынуждая парить миллиарды лет среди иных светил. Ждать Того, Кто забыл о ней. Звать, чтобы Он, облетев другие миры, вернулся к ней наконец. Взял обратно, откуда явил. Этот подводный стон был столь глубок и печален, так тронул Плужникова своей непомерной грустью, что он, в своем сострадании, откликнулся на эту печаль Земли. Так бабушка его, молча, часами, притулившись на стульчике в тихой дремоте, среди боя старинных часов, вдруг просыпалась и вздыхала. Не умея понять, о чем ее воздыхание, он страдал и любил. Хотел и не мог помочь.

Звуки океана убаюкали его, словно он надышался дурмана. Окруженный приборами, подключенный к датчикам, резонаторам, чутким сонарам, он был как под капельницей, которая вливала ему в кровь сладкое снотворное.

Видел сон, будто лежит в детской кровати у открытого окна, выходящего в сад. Комната наполнена голубоватой тенью от недвижной тучи, что пышно встала над садом. Под потолком, у лампы бесшумно трепещет белая бабочка. Высоко, над садом, мерно рокочет гром. В предчувствии дождя все замерло – каждый листик, каждый цветок на клумбе. Сквозь приоткрытую дверь слышно, как разговаривают мама и бабушка. Их разговор о нем, негромкий, воркующий, и так сладко ему засыпать, чувствуя их соседство, их любовь, зачарованную тишину летнего прохладного сада, ожидающего порывов дождя. На грани яви и сна, прежде чем сладко забыться, он слышит легкое постукивание первых брызг. Мелодичный звон карниза, в который ударяют легкие чистые капли, громче, чаще. В налетающем ветре, в шуме листвы гремят водяные удары. Резче, сильнее, превращаясь в сплошной металлический грохот.

Плужников очнулся. В ушах гремели твердые жестокие очереди, вибрирующие скрежеты, звенящие рокоты. Акустическая антенна сотрясалась нежными оболочками, вызывая в его барабанных перепонках пульсирующий гром. Так звучат гребные винты субмарины, прокручивающие медными лопастями тугие пласты воды. Этой субмариной могла быть лишь лодка врага. Многоцелевая лодка-убийца проекта «Колорадо», что явилась в северные широты поохотиться за «Москвой». Отыскать ее в холодной пучине, ухватить незримыми щупальцами систем наведения. Нацелить на нее зоркие головки торпед. Гнаться по пятам среди подводных хребтов и долин, выискивая в океанских течениях.

Плужников очнулся, как от ночного кошмара. На экране жарко горел электронный зубец, характерный для атомной лодки. Слушая рокоты, хриплым взволнованным голосом он передал на центральный пост:

– Пеленг – сорок пять!.. Обнаружена цель!.. Предположительно подводная лодка!.. Классификация – «Колорадо»!

На его ухо надвинулось черное прорезиненное тулово, затмило мир.

* * *

Командир в центральном посту объявил боевую тревогу. Пылали экраны. Бежали горящие строки. Вращались лучи индикаторов, зажигая очертания донных гор и ложбин. Штурманы на электронных планшетах вычерчивали координаты противника, определяли скорость и курс. Компьютеры строили графики, в которых на разных высотах, под разными углами и ракурсами сближались две подводные громады. Механики управляли реактором, двигали стержни графита, раскаляли уран. Перегретый пар ревел в стальных трубопроводах, ударял в лопатки турбины. Сияющий вал вращал лепестки винта, разгоняя лодку. Экипаж в отсеках занимал боевые посты. Упирались головами и спинами в округлые стены и своды. Под пилотками, озаренные матовым светом, голубели худые лица, напряженно блестели глаза. Каждый управлял элементом лодки, давил на кнопки и клавиши, поворачивал вентили и рычаги. От прикосновений пальцев мощно колыхались рули, поворачивая крейсер в потоках. Убыстрялось вращение винта, оставлявшего турбулентный след. Повинуясь воле упрямого, с худощавым лицом командира, лодка раздвигала толщу шумящих вод, сбрасывала с оболочки тонны вскипавшей воды.

Дав «полный вперед», крейсер пытался уйти от преследования, но противник прибавил узлы, висел на хвосте. Крейсер круто вильнул, пропадая из зоны слежения, но враг повторил маневр и снова вцепился в хвост. Крейсер продул носовые цистерны, создал дифферент на нос, плавно пошел в высоту, пропуская под собой «Колорадо». Но искусный противник изменил траекторию, поменял горизонт и вновь оказался сзади. Крейсер в переливах течений нащупал скользящий слой, где погас шум винта, стал не слышен противнику. Плавно, беззвучно парил среди соленых и пресных потоков. Но лодка противника, прорвав водяной купол, грозно надвинулась, и «Москва» прибавила ходу, уклоняясь от столкновения. Крейсер вонзился в облако криля, увяз в звучащем планктоне, надеясь раствориться в курлыкающем облаке звуков. Но враг, обладая чутким сонаром, отслоил звуковые помехи, выделил шум машины, встроился в кильватер «Москвы».

«Колорадо», как гончий пес, неотступно шла за «Москвой», хватала след, жарко дышала в затылок. Невидимая миру погоня совершалась под полярными льдами, в черной глубине океана. Две стальные оболочки, наполненные людьми и оружием, гнались одна за другой, раскаляя реакторы.

Командир подводного крейсера повернулся к старпому, произнес с досадой:

– Нам не хватает хода... Делаем разворот на сто восемьдесят... Гидролокатором – две посылки в лоб... Если у мистера Грайдера железные нервы, пусть идет в лобовую атаку...

«Москва» описала дугу. Устремилась навстречу противнику. Стала сближаться. Два черных стальных яйца накатывались одно на другое, готовые стукнуться и разбить скорлупу. Гидролокатор «Москвы» выдал две длинные ультразвуковые посылки, которые отразились от близкой лодки и оглушили Плужникова. Словно по корпусу «Колорадо» ударили пулеметом, и сталь задрожала от несусветной вибрации.

Сигнал был принят. «Колорадо» сбросила ход. Отвернула. Растворилась в подводных течениях, словно ее съел рассол. «Москва» вернулась на прежний курс. Упорно стремилась к полюсу.

Глава 2

«Колорадо», убийца подводных лодок, – бесшумный ход, громадная скорость, сверхчуткая акустика. Корпус новейшей конструкции с клювом для таранных ударов. Антенны радиосвязи, принимающие на глубине сигналы из космоса. Сверхскоростные, не подверженные помехам торпеды. И особая гордость проекта – секретная установка, с помощью звука имитирующая движение цели. Объемные шумовые сигналы порождали образ несуществующей лодки, создавали иллюзию скоростного ее приближения, заставляя противника воевать с пустотой.

Сконструированная в лабораториях Ливермора, построенная на верфях Бостона, «Колорадо» впитала знания, перетекавшие из России после крушения советской империи. Тысячи русских ученых переехали в Америку, передавая секреты подводного флота. Конструкцию лодок. Типы и силу оружия. Рельефы морского дна. Уязвимые места обороны. Ученые-переметчики усердно трудились, наслаждаясь комфортом в уютных коттеджах. Увеличивали американскую мощь, делая свою бывшую Родину беззащитной перед ударом соперника.

В центральном посту, среди мягкого шума вентиляторов, озаренных экранов, светомузыки цветных индикаторов, командовал старший помощник, фиолетовый негр, облаченный в белоснежный мундир. Его алый, раскрывавшийся при командах рот, глазированные белки, золотые позументы мундира великолепно сочетались с хромированной сталью перископной колонны, хрустальными циферблатами приборов, сверкающей пляской сигналов, каждый из которых отражал работу винта, давление в контурах реактора, близость проплывавшей подводной вершины.

Командир лодки адмирал Грайдер находился в рекреационном помещении вместе с представителем военно-морской разведки из «Неви Энелайзес» Томасом Доу, который отвлек адмирала от управления лодкой, вызвав для собеседования.

Рекреационное помещение представляло собой уголок тропического леса с живыми олеандрами, влажно-пахучими пальмами, цветущими орхидеями. Среди древесных стволов журчал ручей, наполняя крохотное темное озеро, на котором, словно большие зеленые блюда, плавали листья виктории-регии с белыми ароматными цветами. Среди листьев пальм и цветущих лиан бесшумно летали бабочки. У поверхности озера разноцветными блестками мелькали рыбки. Этот райский уголок в титановом корпусе, по соседству с реакторами и ядерными торпедами, перемещался в толще океана на глубине трехсот метров со скоростью двадцати узлов.

– Я выражаю вам мое восхищение, адмирал. Эти полтора часа погони за русской субмариной в районе полюса подтверждают вашу репутацию лучшего подводника Штатов. – Томас Доу растянул в хвalebной улыбке длинные волнообразные губы, отчего продолговатое лицо разведчика с кольчатой черной бородкой лишилось симметрии. Желтоватые глаза сместились на разные расстояния от жилистой переносицы. На разных щеках складки образовали несхожие геометрические фигуры из ромбов и треугольников. Коричневый кадык на костистой шее съехал набок. – Лучшее на вашей великолепной лодке – это вы сами, адмирал.

– Спасибо, сэр. – Грайдер сухо поклонился в ответ, и его выбритое, с волевым подбородком лицо выразило едва заметное недовольство по поводу фамильярных похвал.

– Мне кажется уместным начать разговор, который объяснит цель моего появления на борту. Должен сообщить, что нынешний поход «Колорадо» явился следствием моего разговора с министром обороны. Именно он отменил ваш отпуск и поездку на Багамы, которую вы вполне заслужили, уже проведя в этом году под водой сорок пять суток.

Адмирал молчал, сухо поблескивая серыми глазами, окруженными тонкими лучистыми морщинами, похожими на трещины в разбитом стекле перископа. Бабочки, лазурные, словно маленькие невесомые ангелы, перелетали над его головой.

– Сомневаюсь, что информация, которую я намерен вам сообщить, является общеизвестной и доступна даже вам, человеку, которому по осведомленности нет равных в военно-морском флоте...

– Мы информированы лишь в той части, в какой являемся одной из составляющих ядерной триады Америки. Мы не претендуем на абсолютное знание и не можем конкурировать с осведомленностью офицеров «Неви Энелайзес». – В ответе адмирала была едва различимая ирония действующего подводника в адрес высоколобых представителей штабов и разведок, чье увлечение спиритуальными, нетрадиционными знаниями стало предметом публичных насмешек.

– Вы намекаете на публикации в «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал», а также на серию фельетонов в «Филадельфия инквайер» о магах и экстрасенсах разведки, которые объясняют ускоренное строительство церквей в России намерением русских перевести противостояние с Западом в религиозную плоскость? А также упоминание о русском секретном оружии, топографической бомбе, способной направленным взрывом изменить координатную сетку Земли и вызвать цивилизационный хаос смещением часовых поясов? Что ж, это может показаться забавной шуткой, если бы не являлось утечкой стратегической информации, засвечивающей уровень наших представлений о противнике. Должен вам сообщить, что по факту этих утечек уже начато секретное расследование в рамках закрытой комиссии конгресса и нескольких отделов ЦРУ. Именно эти утечки заставили руководство страны форсировать выход «Колорадо» в океан и побудили меня разделить с вами приятное общество на борту. В процессе плавания я уполномочен поделиться с вами сверхсекретной информацией, которая содержится в конверте с боевым приказом, подписанным Президентом.

Глаза Томаса Доу состояли из желтых и черных колец, были почти лишены белков и производили впечатление оптического излучателя, воздействующего на среду. Говоря все это, разведчик смотрел на белый бутон виктории-регии, и тот под воздействием взгляда медленно раскрывался, похожий на отрезанный кусок сливочного масла.

– Что вы имеете в виду, сэр? – Адмирал сделал вид, что не заметил уязвленности собеседника, уловившего иронию в его последней ремарке.

– Я бы хотел информировать вас, адмирал, о назначении русской субмарины «Москва». О спецвооружении этой лодки, которое не значится ни в каких реестрах и справочниках и о котором вы не прочтете ни в «Джейн», ни в закрытых инструкциях нашей военно-морской разведки. О топографической бомбе, которую носит с собой русский подводный крейсер, и о том сокрушительном для Америки эффекте, который несет в себе это оружие.

Адмирал изумленно поднял брови, отчего изменился изящный рисунок морщин вокруг его глаз. Так дергается хрупкими складками пенка на закипающем молоке, покрываясь шевелящимися тонкими лучиками.

– Весь внимание, сэр...

Теперь Томас Доу смотрел черно-рыжими застекленными трубками на зеленое, с поднятыми краями блюдо огромного водяного листа, и тот под воздействием взгляда, как если бы на него дул слабый ветер, начинал медленно плыть.

– В секретном докладе ЦРУ за пятьдесят третий год упоминается послание Сталина Президенту Трумэну перед испытанием русской термоядерной бомбы на Новой Земле. Сталин сообщает Президенту, что дал указание физикам вдвое снизить мощность заряда. Ибо геофизические расчеты показывают, что взрыв планируемого заряда приведет к чрезвычайному сотрясению земной коры в районе Северного полюса. Это сместит земную ось таким образом, что полюс толчком передвинется из пустот Ледовитого океана в район Гренландии. В результате толчка в Атлантическом океане возникнет волна высотой сто сорок метров, которая со скоростью восемьдесят километров в час двинется в сторону Соединенных Штатов и Канады. Удар этой волны до основания разрушит цивилизацию Северо-Американского континента,

абсолютно изменит его рельеф и климат. Упомянутую ударную волну Сталин именовал Атлантическим валом. Называл себя человеком, который спасает Америку, нуждаясь в ней как в элементе послевоенного биполярного мира. Возможно, в ответ на послание Сталина Президент Трумэн не привел в действие план «Нордтоп», предполагавший превентивный ядерный удар по Советам в момент, когда у Штатов было абсолютное преимущество в носителях и боеголовках.

Грайдер умел придать своему лицу вид выставленного вперед локтя. Этот разведчик, чья морщинистая физиономия напоминала старое кавалерийское седло, не внушал адмиралу доверия. Кольчатая черная борода, агатовый темно-лиловый перстень делали его похожим на факира, чему немало способствовали загадочные речи. Этому экстравагантному магу от разведки приходилось вручать судьбу великолепной лодки, совершенных механизмов и самозабвенного экипажа, составлявшего цвет человечества. «Колорадо» обладала таким оружием, что была способна неслышно подкрасться к русским берегам и расстрелять у пирсов остатки флота, жалко догнивающего в обезлюдивших базах. Когда стало известно, что Томас Доу прибывает на лодку с правом командирского приказа, Грайдер подумал, что поход обретает черты экспедиции, которую предпринимали нацисты в Гималаи и пустыню Гоби в поисках арийской прародины.

— С тех пор ситуация усугубилась. — Томас Доу энергично двигал морщинами. Они складывались на лбу в каббалистические знаки, словно были начертаны на двух раскрытых пергаментных страницах. — Лды Антарктиды ускоренно тают. Ледники Гренландии набирают массу и вес. Земля напоминает гантель, состоящую из двух гигантских култышек льда. Земная ось становится все более неустойчивой.

Топографическая бомба, или, как называют ее русские, «Рычаг Архимеда», взорванная неподалеку от Северного полюса, столкнет ныне существующую земную ось, перебросит ее верхнее окончание в район Гренландии и вызовет этим всеразрушающий Атлантический вал. К изготовлению подобных зарядов Россия приступила незадолго до прихода к власти Горбачева. Сложным образом, воздействуя на честолюбие русского лидера, влияя на него через жену Раису, внедряя в научные круги СССР наших агентов, мы заложили в их военные программы технические и финансовые ловушки. Нам удалось максимально замедлить реализацию этой программы. Однако к моменту распада Советов они спустили на воду крейсер «Москва», оснащенный топографической бомбой. Как я сказал, ее прямой эффект — материальное разрушение Америки. Побочный — слом топографической сетки Земли, что приведет уцелевшие государства Запада к топографическому хаосу, к бесчисленным катастрофам самолетов, кораблей, суперкомпьютеров, краху банковской системы, параличу транспорта, нефтепроводов. Советский Союз был готов к изменению координатной сетки Земли, к смене часовых поясов. Этот резервный вариант находится в руках русского Генштаба и является гарантом их безопасности.

Томас Доу сжал металлически-синие брови, стиснул ими оптические трубки, инкрустированные желтыми и черными кольцами. Направил взгляд на поверхность озера, где сновали разноцветные рыбки. Взгляд выдавил в озере неглубокую лунку, рыбки прыгнули в разные стороны. Некоторые из них, оглушенные экстрасенсорным ударом, всплыли на поверхность животами вверх.

— Знатокам русской истории известно, что те давно уже практикуют перенесение координат как метод геополитической и религиозной экспансии. Сначала они пытались перенести в Москву координаты итальянской столицы, назвав Москву Римом. Позднее, при одном знаменитом патриархе, была предпринята попытка перенести в Россию координаты Святой земли, в результате чего под Москвой возник Новый Иерусалим. Топографическая бомба есть прямое продолжение этих усилий, которые и являются внутренним содержанием знаменитой русской идеи. Вам могут показаться странными мои слова, адмирал. Но экипаж «Москвы» подбирался русскими с учетом метафизики русской жизни. Все эти люди, двести человек экипажа, обладают свойством, которое на старомодном языке зовется святостью. Их присутствие

на лодке обеспечивает мистическую компоненту топографической бомбы. Само их пребывание в составе русского населения, которое деградирует, вырождается, лишено национального духа, является для нас, американцев, непреодолимой преградой в деле покорения России. Преградой, устранить которую могут лишь радикальные средства. Персональное изучение экипажа «Москвы» позволяет утверждать, что среди них присутствуют люди с нетривиальными свойствами. Многие из них готовы игнорировать смерть. Другие религиозно верят в Россию. А находящийся среди них акустик, капитан-лейтенант Плужников, понимает язык рыб, добывая с их помощью информацию о наших подводных и надводных кораблях, удаленных на тысячу километров.

– Весьма возможно, сэр, – холодно заметил адмирал, подчеркивая своей отстраненной любезностью степень презрения к праздной болтовне карьериста из разведывательного ведомства. – В таком случае, сэр, нам приходится радоваться, что мы наконец оторвались от столь опасного объекта. Остается уповать на рачков и креветок, язык которых еще не расшифрован русским акустиком. Это позволит нам увеличить дистанцию.

– Не обольщайтесь, адмирал. Мы сейчас подойдем к карте, и я покажу вам пункт, куда вы направите «Колорадо». Это район применения русскими топографической бомбы, где они оказываются каждый раз для отработки учебных пусков. Точка опоры, куда они хотят поместить «Рычаг Архимеда». Когда мы зафиксируем их присутствие, я вскрыю конверт и прочитаю вам приказ Президента. Понятно ли я изъясняюсь? – Томас Доу направил мерцающие трубки в зрачки Грайдеру. Впрыснул жгучий пучок лучей.

Тот почувствовал, как сгорела часть его сетчатки и глаза затмили лиловые бельма.

Томас Доу перевел взор на летающих бабочек. Стал мягко водить бровями, вращать черно-желтыми хрустальными окулярами, словно вытаскивал в воздухе невидимый желоб. От тропической листвы и цветов – к белоснежному мундиру адмирала. Бабочки, повинаясь таинственной воле, разом вспорхнули. Потянулись в желоб, увлекаемые магнитом. Усеяли парадный мундир адмирала. Нежно-голубые, изумрудно-зеленые, огненно-алые, покрыли грудь, рукава и плечи. Сквозь этот волшебный покров стали почти неразличимы золотые позументы и орден «Пурпурное сердце», полученный адмиралом за поход на субмарине вокруг земного шара.

Командир «Москвы» не покидал центральный пост. Уверенно вел крейсер к полюсу, где на соленой поверхности недвижно покоился купол льда, над которым, окруженная голубой дымкой, среди разноцветных миров, восхитительно сияла Полярная звезда. Командир чувствовал свою лодку как огромную живую махину, где был драгоценен каждый лепесток серебряной клеммы, всякая прихотливо изогнутая медная трубка, где чувствительные кнопки и стрелки, послушные валы и колеса, бесчисленные электронные всплески, гулявшие в непомерном объеме лодки, поджигали экраны, приводили в движение накалинные стержни урана, вдували воздух в цистерны, посекундно ощупывали дремлющие остроносые ракеты и толстолобые торпеды.

Одна часть экипажа отдыхала в уютных каютах, ловя в чутком сне бульканье «громкой связи», торопливый стук башмаков, стальную вибрацию оболочки, по которой, как по коже огромного животного, пробегал едва уловимый трепет жизни. Другие моряки несли вахту, распределялись равномерно по всей длине лодки, втискивались в тесные ниши, похожие на футляры для человеческих тел, подпирали головами и спинами стальные своды, подобно карантидам. Штурманы прокладывали по карте маршрут, исчисляя координаты, которые выдавали им гироскопы в своем непрерывном, сонном вращении. В реакторном отсеке, у пульта, драгоценно мигавшего, как новогодняя елка, операторы поддерживали ровный мощный огонь ядерной топки. В головном отсеке, словно усыпленные рыбины, лежали на стеллажах боевые тор-

педы, и недремлющие торпедисты были готовы направить их гладкие, полированные тела в трубы торпедных аппаратов, которые, словно чуткие ноздри, прорезали нос лодки.

Командир настолько знал и любил свою лодку, чувствовал ее настроения, тайные недомогания, ее могучую плоть и бестелесный дух, что иногда сам себе казался стальной громадой, запущенной в Мировой океан.

Его выпуклые бока состояли из прочных шпангоутов, на которые были натянуты титановые и стальные листы, словно грубая черная кожа. Раскаленный пах был наполнен неистощимой энергией, от которой все огромное тело получало неукротимое стремление вперед. В лобной кости трепетало нежное чувствилище, откликавшееся на пульсации океана, на каждый пузырек и песчинку, всплывавшие на пути. Из затылка выдвигалась стальная труба, застекленная хрустальными призмами, хрупкие штыри, протыкавшие поверхность воды, ловившие позывные и коды неба. Его стиснутые ноги кончались лопастями винтов, отталкивающих тугие водовороты. Растопыренная рука была вытянута вперед, и каждый палец завершался торпедой. На упругих ребрах, как мускулы, бугрились связки крылатых ракет. И во всем могучем теле, с напряженными мускулами, ухающим сердцем, пузырями воздуха, перетекавшего в просторных легких, – глубоко, в подбрюшье, таился главный орган, ради которого было сотворено подводное диво, по образу и подобию бога, явившего себя в виде огромной рыбы. Контейнер с топографической бомбой, где хранился код мироздания, ключ времен, судьба Вселенной, куда Господь поместил часы, исчислявшие начало и конец света. На пульте, среди множества клавиш и кнопок, была одна, ярко-красная, с резкой надписью «Пуск», приводившая в движение бомбу. Красный пупок, соединявший лодку таинственной пуповиной с маткой мира.

– Командир, – штурман предстал перед ним, покинув свой сумеречный пост, где голубые и желтые, будто горящие луны, пламенели экраны, – приближаемся к точке всплытия. До нижней кромки льда семьдесят восемь метров. Предположительная толщина ледового покрова – два метра.

– Готовимся к всплытию. – Командир взглянул на округлый свод, по которому струились бесчисленные жгуты и трубы, выстилаая изнутри корпус лодки, подавали по отсекам воздух, свет и тепло, гидравликой, электроникой, легкими толчками и сжатиями соединяли множество машин и приборов в нерасторжимое живое единство.

Сквозь титановый свод он чувствовал литую толщу непроглядно черной воды, зазубрины льда, свисавшего вниз, в океан, крепкий наст, изрезанный полярным ветром, с заледенелым когтистым следом медведя. А надо всем распахнулось небо с многоцветными полярными радугами и высокой, в центре неба, голубой звездой.

– Самый малый!.. – Он послал команду в ходовой отсек, где мотористы стали глушить обороты винтов. – Продуть кормовую!..

Забулькало, заревело в цистернах, куда хлынули тугие пузыри воздуха, вытесняя воду, медленно приподнимая корму.

Лодка повисла в океане, окунув отяжелелую голову. Командир посылал команды на рули, балансировал, гасил скорость, осторожно и чутко приближал лодку к поверхности, обрабатывая зубчатый поддон ультразвуковыми посылками. Выбирал место, где меньше было острых сосулек и можно было прикоснуться ко льдам железным туловом, не опасаясь смять и расплющить рубку.

– Продуть носовую!..

Крейсер звякнул рубкой по ледяному клыку, обломил его.

Стон удара, грохочущий звон пробежал по лодке, породив в сердцах моряков ужас, от которого проснулась отдыхавшая часть экипажа, кок на камбузе просыпал соль в кипящую кастрюлю с борщом, канарейки в комнате отдыха панически забились в клетке, роняя желтые перышки.

– Продуть среднюю!..

Лодка переполнялась воздухом, всплывала, давила на толщу льда. Лед выгибался, пока не лопнул, и под мощным давлением пробежала первая трещина, породив жуткий грохот. Словно взорвалась глубинная бомба, хватанула по корпусу взрывной волной.

Трещина заструилась, ветвясь и множась. Казалось, кололись огромные граненые стаканы. Лупили по толстенной оболочке громадные кувалды. Вскрывали лодку гигантским консервным ножом. Кто-то свирепый ломился внутрь, просовывал лапищу, готовый поймать и стиснуть пискнувшего моряка.

Лед крошился, кипел, брызгал множеством ломтей и осколков, открывая черную жуткую полынь. В блещущей проруби начинала взбухать литая спина, омытая океаном. Сбрасывала ревущие водопады, стряхивала ледяные глыбы. Выдавливалась, словно громадный черный пузырь. Крейсер всплыл среди ночных зеленоватых льдов, под бриллиантовыми звездами. У бортов нежно звенели льдины, журчали ручьи, мерцала лакированная рубка.

– Экипажу подняться на палубу!.. – Командир, радостно-сдержанный, был благодарен команде за виртуозный маневр, позволивший крейсеру взломать купол Мира, всплыть под Полярной звездой.

В награду за удачу командир позволил утомленным морякам покинуть железное чрево лодки, наполненное металлическим воздухом, выйти под открытое небо, полюбоваться несравненной красотой мира.

По одному поднимались из рубки на глянцебитую палубу, на которой прожектор зажигал черные лужи ртути. Лучи били в пляшущую, фиолетовую, словно глаз осьминога, воду, где колыбался округлый корпус. Расколотый лед отливал зеленым и розовым, будто в каждой глыбе горела лампада. Наст блестел сахарной пудрой, и люди, кутаясь в бушлаты, топтались на железной палубе среди сочных испарений.

– Спустить трап!.. Пятнадцать минут на знакомство с полюсом, и домой, есть пироги!.. – Командир хватал губами сладкий воздух, глотая его, словно холодную густую наливку. Над рубкой, едва различимые, появились штыри антенн, рассылая зашифрованные координаты крейсера, оповещая штаб о выполнении задания.

Оружейник Шкиранда радостно, сильно хватанул снег, поднес к лицу, жадно дышал ноздрями. После душного, пропитанного маслами отсека снег благоухал как морозное яблоко.

– Был бы на полюсе какой-нибудь столб, я бы на нем написал: «Здесь стоял простой русский парень Шкиранда».

Энергетик Вертицкий блаженно запрокинул худое лицо к небу, откуда медленно опускалась на него разноцветная роса, и добавил:

– «У него были не все дома».

И тут же получил снежком в грудь. Ахнул, черпнул под ногами снег, смял в комок, запустил в Шкиранду. Не попал, но угодил в шифровальщика. Тот пульнул снежок в обидчика, промахнулся и шмякнул торпедиста. Торпедист вскрикнул, скомкал твердый колобок, метко попал в шифровальщика. На льду нагибались и выпрямлялись сильные молодые тела, летали снежки, перечеркивая луч прожектора, попадали, промахивались. Командир устало улыбался, глядя на детскую забаву моряков, учиненную на Северном полюсе, у громадной полыни, в которой угрюмо колыбался атомный подводный крейсер.

Мысль командира блуждала среди пышных лучей прожектора, таинственных испарений океанской прорывы, породившей громаду крейсера. Витала среди бисерной разноцветной росы, в которой драгоценно и грозно сверкали созвездия. Перелетела половину Земли и оказалась в Москве, в уютной комнатке у Разгуляя, где коротали осенний вечер любимые люди. Жена в домашнем халатике, повязав тесьмой золотистый пук волос, печально и нежно смотрела, как сын под абажуром завершает рисунок. Бело-синие льды. В фиолетовой проруби, похожий на кита, всплыл корабль. Светит белый прожектор, освещая стоящих на льду моряков. Самый

высокий из них, командир, поднял голову в небо, где в черноте сияет Большая Медведица, состоящая из зеленых и малиновых звезд. Мысль командира была мимолетной и сладкой. Он послал своим милым благословение с полюса, уповая на скорую встречу. На осеннюю, с остатками красной листвы на бульварах, восхитительную Москву. Они втроем идут в парк, садятся на карусель, и веселый вихрь несет их по кругу среди музыки и беззаботного счастья.

Плужников, сойдя на лед, уклоняясь от летящих снежков, удалился туда, где померкли ртутный огонь прожектора и лихие крики товарищей. Шел по насту, слыша хрупкие скрипы, словно под ногами была натертая канифолью струна, откликавшаяся на осторожные прикосновения смычка. Воздух казался густым и сладким, словно сотовый мед. Звезды были близкими и огромными, как рубины и аметисты в часах, куда их вставили, чтобы мерно вращалось величественное колесо Мира, насаженное на тончайшую ось. Эту сияющую спицу, пронзившую небо, уходящую сквозь льды в океан, погруженную в толщу планеты и оттуда, сквозь Южный полюс, улетающую в небеса, где такие же огромные, драгоценные звезды, – эту земную ось Плужников ощущал как тончайший луч, проколовший лед почти у самых его ног. Он приближался к лучу по нежно звучащей струне, испытывая благоговение. Это место Мира казалось нежным, чудесным. Из необъятного космоса сюда вливались таинственные силы, питавшие Землю из бездонного сосуда жизни. Небо переливалось и вздрагивало зеленоватой прозрачной волной, как у горловины кувшина, из которого льется волшебная влага. Плужников слышал несущуюся из космоса весть. Она была для него, была благодатной. Восхищаясь и благоговей, он смотрел в небеса, задавая все тот же неотступный вопрос: «Кто я? Скажи, кто я?»

Он увидел среди недвижных алмазов крохотное живое мерцание. Малую точку, подобную драгоценной росинке. Росинка была в небе и одновременно в его сердце. Две чудесные таинственные вспышки искали друг друга. Небесная превратилась в легчайший бирюзовый крестик, и сердце, словно зеркальце, тут же его отразило. Небесная стала похожа на пернатое семечко, и сердце радостно откликнулось, зеркально его повторило. Снега озарились изумрудной зарей. Она стала голубой, золотистой. Небо бесшумно полыхало, волновалось цветами радуги. Казалось, летает огромная прозрачная бабочка и сквозь ее стоцветные крылья просвечивает небывалое, вставшее в небе светило.

Плужников понимал, что ему явлено чудо. Молитвенный зов его был услышан. Посланная из мироздания весть стремительно к нему приближалась. Четыре птицы снижались к нему, каждая вылитая из цветного стекла. Держали в клювах натянутый, из алого шелка, платок. Шелк волновался, просвечивал, сквозь него туманно светили звезды. Другие четыре птицы, словно их выдул из драгоценного стекла небесный стеклодув, прилетели, держа в клювах платок золотистого шелка. Наложили один платок на другой, чуть сместили углы. Перед Плужниковым пылала восьмиконечная золотисто-алая звезда. Птицы, тянувшие клювами заостренные лучи, превратились в ангелов. Стояли на воздухе, вращая стеклянными крыльями, держали звезду, и она переливалась, наполненная ветром, словно чудесный парус.

В сердцевине прозрачной звезды возникла женщина. С прекрасным лицом, в легких покроях, не касалась босыми ногами снега. Держала в руке алую розу. Вокруг нее золотился воздух, от нее изливалось тепло, исходило благоухание. Плужников испытал к ней такую нежность, пережил такое блаженство, что глазам стало жарко от слез, и женщина на мгновение превратилась в летучую радугу.

Он знал, что это была Богородица. Ее чудотворная икона из шелков, из лучей, из радуг стояла перед ним на цветных снегах. Богородица была выткана шелками на плащанице. Сделала шаг вперед. Коснулась стопой голубого сугроба.

– Ты меня звал, – сказала она, и голос ее был чудесно знаком. Напоминал голос первой учительницы. И молодой матери. И соседской девочки, которую нежно и чисто любил. – Ты звал меня и искал. Я пришла на твой зов...

Плужников верил, что видит ее наяву. Она была явью, а все прежнее было сном, который завершился волшебным пробуждением.

– Пришла сказать, что все вы, кто приплыл сегодня на лодке, – святые. Вами сохраняется Россия, берегается у последней черты. Вам придется претерпеть, испытать премного страданий. Подобно тем, кого я уже посетила. Верь в то, что я вас никогда не оставлю. Знай, что смерти нет. А есть Любовь. Есть Жизнь бесконечная...

Он почувствовал на губах ее поцелуй. Женщина отступила назад, в свои шелка. Откинулась в них, как в глубокий гамак. Ангелы превратились в стеклянных птиц. Держа гамак за восемь заостренных концов, понесли звезду Богородицы в расступившееся небо.

Еще мерцала удаленная точка, переливалась исчезающая алмазная росинка, колыхалось во льдах нежное зарево. Плужников отирал счастливые слезы. Шагнул туда, где только что было видение. На снегу, прожженный маленькой горячей стопой, остался отпечаток. Подмерзающие края были усыпаны разноцветными льдинками. Среди студеного ветра пахло розой.

Но уже хрипло рычал мегафон. Прожектор разбрасывал тревожные ртутные брызги. В полынье бугрилось черное тулово лодки. Командир созывал экипаж.

* * *

Крейсер «Москва» возвращался в базу, пробивая пустынную толщу вод. Убрал под железную обшивку перископ и антенны. Превратился в пузырек света и воздуха, летящий в глубине океана. Бесшумные приборы выбирали курс, рассчитывали расстояние до базы, держали лодку в горизонтальном парении. На глубине тридцати метров лодка попала в сильное подводное течение, сносившее крейсер к востоку. Автоматика рулей вносила поправку на скольжение, запрашивая у компьютера координаты места. Волчки гироскопов неумолимо, как прялки, наматывали на себя невидимые нити пространства.

Командир был благодарен лодке, сберегавшей жизнь экипажу среди жестокой океанской стихии. Был благодарен экипажу, сберегавшему лодку среди льдов, донных хребтов, ядовитых рассолов. Нерасчленимый в походе, нераздельно сплетенный с реакторами, турбиной, винтами, встроенный в ракеты, торпеды, электронные и звуковые приборы, экипаж на берегу распадался на множество хаотических судеб. Среди моряков были угрюмые меланхолики и дурашливые весельчаки, несносные выпивохи и вспыльчивые забияки, медлительные тугодумы и лукавые хитрецы. Но, погрузившись в лодку, соединив себя с титаном, сталью, взрывчаткой, подключив свои сердца и мускулы к сжатому воздуху и раскаленному урану, они становились похожи. Оказывались элементами огромной живой машины, противодействующей мирозданию, которое стремилось их сплющить. Командир воспринимал экипаж как отец, опекающий многочисленную семью. Как первобытный вождь, управляющий в железной пещере расплодившимся родом. Как настоятель монастыря, позвавший братию на духовное служение и подвиг. Лодка была подводным русским монастырем, где совершали подвиг монахи. Командир, в черной форме подводника с серебряными погонами капитана первого ранга, был схимником в черном облачении, на котором блистающими нитями была вышита Голгофа с крестом и серебряным черепом.

Акустик Плужников прислонил ушные раковины к чутким мембранам приборов, и его розовое ухо распустилось, словно цветок, вышло за пределы стальной оболочки. Плыло в океанских потоках, внимая музыке подводных сфер, стеклянных песнопений, металлических рокотов, каменных хрустов и скрежетов, как если бы терлись друг о друга донные хребты, осыпались гранитные лавины, шелестели от подводного ветра кроны могучих деревьев. Это стлывалась насыщенная солью вода с пресноводным течением, рождая печальный звук столкновения. Опускались в глубину охлажденные слои, продавливая тяжестью водяной купол, сотрясая гулами океанскую бездну. Звенела капля, ударяясь о другую. Вдыхала пылинка

метеорита, упавшая в океан. Цокал панцирь креветки, скользнувший по лодке. Гудела лапа кита, толкнувшая сгусток воды. И среди голошений мира не умолкал нежный бессловесный голос, полный волшебной женственности, прекраснее которого не было ничего во Вселенной. Словно над лодкой продолжала струиться дивная звезда с золотистыми и голубыми лучами. Вслед кораблю в пучине мчались разноцветные ангелы. Алая роза плыла перед крейсером, источая благоухание.

Плужников уловил отдаленный, многократно заглушаемый звук, похожий на треск холста, когда лопаются крепко сотканые нити. Звук стал слышнее, резче, как если бы взрывались срезанные заклепки, стягивающие листы железа. Этот стучащий, режущий звук перешел в устрашающий грохот, словно долбил пулемет, укладывая пули прямо в ушную раковину. Ухо, набитое стальными сердечниками, закупоренное долбящим звуком, ужаснулось, кровоточило, желая спрятаться в глубину оболочки.

– По пеленгу восемьдесят обнаружена цель!.. Подводная!.. Классификация – «Колорадо»!..

Командир обратился к старпому:

– Они караулили нас на маршруте... Опять устроили гонки... Может быть, адмирал в неслужбное время участвует в ралли?

– Похоже, он выступает в «Формуле-1», – невесело отозвался старпом.

– Неподходящее место для гонок, прямо скажу. Глубины до ста метров. Вертикальный маневр затруднен. – Мысленным взором он обозрел океан, где обе лодки двигались параллельными курсами, между поверхностью, где бушевал шторм, закручивая черные рулоны волн, и каменным дном с заостренными гранитными надолбами. – Полный вперед!.. Самый полный!..

Лодка сделала горячий вдох и ринулась мощно вперед.

Вначале они скользили на параллелях, неуклонно сближаясь. Словно «Колорадо» давила «Москву» набухшей бортовинной, сгоняя ее с маршрута.

– Опасно маневрирует, гад, – сокрушался старпом, видя, как «Москва» плавно искривляет траекторию, стремясь сохранить дистанцию. – Обнаглели, суки! Был бы Советский Союз, не посмели бы!

– Мы теперь и есть Советский Союз... Столица нашей Родины – «Москва»... Сбросить ход до десяти узлов!..

Лодка умерила неукротимый бег, отпуская вперед «Колорадо», которая, вопреки ожиданиям, не сбросила скорости, но стала равномерно и мощно удаляться, оставляя позади утомленный крейсер. Стремилась в норвежский порт, всласть нагонявшись за русской субмариной, продемонстрировав превосходство в маневре и ходе, показав обессиленным русским мощь американских реакторов, турбин и винтов. В Керкинесе, в ночном офицерском клубе, моряки придвинут к себе толстые стаканы с виски, станут смотреть, как в аметистовых вспышках у хромированной штанги танцует мулатка с фиолетовой грудью, доставленная «боингом» из Нового Орлеана.

– Баба с воза – кобыле легче, – произнес старпом, видя, как лодка спрямляет дугу траектории, возвращаясь на прежний курс.

Плужников слушал отлетающий звук американских винтов, который напоминал теперь едва уловимый шелест пузырьков в бокале шампанского.

Томас Доу появился в центральном посту, где адмирал Грайдер вел управление субмариной, стоя перед обширным электронным экраном, на котором координатная сетка лучисто разбегалась от полюса к берегам Скандинавии, к Новой Земле и к северному очертанию Сибири. На электронной плоскости были видны обе лодки, разделенные голубым пространством; несколько сухогрузов, пробиравшихся вдоль Кольского побережья; русский эсминец, выполнявший на полигоне учебные стрельбы; два самолета-разведчика «Орион», барражиру-

ющие над эсминцем; американский спутник, ведущий разведку в районе главной базы русского флота. Нажатием клавиши адмирал вызывал на экране контуры донного рельефа, вектор течений, направление и скорость ветра в районе нахождения лодки. Доу застал его в тот момент, когда адмирал высчитывал время, оставшееся до возвращения «Колорадо» в норвежскую базу.

– Я вынужден вас отвлечь, адмирал. – Доу заиграл складками, искусно создавая на лице магическую геометрию, которая загадочным образом повторяла графику голубого экрана, словно маг использовал мимику для копирования электронной карты. – Теперь, когда русская лодка вышла на мелководье и проходит узкость, вынужденно помещая себя в мешок, самое время вскрыть пакет, врученный мне министром обороны, и зачитать приказ Президента...

Темная, отливающая синью борода Доу, волнистые ироничные губы, легкий эффектный взмах руки, в которой оказался конверт, скрепленный малиновой сургучной печатью, придавали разведчику сходство с факиром, что вызвало раздражение адмирала. Оно проявилось в трепете лучистых морщинок у глаз, напоминавших прожилки на крыле серебристой бабочки. Жестом фокусника, готового извлечь из конверта не лист бумаги, а шумную разноцветную птицу, или отрубленную женскую голову, или букет живых цветов, Доу сломал сургуч с оттиснутым американским орлом. Вскрыл конверт. Вытряхнул из него бумажный лист с нежно сквозящими водяными знаками. Направил на адмирала немигающие кристаллические глаза с набором кварцевых черно-желтых колец.

Адмиралу показалось, что две отточенные ложечки поддели его глазные яблоки и аккуратно вычерпывают из глазниц. Доу перевел оптический прибор на бумагу, отчего водяные знаки слабо вспыхнули, как голограммы, и голосом ведущего Си-эн-эн стал читать:

– «В целях обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов, исходя из стратегических интересов американского народа, беря на себя ответственность перед Богом и Америкой, приказываю уничтожить русский многоцелевой подводный крейсер „Москва“, используя генератор ложных целей „Дух Тьмы“ и рельеф морского дна в районе атаки. Президент Соединенных Штатов...»

Томас Доу протянул листок адмиралу, сопровождая жест немигающим взглядом, от которого водяные знаки переливались, как рыбы чешуйки. Адмирал принял лист белой бумаги, не отличаясь от него цветом лица. Прочитал, поворачивая на свету изысканный иероглиф Президента, отливавший лаком застывших чернил.

– Вы хотите уничтожить лодку с атомными реакторами на борту, с ядерными торпедами и комплексом ядерных крылатых ракет, а также с грузом спецоружия, взрыв которого сместит полюс на двести километров? Вы хотите это сделать в мирное время, когда Россию и Штаты скрепляют партнерские отношения? – Лицо адмирала напоминало слоновую кость, на которой грубый резец выточил губы и нос.

– Хочу не я, а наш Президент, за которого вы голосовали, адмирал, и который является вашим Верховным главнокомандующим. – Доу сжимал в кулаке черный клин бородки, из которого капали лиловые капли горящего спирта.

– Вы не можете не знать, что повреждение реакторов лодки вызовет радиоактивное заражение океана на пятьсот километров в окрестности!

– Точка атаки выбрана с учетом морских течений, которые понесут массы зараженной воды к берегам Сибири и в Белое море в район Архангельска. Европе ничто не грозит. Весь удар радиации примет на себя Россия, в которой действует демографическая программа, направленная на сокращение избыточного населения.

– Мы должны отдавать себе отчет, что нападение на русскую лодку будет означать начало войны. Ответом могут быть немедленные пуски русских ракет, чья численность все еще позволяет нанести эффективный ответный удар!

– Мы контролируем русский ядерный потенциал. Программа «Антитеррор» позволила нам проникнуть в систему управления русских ракет и, в случае необходимости, блокировать их пусковые коды. Кроме того, мы эффективно воздействуем на политическое руководство России и с момента атаки немедленно активизируем каналы нашего влияния.

– Имитационная система «Дух Тьмы» была использована в условиях полигона, в теплых водах вблизи Сан-Диего. Здесь же, в холодных водах Арктики, практически в боевых условиях, нет уверенности в эффективности установки. Ложный, создаваемый «Тьмой» образ может не сложиться. Русские не воспримут его как «Колорадо», не станут маневрировать, и тогда нам грозит реальное столкновение!

– Пусть это вас не тревожит, адмирал. Ультразвуковые сигналы «Тьмы» будут сопровождаться мощной экстрасенсорной посылкой, которую я готов ретранслировать от источников, расположенных на Восточном побережье Штатов. Семь магов, гордость «Неви Энелайзес», в эти минуты находятся в разных точках Атлантического побережья. Нацеливают на меня свое биополе, которое я, вслед за «Тьмой», превращу в могучее средство атаки.

– Но это безумие!

– Адмирал, выполняйте приказ Президента! Иначе я вас арестую и приму командование лодкой!

Томас Доу погрузил свои кварцевые раскаленные трубки в глаза адмирала, и те задымались, наполнив глазницы горячим розовым пеплом.

– Я выполняю приказ Президента, – вяло, словно во сне, произнес адмирал Грайдер. Шагнул как лунатик... – Курс сто восемьдесят... Скорость тридцать узлов... Задействовать имитаторы целей... Оператора «Тьмы» на центральный пост...

* * *

– Командир, они возвращаются!.. – Старпом на электронном экране зло и тревожно рассматривал встречную цель, возникшую по курсу «Москвы».

Цель приближалась. Ступенчатый импульс, обработанный компьютером, распался на множество синусоид. Словно струйки растаявшего ледяного кристаллика, они заструились в электронном русле компьютера.

Каждый ручеек был звуком, излетавшим из турбулентного следа винтов, из растревоженной толщи, сквозь которую проходила лодка, из потоков, омывавших гладкое тулово, из мягко рокочущих подшипников, в которых вращался вал, из раскаленного пара, толкавшего лопатки турбин. Каждый из этих звуков исследовался, сверялся, запускался в память компьютера, хранившего миллионы подводных звучаний, и говорил о том, что уловленная сонаром цель была американской лодкой-убийцей «Колорадо», которая на встречном курсе опасно сближалась с «Москвой».

– Продуть носовые!.. Лево руля!.. – Командир повел лодку к поверхности, ломая курс, удаляя крейсер от опасного скалистого дна.

– Снова на встречном!.. Идут прямо в лоб!.. – Старпом сделал стойку, уперев ноги, набычив шею, сжав кулаки, словно ждал столкновения.

– Право руля!.. Самый полный!..

Лодка, повинувшись рулям, тяжело вильнула, соскальзывая с острия, которое надвигалось на нее из непроглядной пучины.

– Нервы наши испытывают, – зло сказал командир. – А у нас вместо нервов проволока...

– У них титановый форштевень, специально для таранных ударов... Под углом в двадцать градусов вспарывает обшивку, отламывается как зуб. «Колорадо» уходит, оставляя нож в груди погибающего врага.

– Это они с индейцами так обходились... А мы русские... Под нож себя не подставим. Они не пойдут на таран, жить хотят. У них коттеджи на Атлантическом побережье, их жены тюльпаны выращивают, детишки на «кадиллаках» в колледжи ездят. У них жизнь дорогая и сладкая, не то что у нас. Им есть что терять...

– Идут в лобовую атаку!..

– Продуть кормовые!.. Лево руля!.. Поднырнем под них!.. Штурман, дайте донный рельеф!.. Сообщите запас по вертикали!..

Акустик Плужников слушал, как режут наушники, словно в них грохотал и вибрировал прокатный стан. Барабанные перепонки разрывались от стука, будто сквозь ухо проходила стальная колея, по которой неслись безумный состав. Наушники превратились в две рычащие пасти, которые выдыхали хриплый звериный рык.

Окруженный экранами, жалящими вспышками электронных табло, хрусталем циферблатов, командир слышал беззвучный гул приближавшейся смерти. Она поместила себя в его ослабевших костях, влилась и застыла в остановившемся разуме, вплелась в окаменевшую волю. Последняя хрупкая мысль мерцала, как струйка слюды в толще гранита. Старпом, похожий на остывающую чугунную отливку, стоял рядом. В его глазницах был рыхлый розовый пепел. Командиру казалось, что в лодку сквозь сталь проникает таинственное излучение, от которого зашкаливают приборы, искрят контакты, сворачивается кровь, останавливается дыхание. Будто из пучины заглядывал огромный, завораживающий, мертвенный глаз.

– Лево руля... – слабо прошептал командир.

Не ведал, что «Колорадо», на удалении, с погашенной скоростью, парит в слоях соленой воды, неслышная для сонаров «Москвы». Ультразвуковая система «Тень Смерти» вырабатывала мнимый образ атакующей лодки, который в виде объемного звука мчался навстречу «Москве». Разведчик из специального отдела «Неви Энелайзес» – рунические морщины лица, черный завиток бороды, пружинная поза каратиста – маг Томас Доу нацелил черно-рыжие трубки глаз в сторону русского крейсера. Было видно, как из трубок, словно из газовых горелок, пышет прозрачное пламя. Его выгнутый копчик был приемной антенной, поглощавшей сквозь толщу воды потоки экстрасенсорной энергии. Ее посылали маги из белых комнат, размещенных в различных точках Атлантического побережья. Их мощные биополя действовали на тысячи километров. Летели над водной стихией, где в северных широтах разразился шторм. Поля погружались в океан, скрещивались в чутком копчике Томаса Доу, который превращал их в поток излучения. Пламя трепетало у его пронзительных глаз, словно шипящий голубой автоген.

Командир подводного крейсера увидел, как из бездны кинулось на него отвратительное страшное чудовище. Впилося зубами в сердце. Стало когтить и драть. Успел послать в ходовую последний приказ:

– Продуть кормовые!.. Полный вперед!..

Лодка с дифферентом на нос, на бешеном ходу, пыталась поднырнуть под ревущее облако звука. Провалилась ко дну, пропуская над собой грохочущий вихрь. Стремилась взмыть, заложив до предела рули. Не справилась с управлением и ударила в дно. Стала биться стальной головой о гранитные скалы, вздымала ил, сотрясалась от ударов и скрежетов. Сплющила лобовую обшивку, в которую были заложены трубы торпедных аппаратов и покоилась одна из торпед. Волна удара прошла по торпедке, и та взорвалась в тесноте трубы. Брызнула огнем в океан и внутрь головного отсека. Газы, расширяясь, уничтожили торпедистов, подорвали комплект боевых торпед, превратив головную часть лодки в гигантский огненный шар. Взрыв раздвинул океанскую толщу, вскипятил рассол, толкнул во все стороны ревущую тучу пара. Лодка превра-

тилась в громадную головню, которая билась о дно, в то время как взрыв продвигался в глубь лодки. Сминал переборки, сгибал шпангоуты, выворачивал обшивку громадными лепестками железа. За торпедным отсеком был мгновенно расплюсчен центральный пост. Плазма огня уничтожила пульты, перископ и компьютеры, испарила живую плоть. Превратила командира и штурмана, старпома и шифровальщика в летучие россыпи атомов. Подхваченные вихрем, они унеслись из лодки вместе с раскаленной водой. Утратив пятую часть длины, с раскрытыми наружу огромными ломтями железа, лодка еще продолжала дергаться, скрежетала о дно, покуда не улеглась на грунт. Слабо вздрагивала, окутанная илом, выталкивая пузыри ядовитого газа. Была похожа на огромную рыбину с оторванной головой, из которой вытекала вялая муть.

Взрыв лодки зафиксировали самописцы норвежской сейсмической станции. Ударная волна настигла проплывавшее стадо китов, и у беременной косатки случился выкидыш. Зародыш плавал в кровавом пузыре, и рыдающая самка подталкивала его носом. В базе флота гуляющая девица Нинель вдруг обмерла, уронила бокал с вином и упала на пол без чувств.

Акустик Плужников слышал приближение чудовищной каракатицы, испускавшей реактивный рев. Казалось, в уши ему вставили два сверла, они с рокотом дробили кость, погружались в череп, выплескивая ошметки мозга. Взрыв, отломивший головную часть лодки, катился вглубь, сметая на пути переборки, вталкивая в отсеки ревущее пламя и пар. Был остановлен в третьем отсеке, куда сквозь трещину в люке проникло жало огня и, шипя, полилась вода. Плужникова сорвало с места, шмякнуло о стену, ударило головой о трубопровод. Оглушенный, выпучив глаза, он смотрел, как искрит поврежденный кабель, из лопнувшей гидравлики пылит эмульсия, мигает лампа аварийной тревоги, сопровождаемая истошной сиреной. Яркий свет погас. Тотчас загорелась тусклая лампа резервного освещения. Оглушенный, он попытался подняться, и в лицо ему ударила маслянистая вонючая гидросмесь. Бенгальский огонь короткого замыкания продолжал искрить, и он подумал, что сейчас произойдет возгорание эмульсии и отсек превратится в пекло. Потянулся к огнетушителю, понимая жуткую правду случившегося, но стал падать в обмороке, успев разглядеть в свете лампы липкий язык воды, набегавший на покрытие пола.

В реакторном отсеке бушевал пожар. Захлебывался ревун. На диспетчерском пульте воспаленно вспыхивало табло тревоги. Сквозь дым ошалело мигали огоньки индикаторов. Удар, поломавший лодку, привел в действие автоматическую блокировку реакторов. Стержни графита упали в раскаленную топку, прервали реакцию. Энергетик Вертицкий в соседнем отсеке, сотрясенный взрывной волной, обморочно видел, как моряки напяливают защитные комбинезоны, натягивают на головы кислородные маски. Реактор из нержавеющей стали, окруженный титаном, опутанный водоводами с кипятком и перегретым паром, нес в себе огненный ядовитый комок. Вертицкому казалось, что этот клубок находится в его черепе и хрупкие кости едва удерживают пылающий клубень. Сейчас они разлетятся по швам, отравы брызнет наружу, прольется в океан, превратится в фиолетовое зарево отравленных течений. Смертоносный завиток достигнет побережья, плеснет невидимой смертью на города и поморские деревни. Россия начнет темнеть и сворачиваться, как опаленная огнем береста. Вертицкий повернул рукоять переходного люка, отломил тяжелую круглую крышку, из которой шумно хлынуло красное пламя. Нырнул в него, слыша, как чмокнула сзади сталь закрываемой крышки, намертво отделяя один отсек от другого. Пламя сжирало пластик, сверху капал липкий огонь. Стоя под обжигающей каплей, Вертицкий нашел на пульте заветную клавишу ручной блокировки, нажал, и еще один намордник был наброшен на пасть реактора, запечатав в ней брызжащий ядом раскаленный язык.

Одежда его горела, волосы на голове дымились, стопы прилипали к расплавленному пластику. Он кашлял, хрипел. Упал на пульт, закрывая грудью мерцающие индикаторы, каждый из которых вкалывал в него разноцветную иглу. Сработала автоматика пожаротушения. В отсек

из клапанов хлынул бесцветный газ фреон. Огонь погас, и Вертицкому, умершему от ядовитых испарений, казалось, что он вышел из лодки в сад, под мелкий прохладный дождь. Под яблоней, в мокрой стеклянной листве, стоит его покойная бабушка. Улыбается, протягивает сочное яблоко.

Оружейник Шкиранда был застигнут ударом, когда находился на вахте в отсеке спецоружия, где в контейнере покоилась топографическая бомба, или, как называли ее моряки, «Рычаг Архимеда», – белоснежная, похожая на акулу ракета, испещренная красными и черными литерами. Старт ракеты с термоядерной боеголовкой предполагал одновременный поворот двух пусковых ключей, вставленных в замки на центральном посту, командиром и старшим помощником. Центральный пост с электроникой, а также командир и старпом превратились в россыпи атомов. Их несло в океанских течениях, где они сталкивались с подобными атомами, бывшими когда-то известными людьми, могучими кораблями, великолепными животными и растениями. Бомба с оборванными системами запуска, сотрясенная взрывом, таила возможность самопроизвольного пуска. За сотни километров от подбитой лодки в океане мелькнет огненный всплеск, донный толчок колыхнет земную ось, выбьет ее из подшипника, и она начнет гулять и раскачиваться, порождая в Мировом океане грандиозные бури, кидая взбесившийся океан на материки.

Шкиранда не думал о судном часе, когда остался в черном, без света отсеке, куда, вереща, из проломленных швов летела вода. Ледяными палками лупила его по спине. Бурлила у щиколоток. Брызгала в рот соленой горечью.

Он пробирался по колено в воде, хватая на ощупь пусковые приборы, отыскивая клавишу ручной блокировки. Нашупал, погладив пальцем ее пластмассовую, с легким углублением, плоскость. Утопил, ощутив упругий щелчок, что означало – ракета намертво вморожена в контейнер, как вмерзает бивень мамонта в кристалл полярного льда. Шкиранда присел на стул, оказавшись по пояс в воде. Слушал, как шумит над головой огромный водосток. Мокрый холод медленно достигал груди. Когда его залило по горло, он встал со стула и еще пытался плавать в черной ледяной воде, покуда голова его не коснулась потолка. Он умер от переохлаждения и ужаса, булькнув напоследок тоскливым и горьким вскриком. Вынырнул из чернильной тьмы по другую сторону жизни и оказался в деревенской, жарко нагретой бане. Над его головой в радужном тумане трепетал душистый березовый веник. Покойный дядька, жилистый, стеклянный от пота, с синей наколкой в виде грудастой русалки, похохатывая, хлестал его шумящим зеленым вихрем.

Уцелевшие моряки, оглушенные, с помраченным рассудком, собрались в хвостовом отсеке.

При мутном свете резервных светильников извлекали кислородные маски, натягивали на побитые тела гидрокombineзоны, надеясь покинуть лодку через аварийный люк.

Но удар, прокатившийся от носа к корме, деформировал лодку, люк заклинило, и они тщетно старались расцепить кромки стиснутого железа.

Через трещины и свищи, смещенные сальники и разрушенную герметизацию в лодку медленно поступала вода.

Корпус чуть слышно постанывал, вздыхал, по нему, едва ощутимая, пробегала судорога. Что-то журчало, хлюпало, капало. В воздухе, вокруг светильников, начинал скапливаться холодный желтоватый туман, и моряки вдыхали его маслянистую, с привкусом железа, горечь.

Аварийный буй, всплыв на поверхность, посылал сигналы SOS. На эти отчаянные, сто- крат повторяемые призывы отзывались затерянные в океане корабли, летящие над морем самолеты. Транслировали на берег страшную весть. И уже торопился на помощь из района учений русский эсминец, поворачивал к северу, меняя курс, норвежский сухогруз.

Командующий флотом, теребя над картой усы, весь белый от горя, направлял в район аварии поисковые самолеты и спасательные корабли.

Плужников очнулся от озноба, сотрясавшего побитое тело. Сидел, прислонившись к переборке, по грудь в ледяной воде. Источник света над его головой был окружен мутным заревом, как осенняя желтая луна. У лица плавала пилотка, и ее подгоняло давление невидимого ключа, бившего из железного дна.

Глава 3

В Грановитой палате Кремля, где покатые своды и каменные столпы украшены алыми и зелеными фресками, где нимбы святых и пророков похожи на нежные золотые одуванчики, есть евангельский сюжет о волхвах, идущих за Вифлеемской звездой. Три странника-зороастрийца, в долгополых нарядах, в пышных тюрбанах и фесках, ставят узорные туфли на тонкие травы и нераскрытые бутоны цветов. В их руках корзины с дарами – золотые монеты, свитки драгоценных материй, флаконы с благовониями. В небе, похожая на лучистое колесо, окруженная многоцветным сиянием, катится дивная звезда, указывая путь на восток. И можно бесконечно стоять перед фреской, любясь звездой и цветами, вдыхая запахи таинственных трав, рассматривая узоры на тканях, веря в чудесное рождение Младенца, в явление волшебной звезды.

Не всякий глаз и не сразу различит в стене едва заметную дверь, упрятанную в заросли нарисованных диковинных листьев. За потаенной дверью, растворяемой на звук сокровенного слова, открывается просторный зал, уставленный стеклянными шкафами.

На полках, среди мягкого света, расставлены подарки, поднесенные Президенту России почитателями его мудрых деяний, сторонниками его властных свершений, поклонниками его ума и таланта. Хранилище подарков зовется «Пещерой волхвов». Лишь самые близкие друзья Президента, самые званые гости Кремля допускаются в заветную комнату полюбоваться дарами, которые приносят волхвы.

На самом почетном месте – дар Президента Америки. Скальп последнего ирокеза, застреленного из винчестера, увенчанный ритуальным убором. Сизые маховые перья орла, жемчужное хвостовое оперение цапли, пух белого лебедя, иссиня-черные крылья тетерева. И тугие, плотно сплетенные косы, содранные с гордой головы вождя. Подарок русскому другу с надписью на медной табличке: «Русские не ирокезы, не так ли?»

Презент германского канцлера. Бюст философа Канта, отлитый из нержавеющей крупноповской стали, источающей белое сияние. Во лбу философа инкрустированная перламутровая пуговка от бюстгальтера Евы Браун с изящной маленькой свастикой. И надпись: «Кенигсберг сближает немцев и русских».

Тут же подношение премьер-министра Японии. Самурайский меч с рукоятью, украшенной тремя зелеными яшмами, символизирующими острова Курильской гряды. Каждая яшма окружена каймой лазурита, словно зеленый остров охвачен морским прибоем. И надпись: «Мир в обмен на землю».

Раввины Израиля подарили огромную книгу – «История государства Российского», в переплете из кожи убитого в Раммале шахида. Творение Карамзина было написано на иврите, читалось справа налево и украшалось картинами Шагала, где петухи летали в звездном небе Витебска, еврейские женихи и невесты кувыркались в невесомости, как космонавты, чернородый скрипач печально играл на похоронах.

На отдельной полке лежали дары мировых корпораций. «Макдоналдс» – сочный, цветастый «гамбургер», из которого, вместе с томатным соусом, изливалась мелодия «Гимна России». «Майкрософт» – суперкомпьютер, созданный на основе мозговых полушарий гениального русского мальчика. Нефтяная компания «Шелл» – отрезок трубопровода Басра – Кейптаун, изготовленный по новейшим технологиям из прямой кишки пленного иракского солдата.

Отдельно располагались подарки от русской элиты.

Мэр Москвы вручил игровой автомат в виде уменьшенного московского храма, белоснежного, с золотыми куполами, барельефами святых и подвижников. Если повернуть золо-

ченую главку, из автомата начинали вылетать новенькие зеленые доллары, и знакомый голос мэра возглашал: «Да здравствует наш Президент!»

Старейший российский политик, мудрец советской эпохи, знаток арабского мира, неутомимый тамада грузинских застолий, автор эзотерических текстов, рафинированный масон, соединяющий стены, пол и потолок масонского храма, за что и получил вещее прозвище Плинтус, подарил Президенту серебряный перстень с пеплом сожженного тамплиера и надписью: «Горю, не сгорая».

Генералы Генштаба преподнесли высушенную, провяленную ногу чеченца Басаева, оторванную миной в окрестностях Грозного. На пальцах были золотые кольца. Раздробленные кости и сухожилия были спрятаны под колпак в виде головки реактивного снаряда. На штативе была шутильная надпись: «Не с той ноги встал».

Особый подарок был от бывшего премьера в правительстве Могучего Истукана, чьей милостью властвовал и правил нынешний удачливый Президент. Большой любитель всевозможных охот, премьер просунул в медвежью берлогу гранатомет и единым выстрелом накрыл всю семью. Подарок являл собой колбу с эликсиром долголетия, в которой, соединенный с проводками и стимуляторами, плавал глаз медвежонка. Блестящее черное око, если в него заглянуть, хранило последнее видение убиваемого зверя – смеющееся лицо премьера, его добродушный хохочущий рот.

Отдельно от прочих даров, в хрустальной призме, озаренное бриллиантовым светом, лежало темно-лиловое, в наростах и опухлях, сердце Могучего Истукана, извлеченное из утомленной груди, куда искусные хирурги вкатили сочное алое сердце беловежского зубра. Истукан, передавая власть молодому преемнику, одарил его своим сердцем, которое сжималось и вспучивалось, издавая гулкие стуки. Под эти ритмичные удары на кремлевском дворе маршировала рота почетного караула, а в Большом театре прелестные балерины плясали танец маленьких лебедей.

Каждое утро в «Пещеру волхвов», пройдя по извилистым переходам Теремного дворца, минуя мрамор и золото озаренного Георгиевского зала, легко прошагав по Грановитой палате, среди сюжетов русской и библейской истории, спускался Президент, именуемый в народе Счастливчиком. Здесь его встречал любимый советник, сердечный и верный друг, устроитель кремлевских приемов, управитель придворных слуг и чиновников. Владея теорией и технологией власти, будучи неутомимым творцом, он превращал политику в театральное действо, в костюмированный бал, в демонстрацию политической моды, за что и был наречен Модельером.

Они встречались, чтобы Счастливчик под бдительным оком Модельера примерил несколько масок, в которых потом, в течение дня, он будет явлен народу. Эти маски примерялись у огромного сверкающего зеркала, перед которым позировал Счастливчик. Каждый его жест и улыбку, каждое мановение тонкой изящной руки фиксировал телеоператор из особой Президентской компании, создававшей образы любимца и властителя нации.

– Ну что, мой любезный друг, каковы последние сплетни?

Счастливчик стоял перед зеркалом, примеривая сферический шлем спецназа с пуленепробиваемым стеклом, слоистой стальной оболочкой, куда был вмонтирован лучистый фонарь, прибор ночного видения, две маленькие чуткие антенны, напоминавшие рожки улитки. В шлеме скрылось его аристократическое бледное лицо с женственными золотистыми бровями, из-под которых внимательно, чуть печально смотрели серо-голубые глаза. Сквозь окно в шлеме виднелась хрупкая переносица и милые, слегка оттопыренные губы обиженного ребенка.

– Что происходит в нашей богоспасаемой Думе среди чванливых народных избранников? – Эти слова приглушенно прозвучали из глубины стальной сферы.

Счастливчик поворачивал перед зеркалом невысокое стройное тело, затянутое в кожаный комбинезон. Множество карманов и петель были приспособлены для хранения гранат, магазинов, десантных ножей, сухих галет и медикаментов. В руках ладно лежал автомат, кото-

рым он целился в зеркало, а потом, ловко, навскидку, переводил на незримую подвижную цель. В этом обличье он намеревался посетить отряд спецназа, отправлявшегося в Чечню. Оператор двигался вокруг, снимая его плавные, напоминавшие балет движения, чтобы показать народу Президента, полководца чеченской войны.

– Не поверите, товарищ Верховный главнокомандующий... – Модельер стоял чуть поодаль, скрестив на груди руки. Прищурил темные, с фиолетовым отливом глаза. Слегка откинул гордую красивую голову с артистической гривой черных волос, с сильным носом, напоминавшим носы королевского дома Бурбонов. Он казался скульптором, придирчиво и любовно озиравшим свое творение. – С этими избранниками, право слово, и смех и грех. Когда один из коммунистов, по обыкновению, стал патетически возглашать: «Отдайте землю крестьянам!» – депутат пропрезидентской фракции подошел к нему с совковой лопатой и высыпал кучу земли. Дума аплодировала, а коммунисты в знак протеста покинули зал заседаний.

Было видно, как в прозрачной оболочке шлема улыбаются губы Счастливого. Именно эту милую, незлую улыбку и грозную сталь автомата, которую сжимали маленькие руки в перчатках, уловил оператор, чтобы в утренних новостях на них полюбовался народ.

– А что происходит в сообществе сильных мира сего? – Так Президент называл миллиардеров, владельцев компаний и банков, чьи неумные притязания друг к другу, тлеющие конфликты и распри требовали неусыпного внимания власти. – Удалось погасить спор «никелированных кастрюль» и «алюминиевых мисок»? – Этот вопрос был задан в момент, когда примерялась другая маска. Высокое зеркало отражало лицо Президента, занавешенное длинной смоляной бородой. Переносицу украшали очки. Из-под черной высокой шляпы свешивались кудрявые пейсы. На долгополом сюртуке желтела золотая цепь. На белом как мрамор пальце сверкал тяжелый бриллиант. Президенту предстояло принять делегацию американских хасидов, которые намеревались требовать возвращения еврейских рукописных святынь.

– Я пригласил владельцев «Северного никеля» и «Южного алюминия» на демонстрацию, где тысячи голодающих женщин под красными знаменами лупили ложками в никелированные кастрюли и алюминиевые миски, скандируя: «Буржуев – на фонарь! Недра и заводы – народу!» Это зрелище образумило металлургических магнатов, и они увеличили отчисления в Фонд поддержки ОМОНа. – Модельер любовался библейской бородой Счастливого и перстнем, подаренным главой «Де Бирс». Этот образ благочестивого хасида был создан по эскизам самого Модельера, который внес в них долю иронии, свойственной театру абсурда. Сохранил Счастливику, при черно-фиолетовой бороде, его золотистые брови. – Ты не представляешь, как были напуганы олигархи этими предвестницами бабьего бунта! – Он счастливо смеялся, открывая сочные красные губы, обнажая белизну зубов. Его волнистые блестящие волосы красивой гривой ниспадали на плечи. Он смеялся, а сам придирчиво наблюдал работу старательного оператора, чтобы снимаемый сюжет попал в дневные телевыпуски.

– А что интеллигенция, эта капризная и болезненная вдовица? Надеюсь, довольна озвученным мною списком лауреатов литературных премий? – Счастливчик, освободившись от библейских атрибутов, уже вживался в новый образ. Он должен был посетить общежитие матерей-одинок и сделать там заявление, призванное увеличить рождаемость. Стоял перед зеркалом голый по пояс, приподнимаясь на носки и делая балетное па. Его гибкое тело с длинными сильными мышцами было пропорционально, как у античной статуэтки. На груди чуть курчавилась золотистая прозрачная поросль. Ноги и торс облегал розовое шелковое трико, под которым бугрились аппетитные клубеньки. Пояс стягивала шелковая желтая перевязь. На ногах красовались туфли на высоких каблуках с крупными серебряными пряжками. Он напоминал солиста балета, танцующего тореадора. В таком виде, как справедливо полагал Модельер, он будет привлекателен для женщин среднего возраста, поддерживая в них неугасающее обожание.

– Болезненная вдовица? Ты, как всегда, безукоризненно точен в подборе имен. Особенно радовалась интеллигенция признанию заслуг нашего восхитительного юмориста, который, как вы знаете, заболел расстройствами после того, как у него похитили любимый джип. Получая премию, он так разволновался, что даже пукнул. Возникло замешательство, но он тут же исправил неловкость: «Теперь, господа, я – лауреат Пукеровской премии». Все были в восторге.

Оператор мягко, по-медвежьи, топтался вокруг, добывая бесценные кадры для вечерних новостей, когда с первыми сумерками у женщин возрастает чувственность и узнаваемый кумир в розовом трико с мужественными выпуклостями между ног будет наверняка услышан поклонницами.

Слегка утомленный переодеваниями, переменив дневную норму масок, Президент облачился в легкий серый костюм и шелковый галстук, с удовольствием застегивая на правом запястье удобный браслет из платины.

– Мне бы хотелось узнать, дорогой Модельер, как отразилось на рейтинге мое вчерашнее выступление в обществе воров в законе. Думаю, это должно прибавить мне популярность в местах заключения, где, по некоторым сведениям, усиливаются антипрезидентские настроения. Прикажи-ка позвать оператора президентского рейтинга...

Радиосигналом был вызван морской офицер с чемоданчиком, подобным тому, в котором хранятся пусковые коды ядерных ракет. Строгий как жрец, с аскетическим лицом преданного служению волхва, уложил на стол чемоданчик. Сделал несколько ритуальных движений, открывая инфракрасный замок. Приложил ладонь жестом клянущегося на Библии свидетеля. Согласно инструкции отвернулся, словно боялся лицезреть таившееся в чемоданчике божество.

Чемоданчик раскрылся. И внутри драгоценно затрепетало, золотисто запульсировало электронное табло, где плескался, подобно влаге, прозрачный свет. В этом космическом трепете, в чутком колыпании хрупко мерцал серебристый столбец, непрерывно вздрагивая, откликаясь на легчайшие толчки и колебания. Напоминал термометр, реагирующий на мельчайшие изменения температуры. Там, куда подлетала вершина столбца, загорались и гасли нежные электронные цифры – 12, 13, 11, – словно танцевало изящное личистое насекомое.

– Ура! – оживился Счастливчик, затягивая перед зеркалом шелковый узел галстука, победно оглядываясь на волшебный прибор. – Вчера было десять. Целых два процента подарила мне встреча с ворами в законе. Распорядись, дорогой Модельер, чтобы в места заключения разослали календарики с моей фотографией.

Прибор, показывающий истинный рейтинг Президента, являл собой государственную тайну, а пляшущие электронные цифры приравнялись к высшим секретам государства. За их неразглашением следила особая служба безопасности. В России, где были уничтожены ядерные силы и сведена на нет система управления ракетными шахтами, бомбардировщиками и подводными лодками, все антенны дальнего обнаружения, все узлы космической и наземной связи служили установлению истинного рейтинга Президента. Электромагнитные поля охватывали все пространство страны, омывали каждое селение и город, проникали сквозь бревенчатые венцы и бетонные стены. Бесшумными касаниями щупали мозг человека, узнавая истинное отношение гражданина к своему Президенту.

Параболоиды гигантских антенн, стальные мачты и парящие в космосе чаши собирали по каплям драгоценное знание. Оно стекалось в Москву, в огромную призму великолепного здания, возведенного по чертежам Корбюзье. Днем и ночью на мощных компьютерах шла обработка информации. Секретный чемоданчик в руках морского офицера откликался на малейшие колебания рейтинга. Эти сокровенные электронные цифры не имели ничего общего с рейтингом, что высвечивался циферблатами на перекрестках города, пылал на фасадах высотных домов, звучал из мобильных телефонов, если нажималась специальная кнопка, оповещал по радио и телевидению наряду с курсом рубля и доллара. Во всех магазинах за неболь-

шую цену можно было приобрести домашний рейтингомер, напоминавший колбочку песочных часов, в которой, словно пленная бабочка, плясали цифры рейтинга. Как правило, они колебалась между 79 и 81, что соответствовало норме и обеспечивало социальную стабильность в стране. Сокровенный же рейтинг был известен только двоим – Счастливику и Модельеру. Вся деятельность Президента, его выступления, поездки и встречи, его костюмы, прическа и мимика, даже форма и цвет педикюра сводились к обслуживанию собственного рейтинга, мистического кода, определявшего судьбу государства. Управлением страны занимались иные люди. Ему же, Счастливику, отводилась невыносимо тяжкая роль – сотворение рейтинга. И он с ней блестяще справлялся.

Завершилось утреннее примеривание масок. Несколько освободившихся минут Счастливчик посвятил изъявлению своей признательности Модельеру:

– Мы с тобой неразделимы, как предмет и его отражение в кристальной воде. И неясно, где предмет, а где отражение. Ты делаешь для меня так много, что, кажется, забываешь о своем собственном благе. Знай, что будущее, к которому мы стремимся, принадлежит нам обоим. Ты можешь взять себе лучшую его половину.

Модельеру было сладостно это услышать. Нерасторжимость их судеб означала утонченную власть, которой он обладал над Счастливицом. Неисчерпаемая фантазия театральных представлений, неутомимая изобретательность политических карнавалов, искрящийся эстетизм, ослепляющая прозорливость, которыми обладал Модельер, побуждали Счастливику неутомимо и безошибочно действовать. Заставляли огненные электронные цифры танцевать у отметки «80». Они были нерасторжимы и слиты. Модельер был корнем, Счастливчик – стеблем. Цветок, готовый раскрыться, принадлежал им обоим.

– Мой друг, приближается время, когда мы должны уединиться и я раскрою тебе весь ритуал предстоящего Праздника века. Я задумал его как мировую мистерию, в процессе которой Москва становится центром планеты – Четвертым Римом. А ты, с согласия лидеров мира, с благословения Патриарха, Папы Римского, Далай-Ламы и иудейского Первосвященника, венчаешься на Вселенское Царство. Я поделюсь с тобой нерешенными проблемами, непреодоленными рисками, но ты будешь рад, узнав, как много сделано для предстоящей мистерии.

По лицу Счастливики скользнула туманная улыбка, как луч осеннего солнца по сухому жнивью. Глаза погрузились в зеркало, где он предстал в туалете из прозрачного, как целлофан, вещества, наполненного голубым светящимся газом.

– Ты прав, мой друг. Пора поговорить о подробностях. Сведения о празднестве и предстоящем венчании просочились в прессу и отлично сказались на рейтинге, повысив его на целых полтора пункта. Когда я вчера встречался с ветеранами, со скинхедами, с жертвами холокоста, с глухонемыми, с рабочими птицефабрики и дипломатическим корпусом, раздавались вопросы, не означает ли предстоящее венчание переход от президентской республики к монархии. Мы должны продумать это во всех нюансах.

– Но уж если ты заговорил об этом, то тем самым вынудил меня сделать одно признание, быть может, и преждевременное... – Лицо Модельера стало похоже на загадочный заморский плод, созревший в тропических лесах Амазонки. – Я могу доложить предварительные результаты исследования, которые предпринимаются Академией наук, Институтом древних рукописей, отделами геральдики Эрмитажа и Исторического музея, а также генетическими лабораториями Министерства обороны. Ты знаешь, мы изучаем твое генеалогическое древо. Предпринимаем этнографические экспедиции в твои родовые места. Заложили несколько раскопов на месте деревень и посадов, где предположительно обитали твои предки. Проведены сравнительные анализы твоей крови, частичек кожи, волос и ногтей, а также остатков костного вещества, взятого из усыпальниц Ивана Грозного, Петра Великого и государя императора Николая Второго. Их сличение, а также данные лингвистической экспертизы, исследование родовых грамот, синодиков, монастырских списков и царских архивов, антропологическое

сопоставление твоих фотографий с парсунами, портретами и гравюрами августейших особ позволяют нам с высокой степенью достоверности утверждать, что ты ведешь свое происхождение от Рюрика. Ты – Рюрикович, и нет династических препятствий к тому, чтобы в твоём лице восстановилась прерванная монархия.

Модельер видел, как неистовой радостью сверкнули серо-голубые глаза Счастливого. Счастливчик повернулся к зеркалу, откинул назад гордую голову, выставил вперед ногу, стал похож на Павла Первого с портрета Щукина – та же властная осанка, надменный подбородок, повелевающий взгляд.

Модельер знал, что Президента томила тайна его происхождения, мучили гуляющие в народе слухи о его самозванстве, распускаемые коварным Мэром и иезуитски вероломным Плинтусом. Теперь этим слухам будет положен конец, и благодарность ему, Модельеру, не будет иметь границ.

– Я догадывался... – восторженно прошептал Счастливчик. – Мне снилось... Мои великие предки... Князь Святослав... Владимир Красное Солнышко... Иван Четвертый... Мне чудилось, что это я основал Петербург... Я разгромил Наполеона... Я отдал приказ повесить мятежника Пестеля... Спасибо тебе за долгожданную весть, мой друг...

Дверь приоткрылась.

– Господин Президент, на проводе Главком ВМФ. – Полковник правительственной связи, ведающий секретными переговорами Президента, переступил порог, раскрывая футляр, где на сафьяновом ложе покоились две одинаковые телефонные трубки малахитового цвета с перламутровыми кнопками. Такие трубки использовались для переговоров с высшими должностными лицами государства и были параллельно подключены к защищенным от подслушивания линиям. Счастливчик и Модельер взяли каждый по трубке, чтобы одновременно участвовать в разговоре.

– Товарищ Верховный главнокомандующий... Верховный главнокомандующий... – В трубке металлически зазвучал удаленный голос, в котором каждое слово было окружено эхом, словно прозрачной тенью. – Докладываю о происшедшем на Северном флоте ЧП... на флоте ЧП... Ракетоносный подводный крейсер «Москва», носитель спецзаряда под кодовым номером семьсот четыре дробь шесть, выполняя учебное плавание, был атакован, предположительно американской подводной лодкой класса «Колорадо»... класса «Колорадо»... В результате атаки получил пробоину и затонул в районе, удаленном от основных корабельных маршрутов и трасс... маршрутов и трасс... В район затопления посланы корабли Северного флота, оборудованные спускаемыми аппаратами, водолазами и системами спасения... системами спасения... Осуществлен первый контакт с уцелевшими моряками... уцелевшими моряками... По предварительным данным, реакторы крейсера «Москва» остановлены, радиоактивных утечек нет... утечек нет... Спецзаряд семьсот четыре дробь шесть блокирован, самопроизвольный пуск исключен... пуск исключен... Лодка «Колорадо» уходит к прибрежным водам Норвегии, предположительно в порт Керкинес... порт Керкинес... Прошу разрешения на атаку возмездия силами морской авиации... морской авиации...

– Боже мой!.. – ужаснулся Счастливчик, став моментально бледным, как слоновая кость. – Это чудовищно!.. Мой рейтинг!.. Сколько там моряков?... Что такое «спецзаряд семьсот четыре дробь шесть»?... Как могла «Колорадо»?... Еще месяц назад друг Джордж подарил мне ковбойскую шляпу и скальп ирокеза... Мы кушали барбекю и танцевали под музыку кантри... Это объявление войны?... Мировая война в период стратегического партнерства?... А как же мой рейтинг?... – Он держал малахитовую трубку в стороне от своих шевелящихся губ. Утратил недавнее царственное величие. Был маленьким испуганным человечком, на которого из черного мироздания падал метеорит.

Модельер знал за Счастливым эту моментальную всеохватную панику, когда его воля превращалась в пыль, глаза становились круглыми, как у выхваченного из лунки окуня, кото-

рый, вяло повиляв на льду хвостом, костенеет в параличе. Для таких минут президентской слабости и был поставлен рядом с ним Модельер.

Мгновенно и страстно осознал весь ужас случившегося. Переосмыслил катастрофу как грандиозный повод для трагического всенародного действия, поминальных молебнов, надгробных рыданий. Сборища вдов и сирот, среди которых, весь в черном, с заплаканными глазами, с тонкой свечой в руках, появляется Президент. Отец и утешитель народный. Радетель, сплотивший вокруг себя потрясенную горем нацию. После прилюдного многодневного действия, разносимого телевидением по всем уголкам страны, две пляшущие огненные цифры в секретном чемоданчике сложатся в «85».

В осчастливленном сознании Модельера стали возникать яркие, черно-золотые эскизы панихиды. Отрывки слезных речей и стенаний. Скульптурные фрагменты памятника погибшим подводникам.

Счастливчик, минуту назад представлявший собой тучу распавшихся молекул, вновь овладел собой. В щеки ему прыснул легкий румянец. Он приблизил телефонную трубку к вытянутому, напоминавшему хоботок губам. Соединил их через линию кодированной связи с волосатым ухом флотоводца.

– Слушайте мой приказ!.. Ускорить спасательные работы!.. Бросить весь штат водолазов в район аварии!.. Преследовать лодку-убийцу силами противолодочной авиации!.. Привести в боевую готовность ядерные силы подводного и надводного флотов!.. Информировать меня об обстановке каждые тридцать минут!.. Предупреждаю, если в результате аварии мой рейтинг покатится вниз, вы ответите перед трибуналом!.. Выполняйте!..

Оба кинули малахитовые трубки в сафьяновые углубления, и связист-полковник, захлопнув футляр, удалился из комнаты.

Модельер любил в Счастливчике эти ослепительные преображения. Переход от немощи к бесстрашным проявлениям воли, что давало тому право сравнивать себя с Наполеоном. «Мой Тулон!» – повторял он в решительные минуты, и кремлевский портной, по указанию Модельера, сшил ему треуголку и походный сюртук.

Модельер любящим взором рассматривал своего властительного друга, как кукольных дел мастер рассматривает свое заводное изделие.

Вновь появился связист. Держал раскрытый футляр, в котором покоились две бирюзовые трубки с кнопками из самоцветов:

– Господин Президент, на проводе Вашингтон, Белый дом, Овальная комната...

– Что хочет от меня этот вероломный ковбой? – надменно произнес Счастливчик, беря неохотно трубку.

Модельер завладел второй, слыша, как в ней, словно в мелодичной ракушке, рокочет заокеанский голос. Проталкивал сквозь проложенный из Америки в Европу донный кабель булькающие английские слова...

– Мой дорогой русский друг... Лишь чрезвычайные обстоятельства побудили меня обратиться к тебе с этим экстренным сообщением... Командование американского флота только что проинформировало меня, что в верхних широтах, недалеко от Северного полюса, наша лодка класса «Колорадо» столкнулась с русским подводным крейсером и, получив повреждение, движется в норвежскую базу Керкинес... Как сообщает наша разведка, ваш крейсер «Москва», испытав в результате удара серьезные повреждения, лежит на дне, на глубине около ста метров... Инцидент произошел в результате опасного маневрирования вашей лодки, что, к сожалению, стало частым явлением и подвергает участвующие в патрулировании экипажи наших субмарин большому риску... Тех нескольких минут, что отделяют мой звонок от полученной из штаба флота информации, было достаточно, чтобы взвесить все возможные последствия инцидента... Поставив наши дружественные страны на грань несанкционированной ядерной атаки, мы подвергаем испытанию мучительный и многолетний процесс нашего

сближения, которое через месяц должно увенчаться грандиозным московским Праздником века, где мы, лидеры мировых держав, собираемся передать тебе высшие полномочия Мирового правительства... Как бы горько ни звучало для меня известие о поврежденной субмарине, я готов закрыть на это глаза, ибо целостность мировой архитектуры, столь тщательно нами возводимой, для меня выше, чем целостность корпуса отдельной подводной лодки... Поэтому, мой друг, я предлагаю тебе незамедлительно отменить боевую готовность русских ядерных сил... Отозвать с места аварии поисковые и спасательные суда, чтобы ваш потопленный крейсер навсегда унес в океан тайну этого досадного столкновения... Наши отношения останутся незамутненными, и ты на виду всего человечества будешь награжден высшим титулом Мирового правителя...

– Ты!.. Ты смеешь мне это предлагать!.. Цвет русского подводного флота!.. Двести моряков!.. Их жены и дети!.. На меня смотрит Россия!.. Мой рейтинг покатится вниз!.. Твоя проклятая «Колорадо» умышленно осуществила атаку!.. Пользуясь временной слабостью России и моей наивной доверчивостью!.. Но знай, у меня еще остается ядерный потенциал, чтобы показать тебе кузькину мать, а твоя ракетная оборона способна сбивать одни дельтапланы!.. – Захлебываясь, путая немецкие слова и английские, Счастливчик вталкивал все это в бирюзовую трубку, сквозь которую его брань врывается в подводный кабель и мчалась со скоростью электромагнитной волны среди китов, акул и моллюсков. Достигала Овальной комнаты Белого дома, где в час позднего вечера сидел Президент Америки, окруженный госсекретарем, министром обороны, начальником объединенных штабов и темнокожей советницей по национальной безопасности, у которой были критические женские дни.

– Владимир, послушай, что скажет тебе твой верный советник и друг... Он наверняка слушает наш разговор, – таков был ответ Президента Америки.

Счастливчик беспомощно оборотился к Модельеру, стараясь уразуметь стремительно набегавшие мировые события, которые с каждым прилетавшим из-за океана словом обретали новый устрашающий смысл.

Модельер молча взирал. Его мраморное лицо античного бога стало еще белее. Черные волосы напитались серебряным блеском. Алые губы шевелились, произнося беззвучные заклинания. Грозная жила пульсировала среди лба. Глаза огромно и мощно сияли, источая лучи, которые действовали на Счастливчика как потоки жара и холода. Тому казалось, что на лоб его наложили горчичник, и лоб от жгучего компресса начал нестерпимо гореть. Потом почувдилось, что в глаза метнули лопату снега, и они ослепли от холода. Затем померещилось, что лицо обмазали толстой глиной, словно наложили посмертную маску. Сквозь каменную маску стало медленно просачиваться тепло, как если бы зажаривали заключенный в глину кусок мяса. Сквозь эту медленно нагреваемую коросту он услышал слова Модельера:

– Сделай так, как говорит американец. Тебе предстоит венчание на Всемирное Царство, а это и есть вершина нашего русского дела. Ты – помазанник Четвертого Рима, Новой Москвы, а помазание требует жертвы. Ты должен отказаться от прежней Москвы, которая канет в водах истории, чтобы новая воссияла как Вершина Истории. Пусть крейсер «Москва» уйдет на дно. Это есть ритуальная жертва твоего восхождения. Жертва, освящающая явление Новой Москвы.

Счастливчик чувствовал, что его голова запечатана в ком раскаленной глины. Сквозь пылающий камень в трещины черепа лился синий огонь. Из каменного валуна, на котором, как на башке скифской бабы, были едва обозначены плоские глаза, вмятины ноздрей, стесанные подбородок и скулы, из глубины раскаленного камня глухо прозвучало:

– Согласен...

Две бирюзовые телефонные трубки, сверкнув аметистами, легли в сафьяновый футляр.

– Соедините меня со штабом флота, – приказал Модельер офицеру связи. Принял отшлифованный брусок малахита, инкрустированный перламутром. – Приказ Президента! – властно

произнес Модельер, как только его алые губы коснулись промытого, с пучком волос, уха командующего. – Прекратить поисковые и спасательные работы в районе аварии подводного крейсера «Москва»!.. Вернуть самолеты разведки на аэродромы дислокации!.. Отозвать эсминцы в прежний квадрат учений!.. Отменить стартовую готовность стратегических сил!.. Флоту работать по плану мирного времени!.. Выполняйте!..

Счастливчик с облегчением почувствовал, как распался ком накаленной глины и поблевшие от жара черепки со стуком упали на пол. Стало легко дышать. Прохладный душистый воздух наполнил спекшиеся легкие.

– Как хорошо! – произнес он, подходя к зеркалу и рассматривая свое освобожденное от камня красивое лицо. Оно было свежим, молодым, с легким румянцем, какой бывает после дня, проведенного на горнолыжном курорте. И лишь на щеке проступило странное зеленоватое пятнышко, какое бывает у лежального сыра. – Что это?... – Счастливчик испуганно тер пятно, сначала рукой, затем батистовым платком, смочив его духами. – Как будто рокфор!

– Ерунда!.. – успокоил его Модельер, рассматривая злокачественное зеленовато-лиловое пятнышко. – И на солнце бывают пятна!.. Гримера!.. – Он громко хлопнул в ладони.

Появился гример в форме офицера безопасности. Раскрыл саквояж с множеством красителей, кремов, мастик, с набором помад и гримов. Стал священнодействовать, обмахивая Президента пышными благовонными кисточками, скрадывая проступившее досадное пятнышко, рисуя ему новое лицо.

В «Пещере волхвов» мерцали на полках драгоценные дары. Не мигая, смотрел из колбы чернильно-испуганный глаз медвежонка. Стояла костяная нога Басаева. Серебрился тяжелый перстень с пеплом сожженного тамплиера. Озаренное хрустальными лучами, с трубками рассеченных сосудов, пульсировало отечное сердце Истукана, издавая ухающие хриплые стуки. Под эти барабанные стуки на Ивановской площади, среди сумрачного злата кремлевских соборов, рота почетного караула танцевала дефиле. Тускло сияли штыки карабинов.

Подводный крейсер «Москва» с разможенной головой лежал на дне, среди оседающего ила, и сквозь трещины корпуса тянулись к поверхности непрерывные вереницы пузырей. Воздух уходил из отсеков, и черная ледяная вода заполняла пустоты. Уцелевшие моряки в хвостовой части лодки, под блеклыми желтыми светильниками, облаченные в скафандры, слушали звуки моря, сквозь которые иногда долетали металлические удары и скрипы. Это могло означать, что на поверхности кружат корабли-спасатели, ощупывают дно эхолотами, барабанят по корпусу лодки ультразвуковыми посылками. И тогда моряки начинали дружно стучать в стены железными ключами, кувалдами, надеясь, что звук ударов будет уловлен гидрофонами.

Так продолжалось более суток, а потом все звуки исчезли, и наступила тишина глухой, непроницаемой толщи. На лодку навалилась тупая тяжесть полярного океана. Светильники стали тускнеть, превращаясь в оранжевые пятна. Холод был нестерпим, и моряки, сберегая остатки кислорода, скрючились у стен, глядя на рыжие, как мандарины, отражения, плавающие на мокром полу.

Аккумуляторы резервного питания сели, свет погас, и в этом ледяном мраке, где раздавалось звонкое падение капель и слышался чей-то кашель и хрип, всем сразу, как внушение, явилось знание о неизбежной смерти. И они стали шарить в потемках, нащупывая друг друга. Так живое и незащищенное, случайно возникшее среди непроглядного Космоса, цепляется за другое живое, стараясь сохраниться в беспощадном мироздании.

Кислород кончался, и загазованный воздух, в котором плавали частички ядовитых эмульсий, металлической пудры и расплавленных пластмасс, – ледяной отравленный воздух попадал в кровь, порождая галлюцинации.

Мотористу в дурмане казалось, что он сидит в деревенской горнице, среди гуляющей и пьющей родни. На столе, на жаркой сковороде, желтеет яшница. Стаканы с водкой сталкиваются

и звенят. А он сам на табуретке растягивает малиновую гармонь и залихватски, счастливо поет: «Эх, мороз, мороз, не морозь меня...»

Радисту чудилось, что он в душной постели обнимает женщину. Мнет ее мягкие груди, нюхает потный запах подмышек, разваливает на стороны белые сильные ноги. Погружается в нее бурной, бушующей плотью, приговаривая: «Катя, люби меня, Катя!.. А я всегда тебя буду любить!..»

Электрику мерещилось, что он косит траву. Утренний луг отяжелел от холодной росы. Солнце из-за леса ложится на травы туманным блеском. Он размахивает мокрой косой, вонзает ее в шумящее сочное скопище, заваливая стену колокольчиков и ромашек. И коростель, красный от солнца, вылетел из куста и беззвучно понесся над лугом, свесив длинные ноги.

Коку виделось, что он участвует в драке. В темной подворотне на него напали громилы. Душат и давят, суют под ребра нож. И он отбивался, хрипел, сквернословил: «Хера вам, суки!.. Все одно меня не возьмете!..»

Особист, по пояс в воде, окруженный мраком, булькающими, умирающими моряками, видел перед собой жену и детей: «Лена, детки мои, прощайте... Передайте поклон родителям... Об одном вас прошу, мои милые, – не надо отчаиваться...»

Моряки один за другим затихали от безболезненных ядов, которые вместе с дыханием попадали в кровь. Словно кто-то милосердный, желая облегчить их мучения, вкалывал в вену снотворное.

Сергей Плужников, обожженный, оглушенный ударами, держался на плаву в черном ледяном рассоле, хватая разбитыми губами едкую горечь. Пальцы скребли маслянистые стены, хватались за трубопровод, из которого вытекала тягучая зловонная слизь. Он доставал головой потолок, плавал в стиснутом воздушном пузыре, высасывая из него последние глотки кислорода. Понимал, что живет свою завершающую минуту, и его сотрясенный разум исходил моментальными, словно зарницы, видениями. Влажный голубоватый асфальт с начертанными красным кирпичом квадратами, и он играет в «классики» с дворовой девчонкой. Мама несет ему в постель синюю чашку горячего молока, в котором торчит серебряная ложечка с медом. Огромный осенний тополь в золотистой листве заслоняет окно, и сквозь листву просвечивает студеное синее небо. На блюдечке, на влажной тряпице, лежит набухшая горошина, из которой вот-вот проклюнется заостренный живой корешок.

Горошина набухла, корешок трепетал, стараясь пробить эластичную кожицу. Размягченная пленка лопнула, и крохотный язычок жизни жадно вышел наружу.

Это было последнее, что он увидел, захлебываясь и теряя сознание. Стал медленно погружаться, задевая руками металлические выступы стен. И уже не чувствовал, как сквозь черный корпус лодки к нему в отсек прянул лазурный ангел. Протиснулся, сжав заостренные крылья, чтобы не повредить перья о зазубренные кромки. Прижал Плужникова к могучей груди. Вынес из лодки. Словно ракета, оставляя в океане столб расплавленной плазмы, взмыл в небо, озаряя пустые воды. Понес бездыханное тело с последними, едва уловимыми биениями жизни в сторону далекой земли, где горели россыпи ночных городов.

Глава 4

Президентский кортеж черным лакированным вихрем вынесся из розовой башни Кремля и помчался по Москве, которая расступалась перед ним, как Черное море перед Моисеем.

Вязкое, бестолковое скопище лимузинов разгонялось жестокими милицейскими жезлами, освобождая пустые коридоры. Толпа сметалась с тротуаров, прижималась к стенам домов, ослепляемая фиолетовыми вспышками, оскаленными белыми бамперами, длинными, как темные торпеды, машинами. Сами фасады тесных московских улиц, лепные особнячки, ампирные храмы пугливо шарахались в стороны, открывая пространство для бешеных скоростей, зеркальных стекол, пылающих фар. Москвичи, открывая рот, забывали выдохнуть сигаретный дым «Мальборо», выплюнуть жвачку «орбит» без сахара, проглотить ломтик «сникерса», – глазели, как мчится их Президент на горестную встречу с родственниками утонувших моряков, которая намечалась в отеле «Рэдиссон-Славянская», пепельно-сером от траурных флагов.

В мягкой глубине бронированного «мерседеса», опекаемого со всех сторон машинами охраны и связи, Счастливчик, сосредоточенный, нацеленный в предстоящее действо словно острый и разящий скальпель, выслушивал Модельера, который, наконец, давал волю своему раздражению:

– Этот жирный, скользкий желвак Мэр и его прихвостень, мокрый и гнилой от старости Плинтус, устроили тебе провокацию! Помимо моей воли свезли в Москву несчастных вдов и сирот и собираются натравить на тебя! Сделать тебя виновником катастрофы! Устроить вселенский крик и плач и резко снизить твой рейтинг накануне царственного венчания! Такое прощать нельзя!

Они проносились мимо Пашкова дома с лепными вазонами и скульптурами. По всему классическому фасаду, вытянутый как термометр, горел показатель рейтинга. Золотой столб с электронными цифрами – «79», что означало падение на целых два пункта в связи с катастрофой подводного крейсера. Перед фасадом, на рекламном щите, красовалась огромная, рогатая бычья башка, тореадор в золоченом камзоле с алой мулетой и шпагой и надпись: «Испанская коррида в Москве. Мэр приглашает».

– Ненавижу Мэра и Плинтуса, – беспощадно заметил Счастливчик, ревниво следя за исчезающими электронными знаками, насуспенной бычьей башкой.

– Они активизировали свою подрывную деятельность. Можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с разветвленным и хорошо спланированным заговором. Они пытаются контролировать Думу. Имеют сторонников среди губернаторов. В их руках значительная часть прессы, которую сегодня они приведут на панихиду. Даже среди олигархов, присягающих тебе на верность, существует отступник, связанный с предателями. Их цель – не допустить твоего венчания, осуществить перехват власти.

Кортеж вылетал на Новый Арбат, где в блеске витрин, среди сверкания реклам, во всю высоту многоэтажного здания пылала огненная вертикальная линия, которую венчало золотое электронное число – «79». И опять красовалась реклама «Испанская коррида в Москве. Мэр приглашает».

– Мне не страшен их заговор! – надменно произнес Счастливчик. – Я верю в мой народ, верю в мой рейтинг! Если их деятельность станет нестерпимой, я через их голову обращусь к народу!

– Не следует их недооценивать, мой друг. Плинтус, старый краб, переползающий из одной исторической эпохи в другую, помнит вавилонский двор, иерусалимский синедрион, спальню Клеопатры, византийский престол, королевские покои Карла Великого. Он обворожил

Сталина, оболочек сладкой слюной Хрущева, оплел интригами Брежнева, одурачил легковерного Горбачева, обольстил нашего сурового Истукана, а теперь надеется обыграть тебя. Чтобы отсечь тебя от народа, он распространяет слух, что в тебе течет еврейская кровь.

Они влетели на мост, за которым туманилась розовая остроконечная гора гостиницы «Украина». Свернув на набережную, они стремительно приближались к Киевскому вокзалу, к отелю «Рэдиссон-Славянская», где среди траурных флагов, черных, колеблемых лент сверкало электронное табло с дрожащими бриллиантовыми цифрами – «79».

– Нам нужно немедленно обнародовать открытие историков, геральдистов и антропологов, подтверждающих мое происхождение от Рюрика, – взволнованный последними словами, заметил Счастливчик, – тебе следует продумать церемониал моей поездки в Великий Новгород, на Ильмень, на Волхов, где Патриарх отслужит молебен и освятит мое генеалогическое древо.

– Как мне себя вести с несчастными вдовами? – Счастливчик неуверенно взглянул на Модельера, и в его глазах, секунду назад грозных и царственных, промелькнула мольба.

– Как всегда, искренне и страстно! Кайся и плачь! Русь-матушка на покаянии и слезах стоит!

Между тем в отеле, где на время перестали играть увеселительные оркестры, приутихли стриптиз-бары, укрылись в номерах дорогие проститутки в своих нескромных нарядах, а нескончаемые ряды игровых автоматов, великолепных и пленительных, как образы рая, были отгорожены от остального холла траурной тесьмой, за которую тщетно пытался перебраться подвыпивший азербайджанец, – было многолюдно, слезно и жарко от вздыханий и стонов.

В конференц-зале собралось множество женщин, молодых и старых, в темных платках, с заплаканными лицами, в неказистых одеждах, в коих ходит русская провинция и забытая богом деревня. При них были ребяташки с расширенными испуганными глазами, – совсем малые, уцепившиеся за юбки матерей и бабок, и постарше, подростки, исхудалые от недокорма, от долгой дороги, от страшного, свалившегося на них первого в жизни горя. Среди них понуро сутулились мужчины, иные в поношенных военно-морских мундирах с обтрепанным серебром погон, – отцы подводников, что, отправляя на флот сыновей, уповали на непрерывность фамильной профессии.

Многие из женщин держали фотографии, извлеченные из семейных альбомов, наспех увеличенные, черно-белые, с остановившимися лицами позирующих молодых матросов, что слали приветы недавним школьным подругам. У стены, окруженный еловыми пахучими ветками, стоял большой образ Николая-угодника, перед которым, увитая черной лентой, жарко и сумрачно пламенела лампада.

Скопище телекамер светило лучами, водило окулярами, вращалось на штативах, двигалось на плечах гибких и вертких операторов, которые шествовали вдоль рядов, направляя всевидящее око своих застекленных машин на изведенные горем лица, отчего те на мгновение вспыхивали слезами, ослепленно моргали, беспомощно дрожали и всхлипывали.

Недалеко от образа, перед микрофоном, стоял Мэр, облаченный в траурную атласную пару. Маленький и плотный, как боксер, с лысой костяной головой, на которой оттопыренно пламенели уши и властно, надменно шевелились толстые губы, он с трудом выговаривал слова сострадания. Чуть поодаль стоял Плинтус, расставив короткие стариковские ноги в обвисших штанах, что удачно скрывали грыжу. Его грузное, непропорциональное тело напоминало неправильный шар, плохо умещавшийся в жилетке. Дорогой необъятный пиджак сидел косо, так что казалось, будто под ним сложены усталые помятые крылья. Отечная голова с обвислым лиловым носом и неопрятным седым хохолком придавала ему сходство с пеликаном. Это сходство еще больше увеличивал огромный розоватый зоб, жирно свисавший на грудь. Говорили, что Плинтус прячет в зобу несколько кумранских свитков и рукописи Шнеерсона, ино-

гда заглядывая в них и читая сиплым утробным голосом, отчего голова его проваливалась в глубину зоба и снаружи торчал один хохолок.

– Удар, нанесенный по подводному крейсеру «Москва», – это подлый преступный удар по столице России – Москве!.. – Голова Мэра желтела, словно костяной набалдашник. Пунцовые уши существовали отдельно, как крылья тропической бабочки. – Кому-то очень хочется унижить священный символ России, который в наши дни возвысился с особой силой!.. Вы знаете, дорогие мои, что правительство Москвы ничего не жалело для подводников. Когда в квартирах моряков полопались трубы, мы послали специальный самолет, груженный батареями, и восстановили в домах тепло!.. На средства Москвы мы оборудовали в базе флота вечернее кафе и прислали артистов мюзик-холла с великолепными номерами!.. Теперь, в эти часы трагедии и неутешного горя, хочу вам сказать, мои дорогие, что Москва вас не оставит!.. Вы получите квартиры в новых домах по самым льготным ценам!.. Дети героев смогут учиться в английских школах!.. Но как бы ни велика была наша горечь, как бы ни блестили от слез глаза, мы должны спросить – кто повинен в гибели великолепной подводной лодки?... Кто год от году урезает бюджет на нужды флота, повторяя при этом бессмысленные слова о великой Российской державе?... Почему на помощь гибнущему крейсеру не были посланы корабли поддержки?... Кто дал приказ остановить спасательные работы в то время, когда моряки продолжали жить и молили о помощи?... И где, спрашиваю я, все эти страшные дни находился наш Президент, от которого народ ждал ясного слова?... Видно, кто-то в его окружении очень хочет выставить лидера нации в неприглядном свете и понизить его рейтинг в народе!..

– Коленька мой был жив!.. Бился головой о стену!.. Соленую водичку глотал!.. Мамоньку родную звал!.. Он, Коленька, кровиночка моя, и плавать-то не умел!.. На речку, бывало, придет и смотрит, как другие ребята плещутся!.. Коля, сыночек мой ненаглядный!.. Я без тебя помру!.. – голосила простоволосая женщина с круглым деревенским лицом, державшая у груди фотокарточку сына, повторявшего ее черты своим круглым, сияющим как одуванчик ликом.

Женщина стала падать. На помощь ей поспешил врач в белом халате, заботливо поднося к губам рюмочку валерианки. Несколько телекамер, как грифы, ринулись на женщину, вонзая в нее заостренные когти лучей. Выклевывали ей глаза. Обкусывали ее бледные дрожащие губы. Вырывали из немощных рук фотографию сына. Зал волновался, стонал, всхлипывал. Лампада, что висела перед образом, тревожно мерцала.

Мэра у микрофона сменил Плинтус. Неловко поворачивался в разные стороны, переступал перепончатыми ногами, обращая в разные углы зала отечный нос. Заговорил утробным голосом чревоушателя, используя зоб в качестве резонатора, раздувая его, как это делают весенние квакающие лягушки:

– Должен вам доложить, я связался с представительствами ведущих мировых держав, которые скорбят вместе с Россией... Мне звонили американские друзья... Они сообщили, что, как только сейсмические станции зарегистрировали подводный взрыв в районе полюса, американский Президент позвонил Президенту России и предложил свою помощь... Ибо в соседнем районе патрулировала американская подводная лодка, которая могла бы стать первым спасательным кораблем... Но российские власти почему-то отказали... Что это?... Амбиции былой сверхдержавы?... Пережиток тоталитарной эпохи, когда в стране победившего социализма не могло быть аварий и катастроф?... Или просто варварское, наплевательское отношение к людям, которое всегда было свойственно российской власти, будь то царская империя или большевистский Советский Союз... Мы должны знать правду... Президент должен, наконец, появиться перед народом и сказать правду, какой бы горькой она ни была...

Зал застонал, заволновался, ударяясь о стены, о косяки, об острые углы, расшибая в кровь лица, распарывая одежды, раздирая волосы. Женщины целовали черно-белые фотографии. Вскидывали вверх худые руки. Кому-то грозили. Кого-то умоляли. Кого-то, несуществующего, прижимали к груди и лелеяли. Операторы жадно и страстно снимали.

Мэр и Плинтус отступили в глубь зала, по-хозяйски наблюдая за происходящим. Устрашились, запустив эту пыточную машину, в которой люди кричали от боли, попадая под безжалостные зубцы и крючья. Николай-угодник с огромным смуглым лбом смотрел сквозь малиновую лампаду. Держал раскрытую книгу, в которой было что-то начертано. Судовой журнал, где значились имена погибших подводников.

– Мой-то Васенька всю ночь снился, ручки ко мне тянул!.. «Мама, мамочка, дай я тебя поцелую!..» А утром проснулась, телевизор включила и про лодку услышала!..

– А у нас лайка Чара, с которой Гена на охоту ходил, всю ночь выла... Отец говорит: «Что-то чует собака. Кабы не с Генкой беда...» А наутро сообщение про лодку...

– И что же у нас жизнь за такая в России?... Дед его в войну под Смоленском погиб... Отца в Афгане убило... А он, Димочка наш, в мирное время страшной смертью, в воде захлебнулся!.. Как же нам жить-то в России?...

– Женщины, пошли к Президенту!.. Встанем вокруг Кремля!.. Пусть отдаст назад сыновей!.. Мы ему детей не на смерть отдавали, а он их в воде утопил!..

– Да живы они, живы!.. Им воздуха в лодке на месяц хватит!.. Ждут спасения, просят Бога о помощи!.. А их не спасают, потому что они правду знают!.. За это их хотят погубить!..

– Женщины, если власть наших мужей и детей не хочет спасать, поедemте сами их вызывать! Найдем корабли, водолазов, деньги заплатим!.. Сами под воду спустимся, а наших дорогих, ненаглядных на воздух подыmem!..

– Муж мой – первый офицер на флоте!.. Лучший командир-подводник!.. Я, жена офицера-подводника, обращаюсь к флоту!.. Не бросайте в беде товарищей!.. Выводите из базы свои корабли!.. Ведите их в океан!.. Я вас сама поведу!.. Мое сердце укажет маршрут!.. А предателей, которые засели в Кремле, достанет ваша ракета или бригада морской пехоты!..

Забушевали, истошно заголосили, засверкали беспощадно глазами. Потянули худые цепкие руки, желая разодрать, растерзать на куски, отомстить за смерть любимых.

В этот момент истошных воплей и вскриков растворились узорные двери. Легкий, пыльный, словно на стремительном прозрачном пропеллере, влетел Президент. Он был бледен. Огромные серо-голубые глаза полнились яркими, сверкающими слезами. На нем был черный изящный костюм. В белых манжетах зеленели изумруды цвета океанской волны. В руках он держал серебряную чашу, светлую, как полярные льды. Прошел сквозь расступившуюся толпу в ее самую горячую, стенающую, раскаленную сердцевицу. Встал среди неистовых женщин.

– Братья и сестры!.. Я явился к вам прямо из океана!.. С того трагического места, где погибла наша могучая лодка!.. Вот чаша с морской водой, которую я там зачерпнул через борт!.. В ней растворилось дыхание наших погибших героев!.. В ней их прощальные слова и заповеди!.. Она горько-соленая от ваших и моих слез!.. Я привез эту священную воду, соединяющую живых и мертвых!..

Одной рукой он прижал к груди серебряную чашу, другой, гибкой и легкой, стал черпать воду и кропить стоящих подле него женщин. Капли блестили на лету, брызги попадали на лица, на траурные облачения, на портретики моряков. Президент казался пастырем, окропляющим свою горящую паству. Женщины жадно ловили капли, хватали их в воздухе, целовали, пили, омывали лица, глаза. Словно их любимые были теперь вместе с ними. Этот изящный человек, разбрызгивавший драгоценную воду, совершил ради них подвиг. Побывал в бушующем океане и принес эту целительную и священную чашу.

– Родные мои, люди русские!.. Велика ваша и моя утрата!.. Но в этот час непомерного горя сплотимся теснее!.. Не дадим друг другу пропасть!.. Не дадим погибнуть России, которая скорбит вместе с нами, шлет в этот горестный зал свои поклоны и поцелуи!.. Пусть знают наши злопыхатели и враги, что в минуты горя русские люди становятся непобедимы!.. Будем же вместе – народ и армия, флот и Россия!.. Такова заповедь наших героев, которая доносится сюда из пучины!..

Он искоса взглянул на Мэра и Плинтуса. Те отступили в тень, затрепетали от его разящего, сверкающего взгляда. Женщины тянулись к Президенту, целовали край серебряной чаши, прижимались губами к зеленым изумрудам, так напоминавшим цвет океанской воды.

– Бессовестные, жестокие люди желают столкнуть Президента и народ!.. Ослабить власть, ослабить Россию!.. Лютят крокодиловы слезы по поводу нашей потери!.. Но почему они отбирают у флота последние деньги и тратят их на свои роскошные виллы и дворцы?... Почему нежатся в своих золоченых чертогах среди лазурных бассейнов и зимних садов, в то время как герои страны ютятся в замороженных комнатах с протекающими потолками?... Почему превратили священную Москву в развратный Вавилон, погрязли в воровстве и распутстве, в то время как мужественные русские люди уходят в океан, выполняя священный воинский долг?... Так долго продолжаться не может!.. Мы восстановим нашу русскую справедливость!..

Мэр и Плинтус, услышав беспощадную угрозу, закрыли лица локтями. Между тем Модельер что-то нашептывал начальнику президентской охраны. Тот прижал к губам крохотную усатую рацию, передавая указание высоким молодцам, что из разных углов бдительно, по-орлиному взирали на Президента. Те кинулись к операторам и репортерам, которых привели на тризну коварные Мэр и Плинтус. Стали бесцеремонно оттеснять прочь, сдвигать в угол зала, где вскрывали их телекамеры, отбирали кассеты, выталкивали взашей.

На смену этой разношерстной развязной стае в зале появились два оператора из президентского протокола. Четко и умело нацелили новенькие телекамеры на женщин, целующих чашу, на взволнованное, красивое лицо Президента, который гладил по русой голове сиротку.

– Каюсь перед вами!.. – Президент упал на колени, умоляюще протянул руки к окружающим его матерям и вдовам. – Не уберег наших мальчиков!.. Вся вина на мне!.. Простите меня!.. Все сделаю, чтобы поднять их со дна морского и похоронить в русской родной земле как героев!.. Обещаю вам, мы построим новый подводный крейсер и наречем его «Святая Москва»!.. Сегодня же объявляю всенародный сбор средств!.. Пусть каждый, богатый и бедный, пожертвует что может!.. – Стоя на коленях, он снял с правой руки браслет с золотыми часами и опустил в чашу. Отцепил изумрудные запонки и со стуком метнул в жертвенный сосуд.

И все, кто был в зале, стали снимать обручальные колечки, сережки с камушками, женские часики. Опускали их в чашу. Склонялись к своему Президенту, целовали ему руки, обнимали. А он, потрясенный, стоял среди них на коленях и рыдал. Операторы осторожно, бережно вели окуляры по его рыдающему бледному лицу.

Модельер изумлялся со стороны, не умея скрыть восхищенной улыбки. Счастливчик, выполняя его режиссерский замысел, добился высшего артистического воплощения. Сам, без наущения, придумал чашу с водой, в которой растворил медицинскую морскую соль. Сам объявил сбор пожертвований, напоминавший древний русский обычай. Он заслуживал самых высших похвал. Внезапно Модельер увидел, как сквозь толпу смятенных, стонающих женщин провралась одна, рыжеволосая, с черной лентой, стягивающей огненный пук.

– Лжец!.. Убийца!.. – Она рвалась к Президенту.

Другая женщина, вдова шифровальщика, старалась ее удержать:

– Нинель, не надо, Нинель!..

Но Нинель пробилась к стоящему на коленях Счастливчику, расширила свои яростно-зеленые, рысьи глаза, уставила ему в лоб острый, указующий перст, продолжала выкрикивать:

– Ты лжец, паяц!.. Погубил наших мальчиков!.. Оставил их на съедение рыбам!.. Знаю твою страшную тайну!.. Погибнешь!..

Президент отшатнулся, с ужасом выронил чашу. Колечки и сережки покатались по полу. Счастливчик стал страшно бледен, с синеватым отливом утопленника. На впалой щеке его вдруг обнаружилось фиолетово-зеленое трупное пятно.

– Охрана!.. – возопил Модельер.

Несколько дюжих молодцов, разрезая толпу, расшвыривая вдов и сирот, устремились к Президенту. Схватили рыжую женщину. Заламывали ей за спину руки, выволакивали из зала. А та зло озиралась на Президента, плевала в него, безумно выкрикивала:

– Людоед!.. Мальчиков наших заживо съел!..

Ее уволокли, и казалось, ее появление было наваждением. И уже входили в зал с роко-чущими песнопениями облаченные в ризы священники. Несли пылающие свечи, уложив на шитую золотую парчу свои тяжелые великолепные бороды. Окруженный клиром, величаво ступал Патриарх в золотой митре, сиявшей как нимб. Черный лицом, с выпуклыми эфиопскими белками и алым языком, весь усыпанный алмазами, напоминал ослепительную люстру. Все кланялись, подходили под благословение. И первым, кого он облобызал отеческим утешительным целованием, щекотнув кольчатой черной бородкой, был Президент, уже поднявшийся с колен, с непросохшими, искренними слезами сострадания.

Обильно поднимался к потолку сладкий кадильный дым. Трепетало в руках множество тонких поминальных свечек.

Мэр и Плинтус держали по свече, кланяясь навстречу серебряному кадилу, в котором багровел маленький жаркий уголь. Патриарх перемежал старославянские и эфиопские слова, мягко вплетал в богослужение строки из пушкинского «Ориона» – «Нас было много на челне...». Молился за души усопших воинов, посылая свою молитву в Царствие Небесное, где уже обретались погибшие моряки.

Поминальная служба транслировалась по телевидению. Граждане огромной страны плакали и скорбели о безвременной гибели своих сыновей. Электронные табло на площадях, на фасадах, на лобовых частях несущихся тепловозов, в подземных станциях метро, в кабинетах правительства, в роскошных дворцах богачей и утлых квартирах бедняков – рейтингомеры – указывали повышение популярности Президента на целых два пункта. Драгоценно, словно вышитое золотой нитью, на фасаде отеля мерцало число – «81». И уже мчались во все концы порхающие вереницы неутомимых юмористов и смехачей, посланных Модельером в русские дали, чтобы отвлечь народ от страшной беды, умягчить сжатые в камень сердца, заставить улыбнуться искусанные губы.

– Не правда ли, председатель Совбеза Крышайло похож на крысу? – шутил один юморист.

– Крысота спасет мир, – со смехом отвечал другой.

Над «Рэдиссон-Славянской», выталкивая из штанов задорные кудряшки дыма, пролетал модный юморист, репетируя смешной этюд о русском мужичке-дурачке. Следом, издавая выхлопные трески, поспевал пухленький одессит с лысоватой головенкой и лягушачьими лапками, рассказывая самому себе уморительный анекдотец. Топливом, с помощью которого они перемещались по воздуху, служил их собственный юмор. Его неполное сгорание слегка ухудшало экологическую ситуацию в городе, окисляло церковные купола и кресты, зато увеличивало число умиравших от смеха. Юмористы летели клином, как журавли, или вереницей, подобно казаркам и уткам.

Модельер был доволен блестящей операцией по умиротворению неистовых вдов. Радовался великолепной игре Счастливчика. Торжествовал победу над вероломными Мэром и Плинтусом.

Ангел с голубыми крыльями, прижимая к груди бездыханного Плужникова, пролетел над седым океаном, где клубилась темная буря. Над рыжей тундрой, где уже замерзали озера. Над золотыми туманными лесами, которые стояли словно сияющие торжественные иконостасы. Влетел в дымное облако, застывшее над Москвой, сквозь которое мерцали неясные вспышки, мутно белели дома. Сложил за спиной острые крылья и кинулся вниз, стараясь не задеть пышные кресты собора, перекрестья проводов, чугунную резную ограду. Вращая крыльями, как пропеллерами, остановился в воздухе, поднимая вихри палой листвы. Не касаясь земли, поста-

вил Плужникова на краю тротуара, на углу Остоженки и Пречистенки, где тесно слиплись, вязко текли машины сквозь узкие горловины, валила темная толпа, скапливаясь у красных светофоров, огромная белогрудая женщина на рекламе освежала бритые подмышки флаконом с дезодорантом, и над ней возвышался тяжелый, пластмассово-белый собор, накрытый золотыми ребристыми тюбетейками. Ангел оставил моряка у перехода, где наезженный, чернотипный асфальт был заштрихован грязно-белой краской с раздавленным в плоскость пакетом из-под дешевого вина. Убедился, что моряк стоит на негнущихся ногах и не падает под колеса. Ринулся ввысь, задержавшись на мгновение среди кустистых крестов собора. Канул в тумане, слегка удивив подвыпившего бомжа, который то одним, то другим глазом пытался получше рассмотреть диковинную голубую птицу, мелькнувшую в темных ветвях.

И Плужников остался, недвижимый, негнувшийся, в изорванной робе подводника, в грязных сандалиях, с обгорелым лицом, на котором кровавая короста ожогов смешалась с загустевшей эмульсией. Был глух, слеп и нем. Опаленные глаза были залиты ядовитым рассолом, уши закупорены каменной пробкой пепла, губы спеклись, словно по ним прошлись автогенном.

В нем остановился и застыл страшный удар, превратив живое тело в чугунную отливку. Без чувств, без мыслей, без памяти, он стоял на краю тротуара, словно изваяние, и лишь несколько живых алых клеток слабо пульсировали в глубине мертвого памятника.

Люди скапливались у перехода, когда им в глаза светила красная сердитая ягода светофора. Окружали Плужникова, теснили его. Большинство не обращали внимания. Иные с изумлением оглядывали его измызганное одеяние. Какая-то нервная дамочка брезгливо шарахнулась, зажимая нос: «Живодер, что ли, или из канализации вылез?» Какой-то сердитый мужик толкнул его: «Разуй глаза! Что уперся как столб!» Какой-то едкий господин в красивом плаще отступил на шаг: «Нажрут, навалятся в луже, а потом в народ лезут!» Толпа скапливалась, давила, раздраженно поглядывала на бесконечные лимузины. Как только в глазнице светофора загоралась зеленая сочная ягода, все разом сбегали на черно-белую зебру перехода, толкая друг друга. А Плужников оставался стоять, словно ноги его привинтили к тротуару болтами.

Так он застыл, не понимая, где он, тупо чувствуя чугунное ядро безглазой своей головы, живя шепоткой теплых влажных клеток, чудом сохранившихся в окаменелом сердце. Над ним прошел мелкий осенний дождик. Ветер сорвал с дерева желтые листья, осыпал его, и один лист прицепился к спутанным волосам. Из проезжавшего джипа выкинули окурки, он упал на его драную сандалию и слабо дымился. Но Плужников не замечал ничего. Жизнь не проникала в него, а слабо тлела внутри, как уголек в темном обгорелом полене, готовый погаснуть.

Подле него, остановленная красным сигналом, задержалась молодая женщина, неприменно одетая, в берете на светлых кудряшках, в поношенной кофте и длинной суконной юбке на худеньком теле, с кожаной почтовой сумкой через плечо, в которой лежали стопки писем, кипы телеграмм, несколько бандеролей. Женщина работала письмоношей, захватила на почте очередную порцию посланий и торопилась по окрестным дворам и улочкам, забегаая в полутемные подъезды, засовывая корреспонденцию в железные ящики. Она ждала, когда на противоположной стороне погаснет красное, зловещее око и раскроется зеленое, радостное. Люди скапливались, теснили ее, и она оказалась бок о бок с высоким, грязно одетым человеком, от которого пахло так, как пахнет из раскрытых зловонных люков, где гуляет железный сквозняк. Она машинально отступила, нетерпеливо ожидая, когда прервется сверкающий вал машин и можно будет шагнуть на «зебру», убежать вперед от неопрятного тупого бродяги. Люди дружно пошли, и она собиралась шагнуть. Но вдруг заметила желтый лист, прицепившийся к взлохмаченным, опаленным волосам человека, и его лицо, в котором, среди синяков и царапин, застыло нечто ужасное, не присутствующее здесь, среди толчеи и блеска, звенящих и рокошующих звуков, а занесенное сюда из другого, жуткого мира, быть может из преисподней.

И это соседство с чем-то непонятным и ужасным удержало ее. Толпа ушла, а они двое остались, овеваемые бензиновым ветром хлынувших автомобилей.

Женщина – ее звали Аня Серафимова – смотрела на человека, который, казалось, попал под ужасную, огненную, зубчатую, с крючьями и остриями машину, был ею перемят, перемолот, пронесен сквозь чудовищные, необитаемые пространства и выброшен на углу Остоженки как послание московским жителям. Но те не замечали послания. Торопились и суетились, ссорились и веселились, считали и тратили деньги, развлекались и брюзжали, не желая угадать того, что принес для них из необитаемых страшных далей ошпаренный и обожженный человек.

Люди скапливались у светофора, бежали на зеленый свет. Несли сумки, портфели, свертки. Смотрели под ноги, где черно-белыми клавишами был обозначен переход. Аня и Плужников оставались стоять, и она не могла избавиться от непомерной тяжести, горя и сострадания, которые внушал ей человек, несущий в обгорелых волосах желтый лист липы, обутый в странные дырчатые сандалии, облаченный в промасленную, прожженную робу, где на груди прилепилась нашивка с непонятными буквами и цифрами.

– Вам помочь?... – спросила она, думая, что он слепой, заглядывая в широко раскрытые голубые глаза под обгорелыми бровями, неподвижно и пусто отражавшие блески и отсветы города. – Если хотите, я вам помогу перейти... – повторила она громко, поднимаясь на цыпочках, чтобы ее слова донеслись до ушей, запечатанных темной сукровицей. – Вы здесь живете? Вам нужно в какие дома?...

Она не дождалась ответа, ибо губы в волдырях и болячках не могли разомкнуться, как слипшиеся от ржавчины куски железа, пролежавшие долго в земле.

Человек молчал, и она, преодолев робость, коснулась его локтя, почувствовав сквозь ткань робы окаменелую безжизненную плоть. Пугаясь этой мертвенной, холодной твердости, потянула за руку, стараясь качнуть застывшее туловище. И когда загорелся зеленый огонь и покатились, обгоняя их, суетная толпа, Аня с силой потянула человека. Тот тяжело качнулся, отрывая от асфальта намагниченные, прилипавшие подошвы. Неловко выгибая бедра, словно учась ходить, сделал слепой шаг. Ступил на проезжую часть, где, раздавленный, валялся пакет от молдавского вина. Она удерживала слабым тонким плечом его тяжесть. Чувствовала его шаткую неустойчивость. Боялась, что он не удержится и рухнет на асфальт, как закованный в доспехи рыцарь, с металлическим грохотом, и от него отлетят железные ноги, нагрудные латы, кованный шлем, и в них обнаружится зияющая пустота.

– Идемте, – тянула она его по черно-белому переходу, страшась, что зеленый свет начнет мигать и погаснет и на них ринется нетерпеливая, оскаленная свора автомобилей.

Черно-белая «зебра» двигалась под ногами, и Ане казалось, что она переносит его на себе, как санитарка, через жестокое пространство, вынося из-под огня, спасая от невидимых убивающих сил. Эта «зебра» была как брод, по которому они переходили опасную реку, с одного берега на другой, из одной половины жизни в другую. На пятом или седьмом шаге, страшно утомившись, она испытала головокружение. Пережила моментальный обморок. И вдруг грязно-белые нашлапки на измызанном черном асфальте налились драгоценными цветами спектра – алым, золотым, изумрудно-зеленым, нежно-голубым, фиолетовым, – и они шли, погружая ноги в прозрачную радугу, переброшенную от тротуара к тротуару. И все смотрели, как они переходят. Остановившийся на обеих сторонах улицы народ. Глядящие сквозь стекла машин водители. Подвыпивший бомж у чугунной ограды собора. Сам огромный, мучнисто-белый собор, увенчанный золотыми зарослями крестов. Розовая обнаженная красавица на рекламе, с голой нежной подмышкой.

Они достигли противоположной стороны. Многоцветный половик под ногами погас. Сзади, разящим вихрем, с воем сирен, расплескивая по фасадам безумные лиловые вспышки, промчался кортеж длинных «мерседесов» и упругих громадных джипов. Аня затягивала своего спутника глубже на асфальт, пугаясь безумной кавалькады и одновременно радуясь тому, что успела выхватить его из беспощадного вихря. На них грозно надвинулся тучный постовой с полосатым жезлом, в глянцевиной кожаной куртке:

– Ослепли, мать вашу!.. Сидели бы в рюмочной, стопки глотали!.. В вытрезвитель вас, под холодный душ!..

Аня изо всех сил тянула своего слепого и немого спутника подальше от сизых полицейских щек, от грозных усов и кожаных ремней, на которых висела маленькая толстенная кобура.

Глава 5

Президентский кортеж черной кометой промчался по Остоженке, повернул к собору и сквозь гостевые ворота въехал на подворье, где навстречу торопились настоятель, служители, охранники, все в черных подрясниках, которыми они энергично и ревностно мели ухоженные дорожки. Счастливчик и Модельер, покинув автомобиль, вошли в прозрачную тень огромного белого храма, который, при всем своем византийском величии, вызывал странное ощущение макета, построенного из громадных кусков пенопласта. Хотелось подойти, ткнуть пальцем в стену, продавить хрустнувшую, наполненную воздухом плиту.

Храм был возведен радениями Мэра, неявно прославлял его величие, был противопоставлен Кремлю как второй, обособленный центр Москвы. Стягивал к себе лучи и радиальные линии московских улиц, уводя их прочь от Кремля. Красная площадь, коварно застроенная Мэром теремками и часовенками, была отрезана ими от живого сердца столицы и обмелела. Ее покинула таинственная животворная прана империи, которую стала впитывать в себя пористая белая губка собора. Модельер привез Счастливчика в этот златоглавый чертог, чтобы здесь, в духовной цитадели вероломного Мэра, открыть Президенту свой величественный мистический замысел.

Они прошли пустынно-огромный храм, наполненный голубоватым прохладным воздухом, с могучими столпами, округлыми поднебесными сводами, где мертвенно и великолепно сияли изображения ангелов, святых и апостолов. Золото, охваченные тихим заревом красные и золотые лампы, уходящие вдаль туманные пролеты – храм напоминал торжественный парадный вокзал, еще без пассажиров, с безлюдными перронами, с тонким блеском уходящей вдаль колеи... Распахнутся двери, хлынет темная, шумящая, шаркающая толпа, подлетит к перрону лакированный скоростной состав. Проводники в форменном облачении с золотыми нагрудными лентами станут проверять билеты, рассаживать пассажиров в удобные купе. Состав мягко тронется, набирая скорость, с певучими рокотами понесет пассажиров в Царствие Небесное, о котором уже здесь, на вокзале, рассказывают великолепные настенные мозаики и фрески.

Модельер, истово перекрестившись, провел Счастливчика сквозь алтарь, где на престоле лежала священная книга и золотились дары с зажженным семисвечником. Они скользнули в малоприметную дверь и по мягкому, устилавшему ступени ковру стали спускаться вниз, сквозь стены, фундамент, пласты московской земли, на которой утвердился собор, из которой он вырастал своим царственным великолепием.

В просторной подземной части храма находились превосходно оборудованные актовые залы для церковных совещаний и соборов, а также для светских съездов и ассамблей, размещалась великолепная библиотека с собранием церковных и светских книг, манускриптов и рукописей на латинском, арабском, древнееврейском языках. Тут же была построена трапезная в духе монастырских братских застолий, где собиралось за постной едой аскетическое духовенство. Но с ней соседствовал роскошный ресторан с зеркальными стенами, баром и подиумом для джаза. Гостиница состояла из скромных монашеских келий, где могли останавливаться пилигримы из дальних епархий и обителей, вставать на ночные молитвы перед суровым, старинного письма, образом. Но также были и дорогие номера люкс с пышными двуспальными кроватями, джакузи, обширными телеэкранами, на которых можно было созерцать все мировые программы, включая ночные эротические. Подземные гаражи с дорогими иномарками были чисты и ухожены и непосредственно смыкались с боулингом, залом игровых автоматов, рулетками и карточными столами казино, саунами и небольшим водоемом, где у лазурной воды стояли античные статуи обнаженных богинь.

Все это почти пустовало в сей полуденный час. Лишь мускулистый слуга в подряснике нес в номер люкс кожаный саквояж носатого папского нунция, приезжего иезуита, который чинно, в красной шапочке и черной сутане, похожий на дятла-желну, вышагивал следом. Да в голубом водоеме, среди нимф и наяд, плыл саженками тучный молодой бородач, чему-то улыбаясь и крестясь на ходу.

Они продолжали спускаться в основание собора. Модельер показал Счастливику грубо отесанный, в зарубках и сколах камень, привезенный по приказанию Мэра из Иерусалима. Камень был взят из древних развалин Соломонова храма и вмурован в бетонный фундамент московской святыни.

Ниже этой древнееврейской глыбы сохранились детали бассейна «Москва», где когда-то в трескучий московский мороз, в розовом пару, пенили воду охочие до зимних усад и омошений советские граждане, похожие на гладких глазастых тюленей. Зеленоватый кафель бассейна напоминал окаменелые перламутровые ракушки, и на них сохранился отпечаток голой ноги женщины-коммунистки Фурцевой и выпавший из плавок советского министра Щелокова золотой портсигар.

Еще ниже находились гранитные плиты не достроенного коммунистами Дворца Советов, который, по замыслу талантливых и дерзких архитекторов, должен был достичь высоты Монблана, венчаться громадной бронзовой статуей Ленина, чтобы в бинокли и телескопы ее можно было бы рассматривать из всех точек земного шара. Красноватые плиты карельского гранита прочно лежали в основании собора, и на них различалась надпись: «Гранильная мастерская имени Розы Люксембург».

Еще ниже, под кирпичными, на яичном желтке, фундаментами старых церквей, под деревянными мостовыми и гатями, под археологическими слоями рыхлой земли с черепками горшков и мисок, находилась полость – пещера, бывшая когда-то языческим капищем, где первые московские поселенцы молились священным идолам. Капище посвящалось богу Велесу, хранителю скота. На дне пещеры лежал прекрасно сохранившийся скелет быка с окованными золотом рогами, олицетворявший покровителя домашних животных.

– Теперь ты понимаешь, – произнес Модельер, указывая Счастливику на скелет быка, – почему Мэр хочет устроить в Москве представление испанской корриды? Он готовит языческое ритуальное действо во славу своего бога Велеса, которому и посвящен собор, лишь внешне имитирующий христианскую сущность.

Здесь, в древнем капище, находилась прозрачная, как кристалл горного хрусталя, кабина скоростного лифта. В нее, оставив охрану, поместились Модельер и Счастливчик. Граненая капсула стремительно метнулась ввысь, пронося пассажиров сквозь толщу глухих стен. Доставила их в самую высокую точку собора. В вершину золоченого купола, под основание громадного креста. Здесь была устроена невидимая с земли смотровая площадка, на которую высадились Президент и его главный советник. Стали прогуливаться на открытом кольце площадки, среди ароматного, пахнущего яблоками воздуха, паря на золотом воздушном шаре среди розовых и голубых горизонтов.

– Какая краса! – не удержался Счастливчик, ликующим взором осматривая панораму осенней Москвы, казавшейся драгоценной перламутровой раковиной, лежащей среди Русской равнины.

В этой волшебной раковине, в ее затейливых завитках и нежных зубцах чудесно туманились близкие и далекие церкви, остроконечные высотные здания, шатры кремлевских башен, солнечная лента реки, переброшенные через нее каменные и стальные мосты, мерцающие улицы, желто-зеленые, пышные воротники бульваров, синие, как опустившаяся туча, Воробьевы горы, бескрайние бело-розовые, словно стада фламинго, дома, их слюдяные окна и серебристые крыши. Во все стороны света убегали лучи проспектов, улетали в живую, сол-

нечно-туманную даль, где в лесах и полях дышало немеркнувшее сияние необъятного великого города.

И повсюду, близко и далеко, яркими золотыми позументами или едва заметными искорками, виднелись показатели президентского рейтинга. Трепещущее число «81» дрожало на ветру, откликаясь на малейшие биения народного чувства. На высоком кресте, опустив усталые крылья, чистя клювами перья, сидели два известных юмориста, один с армянской, другой с птичьей фамилией. Оба утомленно молчали. Из них на золотой купол капал неизрасходованный, известкового цвета, юмор.

– Как далеко, как бесконечно далеко отсюда видно! – повторил с восторгом Счастливчик.

Модельер удовлетворенно кивнул. Недаром он выбрал для разговора это удивительное, неповторимое место.

Говорили, что в редкие дни поздней осени, когда воздух студен и чист, словно голубая линза, отсюда, с вершины храма, виден ватиканский собор Святого Петра. Папа Римский и Патриарх Московский поднимаются, каждый на свой купол, и с помощью зеркал обмениваются тайными знаками, что способствует умиротворению религиозных споров и смягчению конфликта церквей.

– Именно здесь, на этой золоченой кровле храма, я хочу сделать тебе признание, – торжественно произнес Модельер, простирая руку вперед, словно клятвенно прикасался перстами к многоцветной иконе Москвы. – Ты – воистину Счастливчик. Ибо тебе выпало на роду наследовать великую русскую цель. Исполнить громадную, растянувшуюся на века русскую задачу. Воплотить тайную русскую мечту. Тебе предстоит то, что не выпадало на долю самым великим правителям, будь то Чингисхан, или Александр Македонский, или Наполеон, или Иосиф Сталин. Ты объединишь наконец растерзанное на отдельные народы человечество и тем самым положишь конец всемирной истории, которая началась с момента разрушения Вавилонской башни, что вылилось в извечную войну языков, народов и рас. В тебе же умиротворенная, прекратившая свой бег мировая история останавливается, чтобы взглянуть на себя самое твоими серо-голубыми глазами, о Счастливчик!..

Президент внимал, сладостно сощутив глаза, сквозь которые осенняя Москва своими золотыми и алыми пятнами, чудесными нимбами и бело-розовыми покровами и впрямь напоминала икону. Слова Модельера порождали упоительное ожидание, предощущение блаженства, от которых нежное лицо Президента покрылось легчайшим девичьим румянцем. Кажется, от Модельера к нему протянута едва заметная прозрачная трубочка, сквозь которую течет медовая сладость, волшебный дурман, веселящая влага.

Вокруг собора на разных высотах реяли дельтапланы. Их разноцветные косые треугольники совершали круги, виражи. Плавно взмывали, просвечивая на солнце. Стремительно и грациозно снижались. На легких подвесках размещались пилоты в тесных трико, из личной президентской охраны. Как у царских опричников, на поясах у них были закреплены метелки, которыми они изгоняли из общества нечисть и скверну – подметали мусор у стен Кремля, хлестали по глазам писателей-охульников, разгоняли «красные пикеты», используя метелки в качестве электрошокеров. Теперь охранники из спецподразделения «Блюдающие вместе» облетали на дельтапланах окружавшие собор кварталы и постреливали из снайперских винтовок по слуховым окнам, подозрительным чердакам, отпугивая от собора возможных террористов.

– Русская идея, понятая угрюмо и неверно, отгораживает нас от всего человечества, – продолжал Модельер, выходя на край смотровой площадки, откуда Крымский мост туманился седой сталью, и под ним на солнечной реке, замороженный в блеск, замер кораблик. – Ложно осмысленная, она превращает нас в захолустных старообрядцев и нелепых сектантов. Великий Достоевский сформулировал ее как страстный порыв навстречу миру, открытость для всего человечества, как нашу русскую всемирность. С тех пор как рухнул железный занавес, отделяющий «красных старообрядцев» от иных народов, Россия открывала себя, совлекала ветхие

одежды, готовая предстать перед миром в своей ослепительной нагоде. Твой великий предшественник, чье утомленное сердце стучит в «Пещере волхвов», много сделал, чтобы впустить в Россию изумленное, столпившееся у ее границ человечество. Но делал это по наитию, согласно своим глубинным инстинктам, не ведая, что поступает согласно мистической воле Творца, исполняя высшее, мировое предназначение России. Только ты, с твоей исторической прозорливостью, сознанием русского мессианства перевел государственное дело в религиозно-философскую плоскость, обнаружил внутренний модус русской истории, слил свою судьбу с этим модусом. «Раздарить все, чтобы все обрести». «Стать ничем, чтобы овладеть всем». «Потерять себя, чтобы найти Вселенную». «Отдать богатства, чтобы снискать сокровища». «Перестать быть народом, дабы стать человечеством». Мы отдаем миру наши несметные богатства, отказываемся от нашей науки и культуры, отрекаемся от веры и суверенности. Разоружаемся до последнего вертолета и бэтэра, режем автогенном могучие корабли и ракеты, убираем с орбит космические спутники и межпланетные станции. Мы пускаем американцев в наши атомные центры и политические институты. Возвращаем немцам их Кенигсберг, а японцам – их исконные Курилы. Помогаем НАТО обосноваться в Прибалтике, на Украине и в Средней Азии. Пускаем баптистских проповедников и магических сектантов в святая святых нашей Церкви. Мы сокращаем русское население, радуясь росту Китая, возрождению Ирана и Турции. Мы не страшимся того, что называют глобализмом, но всячески приветствуем его, рассматривая как великий долгожданный синтез мира. В результате мир придет в Россию и станет Россией. Человечество хлынет на наши опустевшие пространства и наречется русским народом. Отказавшись от собственной армии, мы станем обладателями мощи мировых держав. Подарив свою науку и культуру другим, мы будем пользоваться благами мировой науки и мировой культуры. Мы уступим миру место в наших сердцах и в наших необъятных пространствах, и мир наречется Россией... Это и есть воплощенная русская идея, вершина русского мессианства, сформулированная тобой, ставшая музыкой твоего правления, откровением твоего царства...

Счастливчик чувствовал тончайший прозрачный сосудик, соединявший его и Модельера. По этому сосудику перетекали кровяные тельца, бежали пузырьки веселящего газа, струились капельки сладкой влаги. Пуповинка выходила из Модельера в области паха, проникала Счастливчику под пиджак, на поясицу, погружаясь в копчик, в чувствительную чакру. Это напоминало анестезию, или искусственное питание, или переливание крови, или переселение душ.

Над Москвой, на разном удалении от собора, всплывали воздушные шары, напоминавшие цветные грибы, нежных медуз, разноцветные сосуды, украшенные меандрами. В гондолах размещались наблюдатели с оптическими и инфракрасными биноклями, поисковыми антеннами и пеленгаторами, охранявшие район, где находился Президент. Снайперы из подразделения «Блудущие вместе» сделали несколько выстрелов по крыше в районе Волхонки, где притаились бомбисты из «Красных ватаг». Кинули гранату в глухой двор в районе Чистого переулка, где собралась подозрительная группа бритоголовых скинхедов.

– Мировые лидеры признали тебя, – продолжал Модельер, увлекая Счастливчика туда, где с площадки открывалось кудрявое, золотисто-изумрудное кольцо бульваров, особняки, дворцы, Тверская, чешуйчатые от далекого блеска, Пушкинская площадь с бронзовым памятником и кубическим домом «Известий» и дальше, из крыш, кварталов, водяных отражений, розовых дымов и фиолетовых туманов, льдисто возносилась Останкинская башня, вонзая в облака свой прозрачный луч. – Лидеры мира не устояли пред твоим обаянием и превосходством. Надменный Американец, чопорный Англичанин, гордый Немец, язвительный Француз, лукавый Японец, осторожный Китаец – все приняли тебя как вселенского лидера, кому готовы передать свои полномочия. Делегируют тебя в Цари мира, венчают на царство, нарекают Москву столицей всея Земли. Такого величия Россия не достигала ни в какой период своей истории. Ни при Иване Грозном, ни при Екатерине Великой, ни при Иосифе Сталине.

Ты превосходишь их всех. Ты стал Царем мира без войн, без атомных бомб и авианосцев, без жестоких диктатур и насилий, но лишь благодаря своей божественной кротости, исходя из воли Творца, следуя мистическому предназначению России. Мы переносим центр Земли в Москву, в Четвертый Рим, как было предсказано соловецким мучеником, погибшим от рук большевистских убийц. Меняем координатную сетку планеты, как мечтал об этом святой Патриарх Тихон, выстраивая Новый Иерусалим. Как замыслил это Сталин, изготовив топографическую бомбу, решив нагнуть земную ось, использовать в районе полюса термоядерный «Рычаг Архимеда». Ты не стал спасать утонувший подводный крейсер. Пожертвовал подводной «Москвой», чтобы сделать Москву земную Градом Небесным. Это и есть вселенская мудрость, мистическая русскость, горная правда России...

От этих слов Счастливчик почувствовал прилив радостной силы. Словно мышцы его укрупнились, рельефно напряглись под одеждой. В груди стало просторно и ярко. Взор стал видеть далеко. Сердце, исполненное могуществом и любовью, стало вместилищем знания об этом великом городе, что пребывал в его власти, присягнул ему на вечную верность, был предметом его державных забот и радений. Каждое малое, отливавшее солнцем оконце, каждый блик пробежавшего автомобиля скрывали в себе чью-то жизнь, чью-то неповторимую судьбу, которая славилась его, любила и доверяла. И он, могучий повелитель, был готов использовать свою абсолютную власть на благо родной земли.

Высоко над собором пролетел серебряный самолетик. Из него посыпались крохотные клубеньки и песчинки. Над каждой возник клочок разноцветной пены. Охранники на спортивных парашютах стали красиво спускаться, управляя построениями, обтекая в воздушных потоках громаду собора. В руках у них были пистолеты с глушителями, и они выборочно стреляли по окнам Дома на набережной, заселенного богатыми азербайджанцами и чеченцами; некоторые из них объявили Президенту джихад. Было видно, как из верхнего этажа престижного дома выпал человек, пролетел мимо вывески Театра эстрады и упал в Москву-реку, где на него набросились дрессированные, прикормленные на чеченской крови акулы. Парашютисты приземлились все в одном месте, на клумбу у Музея изобразительных искусств. Укладывали парашюты. Угощали друг друга сигаретами.

– Через месяц состоится твоё венчание.

Теперь оба они смотрели на Кремль, где, окруженные розовыми зубцами и башнями, зеленели холмы, темнели синие пирамидальные ели, под желтыми полуоблетевшими деревьями скопились золотые лужицы опавшей листвы. Соборы парадно и гордо сверкали. На Иване Великом, под куполом, блестела черно-золотая надпись. Счастливчик, не умея ее прочитать, тем не менее знал, что она таинственно соотносится с их разговором.

– Я сам разрабатываю ритуал небывалого действия, которому хочу придать вид вселенской мистерии. Лучшие дизайнеры, художники и режиссеры планеты готовят в Москве мистерию. Сюда приедут все лидеры мира, привезут земли своих долин, гор и пустынь, святыни своих народов. Все религии мира освятят твоё восхождение. На Воробьевых горах будет установлен Колосс Московский, создаваемый нашим известнейшим скульптором, с использованием новейших космических материалов и компьютерных технологий. В хрустальной голове гигантской скульптуры будет установлен трон, куда ты вознесешься в лучах своей славы. Богослужение с участием иерархов всех мировых религий освятит твоё помазание. Празднество твоё станет одновременно и выкликаньем мировых духов, которые слетятся в Москву под огненные ритмы бразильского карнавала, под гонги буддийских паломников, под грохот европейского рока, под стук алеутского бубна, под печальные песнопения хасидов. В нашем празднике сольются Хеллоуин и элевсинские таинства, «весна священная» и африканские культы вуду. По площадям и проспектам Москвы сводным парадом пройдут объединенные армии мира. Мы устроим салют, направив в ночное московское небо пролетающую мимо Земли комету, наполнив ночь над Москвой-рекой алмазными люстрами Космоса, оросим Москву звездным

дождем. Такого праздника еще не видело человечество. Двадцать первый век будет наречен Веком Счастливого...

Эти слова вызвали у Счастливого священный восторг, словно кто-то поднял его на могучей длани над Землей, показав земные царства, возлюбившие его народы, славящих его земных царей. И тот, кому принадлежала длань, был его Небесным Покровителем, невидимым Владыкой Вселенной, чьими мыслями и внушениями он жил, чью волю исполнял, принимая от Творца небывалую власть и могущество.

От крыши «Ударника», высоко, через реку, в сторону Арбата и Министерства обороны, был натянут стальной трос, который казался солнечной паутинкой. По нему шел канатоходец в костюме скомороха, в колпаке с бубенцом, балансируя с помощью шеста. Казалось, он ступает по воздуху, пропадая на миг среди лучей и солнечных бликов. Это был охранник из подразделения «Блудящие вместе», оснащенный боевым лазером, которым с высоты прожигал капоты подозрительных автомобилей. Те останавливались с расплавленными двигателями, и выбегавшие в недоумении водители оказывались во власти работников ГАИ. Подобным образом канатоходец только что остановил «джип-чероки», принадлежавший главарю солнцевской группировки. Постовой вежливо отдал честь профессорского вида мужчине и требовал у него тысячу долларов штрафа.

— Однако чем ближе царство добра, тем активнее силы зла. — Теперь они смотрели на гостиницу «Россия» с гирляндами флагов, на грозный трезубец Котельнической набережной, на Новоспасский монастырь, чьи синие купола были усыпаны серебряными звездами, на длинную прорезь Пролетарского проспекта, убежавшего к Коломенскому, Калужской, к далеким березнякам Домодедова, где воздух был нежно-алюминиевый от летящих самолетов. — Чем ослепительнее твой успех, тем плотнее рядом с тобой зоны тьмы. На пути исполнения твоих грандиозных замыслов существует препятствие. Мерзкий и черный заговор, который замыслили Мэр и Плинтус. Пользуясь твоим милосердием, спекулируя на твоей доверчивости, они готовят твоё свержение. Страхатся предстоящей вселенской мистерии. В заговор вовлечены послушные им депутаты Думы, которые препятствуют прохождению закона «О снижении русского населения до пятидесяти миллионов человек». К ним примкнули несколько губернаторов, недовольных твоей политикой упрочения вертикали власти. Им симпатизирует строптивый олигарх, не желающий жертвовать деньги на проведение нашего вселенского торжества. Они окружили себя продажными журналистами, распускающими о тебе грязные слухи. Наняли лживых политологов, прогнозирующих снижение твоего рейтинга. Связались с одиозными мировыми структурами. Пользуются влиянием в военных округах. Они спонсируют радикальные движения бритоголовых фашистов и «Красные ватаги» революционных бомбистов, готовя беспорядки в Москве накануне твоего помазания. Они всячески поддерживают обветшалые мифы о «красных» и «белых», подрывают наше новое мировоззрение, снижают победный пафос обновленной русской идеи. Мы должны устранить угрозу. Уничтожить заговор. Физически, как мерзких тлетворных насекомых, истребить Мэра и Плинтуса. Иначе нам обоим, а также нашей милой, ненаглядной России, почти уже ставшей владычицей мира, наступит конец...

— Ты их хочешь убить? — изумился Счастливчик.

— Иного выхода нет, — твердо произнес Модельер. Выставил ногу вперед, сложил на груди руки, обретая сходство с римским патрицием.

— Я никогда не пойду на это. — Счастливчик возмущался сделанным ему предложением, омрачившим недавний восторг. — Перед лицом просвещенной Европы я отказался от смертной казни.

— Никто не говорит о судебном разбирательстве и смертном приговоре. Они просто исчезнут, как будто и не рождались.

– Это против моих этических принципов. Я дал слово народу, что больше никто по воле власти не умрет насильственной смертью.

– Тогда умрешь ты, – жестко сказал Модельер, отступая на шаг от Счастливчика.

Счастливчику показалось, что прозрачная, соединяющая их трубочка оборвалась.

Он тут же ощутил удушье, словно его кровяным тельцам не хватало кислорода, началось витаминное голодание, скопившиеся в крови шлаки стали закупоривать сосуды, и в мозгу зазвучали погребальные удары колокола.

– Ты хочешь дожидаться беспорядков в Москве? Повторения стрелецких мятежей, когда безумные толпы начнут громить Кремль, искать тебя в кабинетах и приемных залах, чтобы схватить и посадить на кол? Или повесить на кремлевских зубцах? Или утопить в Москвереке? Или зарядить в Царь-пушку и выстрелить? Разве так поступают великие державники? Твой предшественник, когда нависла угроза его начинаниям, сжег из танков парламент, расстрелял из пулеметов детей и женщин, а потом спалил трупы в крематории, а пепел съел, размешав его с медом. Власть – великое бремя, и она требует жертвы. Недавно ты поступил как великий правитель, пожертвовав подводной лодкой «Москва». Неужели ты не решишься раздавить двух злобных негодяев, желающих смерти тебе и погубления великому мировому проекту, с которым связано величие Родины?

Удушье нарастало. В горле клокотал раскаленный уголь. Глаза выкатывались из орбит, так что среди зеленоватого московского неба начали расходиться фиолетовые и красные кольца.

– Решайся, – грозно требовал Модельер, приставив длинный, накаленный, словно шкворень, палец к холодному лбу Президента. – Соглашайся во имя Москвы и России. Во имя Четвертого Рима. Если нет, я уйду в отставку.

Небо волновалось, расходилось кругами, словно было твердой шелковой тканью, под которой кто-то бился, стремился прорваться наружу.

– Согласен, – чуть слышно сказал Счастливчик.

Палец Модельера, касавшийся его лба, начал остывать. Его пылающий белый конец становился малиново-красным, темнел, покрывался железной окалиной.

Небо над собором трепетало и билось, словно от боли. Высоко, в зеленом свечении, появился надрез. Он расширялся, растягивался, словно в женское лоно вложили акушерские щипцы и тянули в разные стороны, открывая темный прогал. Небо кровенело, содрогалось, черный прогал расширялся, открывая бездонную тьму, в которой что-то жутко светилось, пульсировало, рвалось наружу.

Мокрый, розовый, покрытый слизью эмбрион, напоминавший пятипалую морскую звезду, шевелился, просовывал сквозь лоно мокрые язычки, от которых по небу бежала ядовитая красная рябь. Небо над Москвой напоминало кровавое озеро, куда упал булыжник, разгоняя сочные малиновые круги. Купол собора казался красным, крест, под которым стояли Модельер и Счастливчик, отекал кровавой росой, и оба они, подняв в небеса изумленные лица, наблюдали знамение. Эмбрион, прилетевший из бездонных глубин, сулил рождение новой Вселенной, в которую влетала планета.

Небесное лоно сомкнулось, пятипалый моллюск исчез. Только волновалось, трепетало от боли беременное багровое небо. На малиновую зарю, снявшись с креста, словно черные ленивые грифы, улетали два юмориста. Были видны их растопыренные черные перья, опущенные вниз когтистые лапы.

– Что это было? – потрясенно спросил Счастливчик.

– Оптический эффект. Я слышал, американцы в районе экватора испытывают новую систему слежения. Это был сгусток электромагнитной энергии.

– Скорее всего, – облегченно вздохнул Счастливчик. Он видел, что между ними снова образовалась прозрачная, едва заметная пуповинка, по которой к нему поступает голубоватая влага, испускающая нежное химическое свечение.

Аня, ухватив за локоть раненого человека, заслоняла его от буранного ветра, что был поднят бешеными машинами, у которых на крышах плясали фиолетовые вспышки, похожие на безумных танцовщиц. Кorteж промчался, поворачивая к белому собору, а они остались на тротуаре, перейдя Остоженку по цветастому половику.

– Теперь я пошла... Удачи вам... – сказала Аня, оставляя своего немого и слепого попутчика, которому оказала услугу. Она торопилась в переулки и улочки, в подъезды жилых домов и деловых контор, куда должна была доставить корреспонденцию, переполнявшую ее почтарскую сумку. Отпустила локоть человека, жесткий грязный рукав его темной робы. Сделала несколько шагов, захваченная толпой, с каждой секундой забывая о странном попутчике, о прозрачной радуге, которая возникла у них под ногами на пешеходной дорожке. Сворачивая в переулок, оглянулась. Человек стоял неподвижно, как статуя на носу корабля, которого больше не было, который сторел и утонул после страшного боя, сохранив после себя одно изваяние морского божества, выточенного искусным резчиком. Это изваяние было изрезано и иссечено осколками, прострелено пулями, обуглено пожаром. Одевание, когда-то сверкавшее драгоценными красками, теперь было содрано и измызгано. Лишь кое-где на лице – на бровях, у основания волос – сохранилась позолота.

Аня, почти из-за угла, оглядела его последним взглядом. И вдруг опять испытала такую боль, такое сострадание, словно случившаяся с человеком неведомая беда была и ее бедой. Видя, как он начинает падать, медленно заваливается навзничь, чтобы грохнуться затылком о черный асфальт, Аня тихо вскрикнула и метнулась к нему. Добежала, подхватила в падении, ощутив всю его каменную тяжесть, как если бы подхватила падающую с постамента статую.

– Вам куда?... Какой переулок?... Давайте я вас провожу...

Он молчал, открыв остановившиеся, немигающие глаза под золотистыми опаленными бровями. Она повлекла его, преодолевая негибкость его окаменелых ног. Шла, настойчиво тянула, не ведая, куда идет. Он был слеп, оглушен и беспамятен. Она была поводырем слепца, его зрячим посохом. Чувствовала, что сама ведома. Кто-то, неразличимый в холодном латунном воздухе, незримо парящий в сгустившейся синеве, вел ее. Так они и шагали втроем по Зачатьевскому переулку. Она очнулась, когда остановилась перед подъездом своего собственного дома.

«Зачем я это делаю?...» – беспомощно и отрешенно подумала она, вводя человека в полутемный подъезд, протягивая руку к стертой кнопке старого лифта. И когда поднимались в тесной кабине, едва помещаясь в ней, Аня чувствовала, как от одежды человека пахнет сырым подпольем, холодной тиной, и дыхание его напоминало железный сквозняк погасшей плавильной печи.

Она отомкнула дверь, ввела его в прихожую своей однокомнатной квартирки, не слишком прибранной, со следами небрежения к убранству, какое случается в жилище одинокого, вечно занятого человека, не обремененного заботой о домочадцах. Он переступил порог, остановившись у вешалки, где висели женский плащ и женский жакет, шелковый легкий платок, в котором увядали запахи исчезнувшего московского лета. И она почувствовала, как он занял весь объем ее небольшого жилища, вплоть до сумрачного высокого зеркала, слабо мерцавшего из глубины спальни, где кровать у занавешенного окна была небрежно прикрыта наспех брошенным покрывалом.

«Почему?... Зачем мне это?...» – слабо сопротивлялась она, оглядываясь на застывшего у порога онемелого человека. При этом чувствовала, что действует не сама по себе, а по неведомому предписанию, в котором чья-то рука уже вывела строчки об их состоявшейся встрече.

О черно-белой «зебре» на углу Остоженки. О прозрачной, вспыхнувшей у них под ногами радуге. О тесном скрипучем лифте, в котором они только что поднимались, едва касаясь друг друга. И в этой невидимой длинной рукописи приоткрылось еще несколько строчек – о том, как они остановились в полутемной прихожей у свисавшего с вешалки летнего платка, как она смотрела на гостя, готовясь что-то сказать...

– Вы замерзли... Вам нужна горячая ванна... – Она взяла его за руку, повлекла от дверей в глубину квартиры. Оставила на минуту, зажигая свет в ванной, пуская воду из хромированного, звучно приснувшего крана. Бегло осмотрела блестящий кафель, флаконы шампуня, мохнатые полотенца, брошенную второпях нижнюю сорочку. Вернулась к нему, недвижно и послушно стоявшему в своих стоптанных странных сандалиях. – Помогите вам раздеться...

Она протянула руку, осторожно прикасаясь к пуговице на его черной замызганной рубашке, в том месте, где был пришит тряпичный ярлык с непонятными ей буквами и цифрами... Стала осторожно отстегивать пуговицу, пропуская ее сквозь жесткую петлю. Человек стоял с раскрытыми, остановившимися глазами, словно был заколдован. Казалось, кто-то заглянул ему в глаза ужасным сверкающим оком, и они остановились, наполненные тьмой.

Было слышно, как набегает в ванну вода. Аня совлекала с него одежду – рубашку, тельняшку, драные брюки. Заставляла поднимать тяжелую ногу, сбрасывая со стопы странные сандалии, напоминавшие больничную обувь. Она действовала как санитарка, опытная и терпеливая нянька. Одежда комьями валилась на пол, освобождая молодое, бледное тело со следами синяков и ожогов.

Аня чувствовала, как в грязной скомканной ткани гнездилась беда, шевелилась и дышала болезнь.

– Идемте за мной... – Она взяла его за руку, видя, как неловко переступают по полу его босые ноги. Ввела в ванную. Черпнула рукой зеленоватую жаркую воду, по которой бежали яркие отражения лампы. – Садитесь, я вам помогу.

Она погружала его в воду, боясь, чтобы та не показалась ему слишком горячей. Но он словно не чувствовал температуру воды, как не чувствует ее каменное изваяние. Но тело его было не каменным, а живым и теплым, из красивых молодых мускулов, с сильными руками и длинными стройными ногами. Он сидел в ванне, до пояса покрытый водой, и она поймала себя на том, что любит его плотью, окруженной колебаниями воды и света.

– Вы согреетесь, вам станет гораздо легче... – Она выключила воду, которая разбивалась стеклянным блеском о его приподнятое колено. Из флакона выдавила в ванну травянисто-зеленый шампунь. Размешала его, превращая в душистую пену, которая нежно охватила грудь и голые плечи сидящего в воде человека. Взяла розовую губку, стала робко, осторожно касаться его шеи, лица. Выжимала над ранами и ожогами струйки воды. Прикладывала пышные, с перламутровыми пузырьками, хлопья пены.

Аня вела губкой по мокрому плечу гостя. И испытывала острую материнскую нежность, сострадание, благодарность. Он, ее сын, вернулся с ужасной войны, обгорелый, побитый, но живой. И она станет ходить за ним, отнимать его у жестокой, вцепившейся в него беды. Ухаживать и исцелять, как любимого, ненаглядного сына.

Она завершила омовение. Подняла его из воды. Он стоял, немой, неподвижный, послушно опустив руки. Она накинула на него махровое покрывало, отирала, стараясь не причинить боль, чувствуя сквозь мохнатую ткань упругость его мышц. Встав на цыпочки, отерла ему полотенцем волосы. Сначала взлохматила, а потом расчесала гребнем, любящая их влажно-золотым блеском.

– Что-нибудь надеть поищу... Вот это, не бог весть что... – Извлекла из шкафа потертый мужской халат, поставила перед ванной мужские стоптанные шлепанцы – все, что осталось от печального непродолжительного замужества. Помогла переступить из ванны, набросила на него ветхий халат, перетянула на талии матерчатый пояс. – Теперь к столу...

Усадила его в тесной кухоньке, поставив перед ним хлеб, масленку, сахарницу. Он не трогал еду, не замечал ее, не нуждался в ней. Подумав, она вскипятила молоко, не дав перелиться через край эмалированной чашки. Кинула в молоко ложечку меда. Почувствовала, как потекли по кухне сладкие, горячие ароматы. Вспомнила детство, как мама поила ее больную и немощную. Взяла столовую ложку с серебряной потемнелой монограммой... Черпнула молоко. Дула на него, остужая. Попробовала губами, а потом осторожно поднесла человеку, раздвинула краешком ложки его сомкнутые губы.

– Один глоточек... Вот так... Молодец... – влила в него горячее, сладко-душистое молоко.

Он проглотил. Было видно, как растекается по телу горячий глоток, умягчая железное, ледяное дыхание. Человек сделал глубокий вдох, словно в нем что-то ожило. Остановившиеся глаза под тяжелыми веками стали оттаивать, веки медленно опускались на серо-голубые, чуть затуманенные глаза.

– Теперь отдохните, поспите...

Она собиралась уложить его тут же, в кухне, на маленьком диванчике. Но человек казался слишком большим, и она ушла в спальню. Перестелила свою постель, набросив свежую простыню. Успела заметить в зеркале свое лицо, в котором померещилось нечто птичье, тревожно-радостное, торопливо-трогательное. Привела из кухни человека и уложила его, накрыв шерстяным теплым пледом. Человек лежал на спине, светлея в сумраке исхудалым, заостренным лицом. Глаза его несколько минут оставались открытыми, в них застыли серебряные точки, прилетевшие из зеркала, а потом веки бесшумно сомкнулись, и он уже спал. Плед медленно вздымался и опускался на его груди.

Аня сидела у его изголовья, и было ей печально, и было ей странно, и было ей хорошо. Она опять почувствовала, что действует согласно чьему-то предначертанию. В рукописи, которая кем-то о ней написана, только что были прочитаны строчки про молоко, про мед, про фамильную серебряную ложку с потемнелой прабабушкиной монограммой. И что там еще впереди?...

Глава 6

На тайную встречу, подальше от глаз президентской разведки, в глубоких подземных нишах собора сошлись союзники и осторожные заговорщики Мэр и Плинтус. Сидели в крохотном кабинете, затерянном среди подземных гаражей, дансингов, конференц-залов и казино. Наверху, в необъятном пространстве храма шла поминальная служба – сорок дней со дня гибели подводного крейсера. Печально толпились вдовы и матери. Чернела форма морских офицеров. Рокотал огромный, волосатый, похожий на льва диакон. Было светло от свечей и слез.

Мэр и Плинтус, оба соблюдая диету, пили свежавыжатый морковный сок. Созерцали из-за столика, как на огромном телеэкране демонстрируют кадры заграничного турне Истукана. Святая земля, и седоголовый Истукан, сделав комичную физиономию, лезет в какую-то пещеру, окруженный лучами фонариков. Древние монастыри Тибета, и бонза в оранжевом облачении тянет к носу Истукана благовонную палочку. Шоколадные воды Ганга и плывущий в них Истукан, на шею которого надет венок из живых цветов. Звезды Голливуда на празднике присуждения «Оскара», и Истукан, похожий на медведя, с неуклюжей развязностью приглашает на танец кинозвезду. Кадры сменяли один другой. Диктор с упоением рассказывал о странствующем Первом Президенте, который ушел от политики и теперь предается радостям пенсионного возраста.

– Все-таки странно, – произнес Мэр, поднося к своему зубатому рту стакан с оранжевым соком, который отразился в его полированном безволосом черепе. – Говорили, что он едва живой, на искусственном питании, с искусственным сердцем, а он переплывает Ганг и кладет свою медвежью лапу на ягодицу американской стриптизерши. Что-то не так...

– Мне кажется подозрительным его столь продолжительное отсутствие. – Плинтус колыхнул жирным, выбритым зобом, осторожно влил в него морковный сок, на мгновение соединив стекло стакана с мясистым пеликаньим носом. – Он уехал из России год назад, и теперь его видят то среди памятников крито-микенской культуры, то на ацтекских пирамидах Мексики. Какой-то здесь угадывается умысел...

– Если присмотреться, он все время чуть-чуть не в фокусе, – продолжал Мэр, цедя сквозь редкие зубы пенистую влагу, наблюдая, как Истукан кидает монетку в фонтан Версаля. – Его всегда показывают не крупным планом, на удаленном расстоянии.

– Мне тоже приходила мысль о двойнике. – Плинтус внимательно смотрел на экран, где Истукан в белом костюме и шляпе разгуливает среди златоглавых пагод Бангкока. Огромный, стекающий на грудь зоб Плинтуса менял окраску, как чуткий подводный моллюск. От нежно-розового до зеленовато-желтого, от бирюзового до темно-синего и оранжево-красного. Это свойство зоба менять окраску было широко известно в дипломатических кругах, где умели угадывать, в каком умонастроении пребывает Плинтус. Он же, в свою очередь, пользовался цветовой гаммой зоба, чтобы ввести в заблуждение собеседника. – Мне кажется, есть смысл инициировать в Думе запрос о столь долгом отсутствии Первого Президента России. Думаю, это будет чувствительным уколом для Счастливчика.

На экране Истукан, окутанный паром, сладострастно погружался в глиняный чан турецкой бани. И секундой позже, весь в мехах, в чукотском чуме с аппетитом поглощал сырое собачье мясо.

– Очень важна ваша книга, появление которой с нетерпением ждет российская и мировая общественность. – Открывая рот, Мэр показывал короткие, похожие на гвозди зубы. – Вы подвергаете сомнению происхождение Счастливчика. Вскрываете тайну его появления в политике и его связь с Истуканом. Ставите под сомнение его легитимность. По прочтении вашей книги должно возникнуть ощущение, что он – самозванец.

На экране Истукан радостно раскалывал большой кокос, выплескивая млечный сок, в окружении очаровательных первобытных африканок. И следом – задумчиво и величественно стоял в галерее Прадо, рассматривая картину Эль Греко.

– Книга печатается, и скоро я устрою презентацию. – Зоб Плинтуса покрылся нежно-малиновым румянцем, и это был цвет удовлетворенного честолюбия. – Однако нам нужно торопиться с основными деяниями. Нас могут опередить. После нашего выступления перед вдовами в «Рэдиссон-Славянской» Счастливчик и Модельер воспринимают нас как открытых врагов. У меня есть чувство, что за мной установлена непрерывная слежка. – Зоб стал сине-фиолетовым, покрылся воспаленными розовыми пупырышками, напоминая влажный экзотический плод, что было выражением тревоги и готовности к агрессивному действию.

– Этому и посвящена наша встреча. – Мэр обхватил волосатым кулаком деревянную стойку с зеленоватыми цифрами, словно желая расплющить ненавистную колбу, и казалось, сквозь пальцы просачивается мерцание пойманных им светлячков.

Оба поднялись из-за столика, глядя на огромный телеэкран, на котором Истукан ел сосиску, запивая пивом, на фоне Кельнского собора. Бесшумные светлячки «8» и «1», выпущенные из волосатого кулака, весело танцевали в зеленом стекле...

Они поместились на эскалатор, который переносил их с уровня на уровень, все глубже под землю, где располагались гаражи, стояли тяжеловесные «мерседесы» для высших иерархов Церкви и величественные «ауди» для государственных чиновников. Миновали залы игровых автоматов, где в этот час развлекались два чеченских боевика, приехавшие из Аргунского ущелья. Пересекли дорожки боулинга, где английский рок-певец, явившийся подзаработать в Москву, катал шары в обществе двух красивых проституток. Наконец оказались перед дощатыми, деревенского вида воротами с коваными скобами и засовами, где красовался известный на всю столицу плакат «Испанская коррида в Москве. Мэр приглашает». Огромная, с налитым диким глазом, бычья башка. Изящный, узкий в талии тореадор, облаченный в золотистый камзол. Черные бакенбарды, алое полотнище и короткая шпага. Мэр толкнул ворота, и оба, оставив мраморный, с паркетом коридор, оказались на скотном дворе.

Здесь вкусно пахло сеном, пряным силосом, жаркой животной жизнью. Смуглые толстые доски и кованые чугунные решетки выгораживали просторные стойла, в каждом из которых помещался огромный черно-фиолетовый бык. Звери мощно и мерно дышали. Их откормленные бока казались лакированными. Под короткой, стеклянно блестящей шерстью лениво перекачивались могучие мускулы. Тяжелые бычьи головы были увенчаны отточенными, словно пики, рогами. Костяное острие переливалось металлическим блеском. Исподлобья влажно, угрюмо взирали выпуклые глаза с синими белками и кровавой поволокой. Звери вздыхали, окунали розовые шершавые ноздри в кормушки, звенели цепями. Над ними веселой стайкой перелетали воробьи. Слышался плеск разбиваемой о пол звериной мочи.

Мэр гордым, ликующим взором оглядывал свое богатство:

– Эти великолепные зверюги выращены на горных пастбищах Андалузии и доставлены в Москву военно-транспортной авиацией, для чего мне специально пришлось добиваться у лидеров европейских государств воздушного коридора.

– Ваша затея с корридой великолепна, как и все, что вы предпринимаете. – Плинтус сквозь доски с опаской и восхищением взидал на быка, который наставил на него мрачный, с лиловым отливом глаз.

– Каждый бык по стоимости равен двум шестисотым «мерседесам». Для их покупки мне понадобилось серьезно напрячь азербайджанскую диаспору, пригрозив, в случае отказа, запустить на рынки недовольных скинхедов.

– Кто бы мог подумать, что существует связь между парнями московских окраин и оперой Бизе «Кармен», – добродушно рассмеялся Плинтус.

У соседнего стойла работал молчаливый скотник. Смуглолицый, с горбатым испанским носом, облаченный, как и все служители храма, в длинный подрясник, с галстуком-бабочкой, в маленьких золотых эполетах. Он поливал быка из шланга теплой водой, чистил ему кожу скребком. Бык застыл в наслаждении. Струя серебряной брошью разбивалась о полированный бок. Вода омывала копыта, щекотала пах с набрякшими семенниками. Зверь, окутанный испарениями, стоял, словно отлитый из черного стекла.

– В чем же суть вашего проекта? – поинтересовался Плинтус, приблизив к стойлу чувственный нос, затрепетавший от волнующих запахов звериной мочи и раскаленного бычьего семени. – В чем смысл операции «Коррида»?

Мэр не успел ответить. Словно сотворенный из золота, солнца и славы, из пленительной красоты и мужественной отваги, перед ними возник тореадор, тот самый, на которого любовалась Москва, созерцающая великолепный рекламный плакат. Мужчина, затянутый в золоченый камзол, с узкой, осиной талией, широкий в плечах, ослепительно улыбался, блестел черносиними, расчесанными на пробор волосами. Его коричневое, трепетавшее от страсти лицо выражало галантность и нетерпение бойца, стремящегося в сражение. Он находился среди быков, их жертва и их убийца, их истязатель и обожатель. Они были нераздельны, созданы друг для друга. Любили и восхищались друг другом, желали друг другу смерти. Звери в стойлах все разом заволновались, громко и страстно задышали, зазвенели цепями. Изящный испанец, в тесных панталонах, с сильными икрами и литыми шарами в паху, сверкал белозубой улыбкой, наполненный гулом арены, ревом и рукоплесканием толпы, восторгами женщин, храпом пробитых рогами коней, пронзенных насквозь тореадоров.

– Эскамильо, лучший тореадор Сан-Себастьяна. – Мэр пожал узкую смуглую руку испанца, на которой красовался серебряный перстень с вороньим камнем. – Контракт с Эскамильо стоит два миллиона долларов. Мне пришлось изрядно надавить на владельцев нефтеколонок, пригрозив налоговой полицией, прежде чем эти скупердья собрали свои нефтедоллары. – Мэр засмеялся, словно негромко заработала шаровая мельница.

Эскамильо, не понимая языка, улыбался молодой испанской улыбкой.

Они шли вдоль бычьих загонов, и сумрачные звери вращали глазами яблоками, бугрили загривки, звенели цепями, налитые неизрасходованной мощью и похотью.

Они оказались в соседнем помещении, стены которого были выложены белым кафелем. Голые слепящие лампы отражались в изразцах, в стальных медицинских тубусах, в стеклянных сосудах и колбах. Из резинового шланга ярко бежала вода. Посреди помещения был установлен деревянный станок, напоминающий спортивные снаряды, – длинное тулово с высушенным коровьим хвостом, четыре упертых ноги, деревянная шея и на ней – грубо вытесанная коровья башка. Сооружение напоминало языческого идола, на голове которого были укреплены коровьи рога и бумажный венок с цветочками.

– Это бог Велес, – пояснял Мэр, подводя Плинтуса к деревянному зверю и поглаживая костяные, украшенные венком рога. – Сейчас вы увидите, как отбирают сперму у андалузских быков. Дело в том, что я решил распространить корриду на все регионы России. Это блестящий коммерческий проект, который принесет миллиарды. К тому же направит народное самосознание по новому руслу, исключаяющему восстания и революции. Мы скрестим андалузского быка с вологодской коровой, а дух испанского идалго с русской мечтой о Минине и Пожарском. На базе суворовских училищ уже начата подготовка тореадоров.

– Великолепно. – Плинтус осторожно прикоснулся к деревянному чуду, поднял лицо вверх. Там, отделенное от них пластами исторических наслоений, шло богослужение в храме, раздавались песнопения, ангелы взирали с белоснежных высот. А здесь, в древнем капище, готовилось языческое первобытное действо. – Но все же мне бы хотелось узнать сущность вашего главного плана.

Мэр обернулся, желая убедиться, что их никто не слышит. Испанского вида смуглолицый служитель с горбатым носом и провалившимися аскетическими щеками окатывал рогатого идола теплой водой. От деревянной коровы поднимался парной телесный дух, словно она обретала живую плоть и дыхание. Золоченый тореадор Эскамильо стоял поодаль, любовно рассматривал себя в крохотное зеркальце, поправляя иссиня-черные, страстно блестящие волосы.

– Модельер, как вы знаете, претендует на звание великого режиссера, полагая, что ему нет равных в политических спектаклях. Однако здесь он столкнется с иной режиссурой! – Мэр заговорщически сверкнул глазами. Потянулся к металлическому тубусу с теплой водой. Вынул длинную стеклянную колбу с округлым дном. Понюхал ее, посмотрел на свет. Вернул в металлическую кастрюлю. – Я сам разработал сценарий корриды. На закрытой арене в Лужниках соберутся тысячи москвичей, весь бомонд, правительство, духовенство и конечно же Президент. Ложа его будет украшена геральдикой старинных испанских родов. Вокруг рассядутся дамы в туалетах испанского Средневековья. Перед началом представления на арену выйдет певец Басков, который, как вы уже догадались, находится в родстве с баскскими сепаратистами и является дальним родственником Эскамильо, баска по национальности. Наш замечательный русский певец испанского происхождения исполнит арию Хосе. А его неизменная нежная подруга, меццо-сопрано Кабалье споет арию Кармен: «У любви, как у пташки, крылья...» – хотя, должен заметить, вряд ли найдутся крылья, даже в фирме «Боинг», способные оторвать от земли туловище знаменитой певицы. Затем начнется бой. Эскамильо покажет чудеса виртуозного обращения с жестоким быком, заставляя зрителей реветь от восторга и страха. Наконец, последний взмах красной мулеты, обезумевший бык пронесет свои отточенные рога у самого бедра бесстрашного тореадора, и тот, поднимаясь на цыпочки, как Плисецкая на пуантах, сверху, словно из космоса, вонзает в быка разящую шпагу, пробивает насквозь бешеное бычье сердце. Бык с грохотом рушится. Эскамильо ловким ударом тесака отсекает быку его рогатую непутевую башку, заматывает в окровавленную мулету и идет к президентской трибуне, чтобы преподнести свой трофей венценосному русскому повелителю. Приближается. Счастливчик, польщенный, чувствуя себя королем испанским, принимает бычью башку. И в этот момент Эскамильо, который, как вы уже, наверное, догадались, является законспирированным баскским террористом, вонзает в Счастливчика свою короткую шпагу. Над ареной поднимается дым. Отчаянный баск скрывается в дымовой завесе, выбирается наружу, а затем, по подготовленному коридору, через Чечню отбывает в Турцию и дальше, в родную Испанию. Приговор приведен в исполнение. Тиран повержен. Мы принимаем власть из рук благодарного, освобожденного от тирании народа.

Мэр выставил ногу на кафельном мокром полу. Приподнял руку, будто салютовал шпагой. Казался себе стройным, узким в талии тореадором, любимцем герцогини Альбы, другом Гойи... И его белый, напоминавший фаянсовый унитаз череп на секунду покрылся черной волной волос.

– Великолепно! – Плинтус не мог скрыть восхищения. Его чувствительный зоб надулся, как фиолетовое туловище осьминога, переливаясь всеми цветами радуги. – Вы, мой друг, несравненный режиссер. Станиславский Нового времени.

Снаружи послышался храп, свирепый рокот и рев. Раздались металлический звон и гортанные выкрики: «Торро!.. Торро!..» Сквозь широкий проход в помещение просунулась яростная бычья башка. Следом – мокрый черный загривок, налитые брусничным соком глаза, костяные, отточенные, как иголки, рога, с которых срывались жалящие лучи света. Толстую складчатую шею быка стягивал кожаный хомут с железными цепями, за которые что есть силы тянули служители с золотыми погончиками, в галстуках-бабочках. Бык слепо мотал башкой, со свистом выдувал из ноздрей розовый дым похоти. С губ до пола свешивалась липкая розовая слюна. Увидел деревянное чучело. Взревел, раздувая раскаленные бока. Метнулся вперед, тяжело наскакивая на корову, с силой ударяя копытами в струганую спину. Громоздился на нее,

рыл мордой, лизал толстым языком. Из мохнатого подборюшья вывалился огромный хобот с розовым слизистым острием. Бык хрипел, задыхался, бился пахом о деревянную колоду, сминал сухой коровий хвост. Из него, как из клокочущего реактора, извергалась свирепая сила. Рвалась наружу из напряженного хобота.

Мэр, с тонким женским вскриком, страстно перехватил возбужденный хобот. Насадил на него стеклянную колбу. Внутри стекла вскипела, всклокотала млечно-жемчужная жижа. Обжигала Мэру пальцы. Согнувшись под быком, принимая своей толстой спиной судороги бычьего брюха, он сцеживал остатки семени. Поднимал высоко реторту с уловленным жарким сгустком, который светился в его руках, словно кусок урана.

Плинтус созерцал ошеломленно. В его сознании древнего эллина возникло лазурное Эгейское море. В волнах, разрезая голубые воды, плыл могучий темно-красный бык. На его спине, держась за рога, в прозрачной тунике, с педикюром на нежных ногах, сидел Мэр, как похищенная, оплодотворенная Зевсом Европа.

Бык, опустошенный, обессиленный, соскользнул с деревянного станка. Сонно мотал головой. Служители уводили его прочь, и один наступил на млечную лужицу семени. Казалось, подошва сгорает от соприкосновения с раскаленной плазмой.

– Вот так-то, – утомленно, с женской негой, произнес Мэр, ласковым взглядом провожая уходящего зверя. Открыл портативный холодильник. Поставил в него склянку, где, нерожденные, окруженные млечным туманом, дремали бычьи стада.

Они покинули скотный двор и двигались по подземному переходу, который был частью секретного сталинского метрополитена, с бронзовыми светильниками и люстрами, с изображением летчиков, танкистов и моряков, бесстрастно взиравших из полукруглых ниш.

– Все, что вы мне рассказали, выглядит безупречным, в лучших традициях средневекового заговора. – Плинтус выступал на коротких неуклюжих ногах, на которых ортопедическая обувь скрывала трехпалые, с перепонками ступни. Выставил пеликанью грудь, откинул назад голову, дабы уравновесить тяжелый, залитый свинцом нос. – Однако на нашем пути может возникнуть препятствие – вездесущий и коварный Модельер, у которого везде есть глаза и уши. Не убежден, что ваш замечательный план уже ему неизвестен. Без Модельера Счастливчик беспомощен. Надо устранить Модельера, и тогда удар короткой испанской шпаги достигнет сердца узурпатора.

– Вы чувствуете мир как я. – Проходя мимо бронзового партизана, Мэр потрепал его по щеке. – Мы оба – эллины, оба причастны элевсинских таинств и дионисийских игрищ. Я веду вас туда, где вы узнаете, как будет истреблен Модельер.

Они преодолели несколько переходов и очутились среди светлого лучистого пространства, в котором нежно играли бирюзовые воды, ярко светили высокие лампы, змеи отражений бежали по кафельному дну. Перед ними был великолепный, чистый бассейн с плавательными дорожками и вышками для ныряний. Седобородый служитель, все в том же долгополом облачении, в галстук-бабочке, с золотыми крендельками эполет, расхаживал по краю бассейна и капроновым сачком вылавливал в чистейшей воде невидимый и, должно быть, несуществующий сор.

– Откуда это чудо? На такой глубине, под землей? – восхитился Плинтус, в котором ожила его пеликанья, водоплавающая природа. – Мы станем плавать, резвиться?

– Вам открылась одна из тайн нашего города. – Мэру доставляло удовольствие неподдельное изумление Плинтуса. – Когда был заложен наш великолепный собор, я отдал распоряжение, чтобы бассейн «Москва» был сохранен в основании возводимого храма. Это памятник коммунистической эры. Здесь, если угодно, скопились воды времени. Мало кто об этом знает. И уж почти никто не окунается в эти таинственные воды. Иногда Патриарх вместе с епископатом нисходят сюда по мраморной лестнице. Плавают всем клиром, наслаждаясь отсутствием паствы.

Бородатый служитель, напоминавший рыбака, молча им поклонился. Унес мокрый сак, в котором блестела слипшаяся ячея.

– Прежде чем мы окунемся в бассейн, я проведу вас вокруг и покажу реликты минувшей эпохи, многие из которых вызовут у вас умиление. Если угодно, это пантеон наших с вами святынь. – Мэр повел Плинтуса по краю бассейна, указывая в прозрачную глубину, где на кафельных плитках, чуть размытые водой, покоились сувениры и фетиши минувших времен.

Здесь были награды Брежнева – двенадцать орденов Ленина, десять «Звезд» Героя Советского Союза, восемь орденов «Знак Почета», шестнадцать орденов Боевого Красного Знамени и один орден «Мать-героиня», которым наградили его узбек Рашидов. Все награды лежали на кафельных плитках, как на погребальных подушечках. Золото и цветная эмаль переливались сквозь толщу воды. Здесь можно было увидеть плюшевого медведя – эмблему московских Олимпийских игр и трехтомник писателя Иванова «Вечный зов». Парик Кобзона из куньего меха и кандалы Солженицына, которые тот потерял в Нерчинских рудниках. Черную эсэсовскую фуражку Штирлица и дырявый камушек «куриный бог» с поверхности Луны. Среди экспонатов подводного музея хранился катетер Андропова, вставная челюсть Черненко с остатками шашлыка, соска-пустышка Горбачева, которую ему в день свадьбы подарила Раиса Максимовна. Здесь было много разного рода пуговиц, пряжек, винтов и гаек, а также канцелярских скрепок, ластиков, подшивок газет, папок с надписью «Личное дело». Тут же лежал батон колбасы, из-за отсутствия которой началась «перестройка», и бутылка водки с пляшущими литерами, под названием «коленвал», которая послужила введению антиалкогольного указа.

Мэр и Плинтус шли по кромке бассейна, взирая на окаменелости минувшей эпохи глазами, увлажненными от сентиментальных воспоминаний.

– Теперь о главном, – Мэр овладел собой и снова стал неумолимым и хищным, как боец подпольного сопротивления, – сейчас мы встретимся с человеком по имени Буранчик и услышим план истребления Модельера.

Они вошли в душевую, где под шумным снопом воды стоял голый толстяк с младенчески розовым телом. Большие женские груди колыхались при каждом движении. Жирные ноги и руки были в перевязях, как у грудного ребенка. Сияющие голубые глаза с розовыми веками радостно мигали сквозь водяные струи. Он сочно шлепал стопами, скреб бока, оставляя белые полосы, которые быстро заливал нежный румянец.

Это был руководитель российского космического ведомства. Прозвище Буранчик он приобрел после того, как по заданию американских коллег из Хьюстона прекратил программу «Буран». В результате эскадрилья советских космических челноков была распродана богатым фантазерам и использовалась под казино, стриптиз-бары и удобные туалеты. Сейчас он руководил программой уничтожения космической станции «Мир», за что надеялся получить звание Героя России.

– Увидел награды покойного Леонида Ильича и вспомнил анекдот. – Буранчик приветствовал из-под душа Мэра и Плинтуса и, пока те раздевались, громко, перебивая плеск и шорох воды, рассказывал: – Вот отправился Леонид Ильич в поездку по Кавказу. Прилетает в Баку к Алиеву, а там дождь, сырость. Говорит: «Гейдар, полетели в Сочи, там хоть позагораем». Прилетели, лежат на пляже, дремлют под солнцем. А у Брежнева из-под трусов выпало одно яйцо. Мимо пробежала собачонка и ну лизни яйцо Леонида Ильича. А тот, не открывая глаз, говорит: «Гейдар, это лишнее. Не надо так...»

Все трое, голые, подставляя плечи парной воде, гоготали, чмокали босыми стопами по теплему кафелю.

Вышли в прохладное пространство бассейна и один за другим шумно плюхнулись в воду, погнав во все концы золотые и синие волны.

– Немножко порезвимся, поотдыхаем, – предложил Мэр, не торопясь начать разговор.

Они забыли о невзгодах и тяготах жизни и развлекались как дети. Плавали наперегонки по дорожкам – кролем, брассом и баттерфляем, причем всех опережал Плинтус, который пользовался зобом как гребным винтом. Опускались под воду, состязаясь, кто сколько продержится без воздуха. Выиграл Буранчик, оставаясь под водой двенадцать минут, ибо умел дышать кожей: когда он погружался на дно, все его тело окутывалось мельчайшими, вылетающими из пор пузырьками, и казалось, что он кипит. Ныряли на дальность, и тут уж выиграл Мэр – умудрился пронырнуть весь бассейн и выскочить на другой половине, держа в зубах подхваченный со дна парик Кобзона.

Сошлись вместе и шалили. Взявшись за руки, водили хоровод. Визжали, утягивали один другого под воду. Выполняя пируэты водяного балета, опустили вниз головой, выставили наружу ноги и так, головой вниз, танцевали танец маленьких лебедей. Наконец, утомившись, подплыли к кафельной стенке в том месте, где из невидимой трубы бил упругий прохладный ключ и в стену бассейна была врезана узорная медная решетка с изображением дельфина.

– Ну, – строго сказал Мэр, сбрасывая со своего плеча пухлую руку Буранчика. – Время выслушать ваш план операции.

Космист вмиг стал серьезным. Его голубые, детски наивные глаза, окруженные белесыми ресничками, обнаружили ум, цепкость мысли, сосредоточенность на предмете.

– Прежде всего, – обратился он к Мэру, – выражаю удовлетворение за пунктуальное соблюдение уговора. Первая партия денег получена и распределена между теми, без кого исполнение плана невозможно. Надеюсь, что вторая половина последует сразу же после реализации. Вы уже получили наши счета в офшоре, расположенном на Каймановых островах.

– Благодарите московских торговцев мебелью, – отозвался Мэр. – Они поделились с нами доходами, когда я стал намекать им, что Земля покоится вовсе не на трех китах.

– Затем, как я понимаю, вами почти подготовлена церемония уничтожения космической станции «Мир». Выбрана смотровая площадка на Воробьевых горах. Установлена трибуна для почетных гостей с удобными креслами. Припасены телескопы, бинокли, подзорные трубы. Выпущен буклет, посвященный истории станции. Я уверен, что все приглашенные, включая дипломатов, банкиров и членов правительства, не пропустят возможность увидеть, как в ночном московском небе сгорает гордость советского космоса.

– Можете быть уверены, – самодовольно заметил Мэр. – Мы извлечем из этого зрелища максимум коммерческого эффекта. Только такой бездарный правитель, как Счастливчик, мог допустить, чтобы потопление крейсера «Москва» не превратилось в увлекательное, нарядное шоу. Будь я на его месте, это вылилось бы в международный праздник на воде, в парусные гонки, аттракционы с Нептуном, парад военных кораблей. Стоимость билета колебалась бы от трех тысяч долларов и выше. Это был бы праздник города, праздник Москвы, перенесенный к Северному полюсу.

– Суть операции в том, что на борту космической станции установлен боевой лазер, смещенный с компьютером и системой наведения. Этот секретный лазер – единственный из советской программы «Звездных войн», которую мы остановили и демонтировали по просьбе американских друзей. Пролетая над Москвой, за несколько секунд до сгорания станции лазер будет наведен на кресло, где разместится мишень. Цель будет поражена лучом в лоб. На небе будет сверкать звездный дождь от сгорающей станции, и, когда заметят убитого в кресле, его смерть можно объяснить несчастным случаем – попаданием в него микроскопического осколка станции.

– Модельера убьет метеорит!.. Неподражаемо!.. – От возбуждения Мэр бурлил вокруг себя воду.

Плинтус был также взволнован услышанным. Его зоб раздулся и стал нежно-голубым, как пузырь у весенней лягушки, находящейся в состоянии полового перевозбуждения.

– Но как, скажите, будет обеспечено прицельное попадание?

– Номер кресла будет введен в компьютер, а тот в состоянии направить луч хоть в дырочку от пуговицы на вашей ширинке, – снисходительно, как наивному гуманитарию, пояснял Буранчик.

– А нельзя ли воспользоваться вашим лазером для охоты на бабочек? – не унимался Плинтус.

– Увы! – печально улыбнулся Буранчик. – Лазер погибнет со станцией «Мир». Это будет реквием по русскому космосу. Программой предусмотрено, что в этот момент все русские космонавты встанут и снимут фуражки. Вам же, как это ни печально, и впредь придется пользоваться марлевым сачком.

– Но есть ли гарантия того, что Модельер придет на праздник сожжения «Мира»? – все еще тревожился Плинтус.

– Он будет считать, что это его затея. Он – великий драматург, и в числе устроителей праздника его имя набрано самыми крупными буквами. Главной тайной является номер кресла, в котором разместится мишень. Этот номер введен в бортовой компьютер, управляющий наведением лазера. В это кресло на смотровой трибуне служитель отведет и посадит того, кто является мишенью.

– Bravo!.. – ликовал Мэр, окунаясь с головой в воду, выныривая обратно, голый, лысый, блестящий, с дышащей грудью, на которой слипшиеся волосы образовали свастику, словно Мэр был скинхедом. – Эй, кто там есть!.. – громко позвал он. На его крик появился бородастый служитель с сачком, склонился в молчаливом поклоне. – Теперь, любезный, мы созрели. Можешь пустить к нам «мамочек».

Служитель удалился. Медная решетка в кафельной стене бассейна отворилась, и в воду, как темные глянцевиные торпеды, метнулись дельфины. Молодые резвые самки стали носиться из края в край, пеня воду, разрезая ее стеклянными плавниками, взлетая в бурных фонтанах, оглядывая людей счастливыми выпуклыми глазами. Утолив первую радость свободы, они стали приближаться к купальщикам, ластились к ним, касались нежными телами, прижимались белыми шелковистыми животами. Мэр изловчился, вскочил на дельфиниху, и та со смеющимися глазами, похожая на актрису Миннелли, ринулась по воде, играя серповидным хвостом. Мэр вцепился в ее стеклянный плавник, обвил упругое туловище скрещенными ногами. Покрикивал, повизгивал. Мчался на ней в бурунах и брызгах, как фантастический наездник.

Плинтус изнывал под ласками водяного страстного зверя. Самка, по пояс в воде, обнимала его, наваливалась млечной теплой грудью, целовала тонким изящным ртом. Соскальзывала вниз, обвивала торс, нежно целуя в пах. Плинтус, закрыв глаза, издавал сладостные курлыканы. Его зоб трепетал, приобретя раскаленно-алый прозрачный цвет. Сквозь стенки просвечивали кумранские свитки, рукопись Шнеерсона и щипчики для снятия нагара, которые он проглотил в раннем детстве.

Буранчик, розовый, синеглазый, обнял самку дельфина. Поил ее шампанским. Они танцевали вальс. Все больше возбуждаясь, в истоме погрузились на дно. Буранчик сделал ей предложение. Его совокупление с дельфинихой не прошло даром. У них родилась дочь-русалка, пышногрудая синеглазая дева – она устроилась стриптизершей в ночной клуб «Ихтиандр»...

Игрища в бассейне продолжались долго, в то время как наверху, в торжественном гулком соборе, шла панихида, пылали свечи, диакон разрывал истомившиеся сердца громоподобным рыдающим рыком.

Утомленные дельфинихи вяло уплыли в аквариум. А вкусившие услад купальщики, в засосах, оставленных страстными, неосторожными подругами, отправились в душевую, где выяснилось, что Мэр и Плинтус, в отличие от легкомысленного Буранчика, предпочли безопасный секс.

Расходились, дружески пожимая руки. «Мерседесы» выносили их из подземных стоянок, из-под пластмассово-белых стен собора. Мчали в разные края Москвы, окутанной осенним сиянием.

Через час в рабочий кабинет Модельера вошли разведчики из спецслужбы «Блудущие вместе». Служитель, похожий на голубоглазого инок, подававший Мэру и Плинтусу морковный сок. Горбоносый, испанского вида скотник, присматривавший за андалузскими быками. Бородач из бассейна, все еще чуть влажный и пахнувший хлоркой. Все трое выложили перед Модельером аудиокассеты с записями разговоров. Потирая ладони, не торопясь ставить их в портативный проигрыватель, Модельер поглядывал на кассеты, приговаривая: «Нуте-с, нуте-с...»

Аня сидела в сумерках занавешенной комнаты у изголовья своей кровати, в которой спал неведомый пришелец. Плед на его груди тихо вздымался и опускался. Слабо золотилась приподнятая бровь. На лбу, словно звезда, багровел незаживший ожог. Лежавший перед ней человек хлебнул горя, которое запечатало ему уста, залепило глаза и уши, пометило множеством ожогов и ссадин. Горе гуляло по родной земле, заглядывало в каждый дом, в каждую душу, и люди повсюду горевали, кто тихо, обливаясь беззвучными слезами, кто криком крича, колотясь головой о стену. Но мало кто слышал друг друга. Аня, разнося по домам конвертики писем, соединяла это разрозненное горе в клетчатое покрывало.

Она и сама горевала, сама нуждалась в сочувствии. Ей хотелось сесть под горящую вечернюю лампу, положить перед собой стопку чистых листов и писать одно бесконечное, печальное и сладостное письмо о своем одиночестве, о своей несостоявшейся жизни, о неслучившемся счастье. Отправить письмо в окружавшую ее пустоту, откуда никогда и никто не пришлет ей ответ.

В этом письме она рассказала бы неведомому адресату о своем чудесном детстве. О даче с сухой деревянной верандой, где пахло смолой и самоварным дымом...

В своем бесконечном послании кому-то, кто никогда не ответит, она поведала бы о своей восхитительной юности. О влюбленности. О звучащем рояле, на котором в граненом стакане стояла алая роза... В университете, розовом словно утренняя гора, островерхом, прекрасном, вокруг которого весной расцветали яблони, она изучала русский Серебряный век... В ее жизни из предчувствий, мечтаний, из девичьих снов возник человек. Во плоти, молодой остроумный красавец... их руки случайно столкнулись. Позже, обнимая ее, он тихо смеялся, вспоминая это первое прикосновение, – целовал ее, посадив на плед перед зеркалом, снимая с нее легкие туфельки. Это был чудесный год – их встреч, неразлучных дней и ночей... Как весенние тучи с прогалами молниеносного солнца летели перемены. Ее любимый был в центре перемен. Его блистательные статьи и речи передавались из уст в уста. Она ему поклонялась. На несколько недель он уехал в Америку прочитать в Калифорнии лекции по русскому Серебряному веку... Она провожала его в аэропорт... Через неделю пришло сообщение, что он разбился в автомобильной катастрофе около крохотного калифорнийского городка Ватсонвилл... Жизнь стала рушиться в ней и вокруг. Все стонало, голосило, угрожало, окутывалось дымом и смутой... Она ушла из аспирантуры и поступила в библиотеку. Библиотека закрылась. И она осталась без работы. Перебивалась уроками, репетиторством, случайными переводами. В страшные дни октября, когда над мятежной Москвой пролетели журавли, и танки били с моста по горящему дворцу, и по улицам сновали броневики, и на них сидели черные, словно бесы, в глазастых масках, военные, пришло еще одно горе. Мать и отец, наивно оставшиеся в белом холодном дворце, защищая, как они говорили, «совесть и честь страны», были убиты. Их погребение состоялось под надзором военных, в оцеплении, без поминальных речей, без музыки, под стылым дождем. С тех пор она разом потухла, постарела, подурнела. Замотала себя в блеклые поношенные одежды. Устроилась письмоношей и, похожая на хрупкую побитую птицу, кото-

рой уже никогда не летать, пугливо скакала по Зачатьевским и Обыденским переулкам в своих истоптанных туфлях, стучась в двери, похожая на нищенку, протягивая в приоткрытую щель худую руку с заказным письмецом.

Теперь она сидела в своей занавешенной спальне над спящим человеком, что упал в ее постель, как летчик из разбитого самолета, у которого сгорел парашют...

И вдруг такая горячая, неожиданная, живая волна жалости и печали плеснула в нее, похожая на обморок бабья нежность и горячая любовь накатила, что все ее окаменелое нутро вдруг растопилось, растаяло, стало вытекать из глаз быстрыми горячими слезами. Одна из слезинок упала на лицо человека, и он, не просыпаясь, вздохнул так, как если бы вздохнул опрокинутый навзничь, укутанный пеленами памятник.

Глава 7

Из храма трое заговорщиков, утонув в благоухающей замшевой глубине машин, направились каждый к своей заветной цели. Буранчик помчался в Звездный городок на встречу с космистами, которые готовились спалить над Москвой орбитальную станцию «Мир»... Плинтус торопился домой, в тишину кабинета, где ждала его почти завершенная книга «Мед и пепел» – о сладостных демократических иллюзиях, которыми, как акридами, питались отважные и честные либералы, и о горьких угольках, в которые превратил эти мечтания жестокий и коварный Счастливчик... Мэр поехал в Думу, где разгоралась жаркая политическая схватка между его сторонниками и депутатами пропрезидентских фракций.

Обе стороны, обладая почти равными возможностями в Думе, мерились силами, стараясь провести каждый свою версию важнейшего для России закона.

Президентская версия звучала так: «Сокращение народонаселения России до пятидесяти миллионов человек». Версия либеральных сторонников Мэра звучала иначе: «Сокращение народонаселения России до шестидесяти миллионов человек, с последующим замедлением темпов падения». Исход голосования определял расстановку политических сил в стране и мог, в случае успеха либерально настроенных фракций, серьезно повлиять на рейтинг Президента.

Здание Думы на Охотном Ряду было построено в стиле тяжеловесной сталинской мебели. Напоминало огромный каменный диван или дубовый комод, в котором твердый и властный резец выточил герб СССР. Когда-то здесь размещался супермозг большевистской экономики. Многоумные государственники запускали заводы, города, электростанции. Планировали расходы на мировую революцию, освоение планет, достижение человеком бессмертия. Теперь этих утопистов и тоталитарных мыслителей сменил депутатский корпус новой, свободной России. Политические споры, блеск идей и воззрений, цветущее разнообразие партий и лидеров составляло гордость молодого российского парламентаризма. Однако и он себя исчерпал. Был готов уступить место просвещенной монархии. Счастливчик, замышлявший восхождение на престол, больше не нуждался в парламенте, как не нуждается в вялых желтых лепестках созревший огурец. По замыслу Модельера, большого знатока музеев и ревнителя театральных действий, здание Думы должно было превратиться в Музей российского парламентаризма. Для этого сохранялась вся атрибутика Думы, кабинеты и залы, буфеты и туалеты. Но места в овальных рядах зала заседаний должны были украсить восковые фигуры депутатов последнего созыва. Они же, восковые копии депутатов, размещались в кабинетах у телефонов и компьютеров. Они же стояли в очереди перед буфетными стойками. Некоторые же, из мягкого воска, располагались в туалетах и в комнатах для интимных свиданий.

В гаданиях об исходе предстоящей борьбы Мэр сквозь служебный вход проник в Думу. Обосновался в секретной комнатке, где с помощью монитора предполагал следить за думской дискуссией, а по специальному видеоканалу мог посылать сигналы и знаки своему тайному стороннику спикеру. Согласно странной депутатской манере давать спикерам клички животных, нынешний спикер носил необходимое прозвище Утка, тогда как его предшественник именовался Рыбкой. Мэр включил монитор и сигнальный видеоканал, не ведая, что недалеко от него, в подобной же комнатке, разместился Модельер, – зажег экран монитора, послал по видеоканалу приветствие спикеру Утке.

Зал для голосования был полон. Слишком важен для судеб страны был поставленный на обсуждение закон. Всплески страстей, самые первые, как брызги шампанского, перелетали над рядами, где некоторые депутаты уже показывали друг другу кулаки. Как всегда, златоглаз и златопер был горделивый орел, разрываемый надвое вечным имперским сомнением «или-или». Спикер, хотя и с одной головой, мотал глазами между двух портативных экранов, где Мэр и Модельер показывали ему – один «утку на вертеле», другой «утку по-пекински». Над

орлом, между двух корон, не выпадавая из общей имперской стилистики, красовался рейтингомер в виде перста небесного, указывающего на танцующие цифры «8» и «1». С этим символом власти через электронную систему соединялись кнопки для голосования, дабы каждый депутат мог видеть, как Дума влияет на популярность первого лица государства. Кнопки находились вблизи от пола, чтобы депутаты могли голосовать большим пальцем левой ноги, для чего им выдавалась специальная обувь, из которой выглядывали разнообразные большие пальцы: изысканно-хрупкие, аристократические, с аккуратно подрезанными ногтями, характерные для фракции «Яблоко»; или грубые, рабоче-крестьянские, в волосах, мозолях, с могучими ногтями, выдававшие в их владельцах коммунистов или аграриев; или же дамские, с нежным педикюром разных расцветок, от перламутрово-голубого, у дам-либералок, до огненно-красного, у феминисток. У некоторых депутатов пальцы вовсе отсутствовали, и наружу выступал краешек копытца, или птичий коготь, или лягушачья перепонка, чем особенно отличались члены ЛДПР. В остальном же на кнопках были пальцы чуткие, нервные, иные в обручальных колечках.

Над головой спикера висело огромное электронное табло, на котором, в перерывах между голосованием, показывали полезную для депутатов рекламу – презервативов, гигиенических прокладок, средств от импотенции, таблеток от грибковых заболеваний, порошка от пота, шампуня от перхоти, мази от облысения, пудры от блох, ампул от шизофрении, слуховых аппаратов, стимуляторов мозга, эротических вибраторов, жестяных рупоров, детекторов лжи, кастетов с шипами, волчьих капканов, корма для собак, корма для рыб, корма для верблюдов, корма для проправительственных фракций, терок и соковыжималок для «Яблока», теплых рейтуз для фракции «Народный депутат», капель от загноения глаз для фракции «Российские регионы», печек-буржеек для «независимых депутатов», а также недорогих и нетяжелых цепей для фракции коммунистов, которые голосовали солидарно, скованные партийной дисциплиной.

На трибуне находился лидер пропрезидентской фракции. Его скифское плоское лицо желтовато блестело, натертое барсучьим салом. Маленькие усики топорщились, приподнимаемые шевелящейся верхней губой. Глаза под выщипанными бровями победно блестели. Он был исполнен сознания, что в поддержку его аргументов выступает мощь остатков Российской армии, Экспедиционный корпус американской морской пехоты с ударным авианосцем «Энтерпрайз», а также Провидение, хранившее его в период тоталитарного коммунизма на хозяйственной и партийной работе. Он был одет в серый добротный пиджак, застегнутый на все пуговицы. Точно так же были одеты его соратники, составлявшие думское большинство. Одинаковые пиджаки, из той же ткани, что и обивка кресел, делали их почти невидимыми, и казалось, что в зале множество пустот. Однако некоторые начинали зевать, и тогда в рядах, где не было видно лиц и голов, в воздухе повисали открытые челюсти, золотые коронки, фарфоровые мощные зубы, и все убеждались, за кем большинство.

– Уважаемые коллеги, согласованная с Президентом цифра в пятьдесят миллионов является результатом глубокой проработки. Социальные психологи, антропологи, работники коммунальных служб, криминалисты, специалисты по фольклору и инопланетным цивилизациям, духовенство, купечество, дворянство, земские деятели, представители «Серафимовского клуба» убеждают нас, что оптимальное население для России – это пятьдесят миллионов хорошо организованных, физически и нравственно здоровых граждан. Именно такое количество способно понимать политику правительства и любить своего Президента. Именно для такого количества граждан мы сможем реализовать программы «Каждой семье – отдельный дом», «Каждому мужчине – поддержанную иномарку», «Каждой женщине – полноценный мужчина», «Каждому ребенку – английский язык». Немедленное, за пять лет, снижение населения втрое даст мощный толчок деревообрабатывающей индустрии, снизит размер индивидуальных земельных участков до четырех квадратных метров, а также стимулирует развитие текстильной и целлюлозной промышленности, которые разместят у себя заказы на погребальные ленты

и бумажные венки. Что и будет долгожданным локомотивом нашей развивающейся русской цивилизации...

Он сошел с трибуны под рукоплескание пустых серых кресел, в которых то возникали, то исчезали ладони, хлопающие, словно жирные крылышки.

Пылко и нетерпеливо взбежал на трибуну представитель фракции «Яблоко». Его лицо было бледным от священного негодования. Широкий лоб мыслителя оросил голубоватый пот, какой выступает под луной у неостывших мертвецов. Одна половина лица еще дергалась, другая навеки омертвела, и по ней, от переносицы к уху, ползла небольшая улитка. Темные, чуть выющиеся волосы украшал лавровый венец неудачника и идеалиста, каковым его привыкла видеть страна последние десять лет.

Каждый год на несколько месяцев он выпадал из публичной политики. Говорили, что это время он проводит в психушке, где, босой, в тунике, сидит на койке, повторяя: «Я – Президент!» Теперь же он пребывал в зените своей активности, и дамы-депутатки всех фракций от симпатий к нему скрючили пальцы ног.

– А где, спрашиваю я вас, недостающие десять миллионов? Именно среди этих, списанных вами граждан находятся те, кто исповедует либеральные ценности, привержен сексуальным свободам, выступает за мирные переговоры в Чечне, верит в Шамбалу, пострадал от дефолта, является результатом блестящих, хотя и неудачных опытов по клонированию, помнит группу «Машина времени», хотя бы раз в жизни ел гамбургер, а во время интерактивных голосований отдает предпочтение мне, а не этому жалкому самозванцу из СПС, который только и знает, что торчит перед телекамерами в ледяной проруби, напустив в нее предварительно теплую воду...

Он сбежал с трибуны, легкий как юноша. Душистый западный ветер поднимал фалды его темного фрака. На бегу осушил бокал шампанского. С криком «Виват!» прыгнул в глубину кареты. И его отвезли в бедлам, где он сам облачился в белую, с длинными рукавами, хламиду. Ловко прикрутил себя к кровати, на спинке которой золотыми латинскими буквами было написано: «Диагноз: Юлий Цезарь».

Его место на трибуне заняла женщина из фракции СПС. Она была очень худа, в непросохших следах от неудачных слияний с фракцией «Яблоко». У нее была осиная талия и тонкое язвительное жальце, которым она, агрессивно поднимая полосатое тельце, искусала половину Думы, отчего у многих депутатов образовался флюс. Было видно, как вращаются на трибуне ее прозрачные слюдяные крылышки, сучат цепкие лапки, в которых она держала ветку сакуры. Глаза в стеклянных линзах искали в зале тех, кто пока еще избежал ее укусов.

– Я, известная противница Президента, выступаю на этот раз с решительной поддержкой его законопроекта. Зачем, спрашиваю я, нам эти лишние, обременительные десять миллионов русских? Чтобы тешить болезненное самолюбие гордецов из фракции «Яблоко»? Чтобы увеличивать риск социальных волнений и угрозу русского фашизма? Чтобы плодить голодных сторонников коммунистов, которым нечего терять, кроме своих цепей? Даже с нынешним населением нам не удержать Курил и Приморья. Если угодно, нам не удержать и Сибирь. Компактно проживающие в европейской части России пятьдесят миллионов русских гармонично войдут в цивилизованную Европу, став добрыми соседями японцам, которые воспроизведут на Урале «японское чудо». Хочу сообщить многоуважаемым депутатам, что я провела неофициальные переговоры с императором Японии, и мы, фракция СПС, при поддержке алюминиевых, нефтяных и энергетических олигархов, уже теперь готовы открыть в регионах Сибири и Дальнего Востока курсы по проведению хакари...

Надменно улыбаясь, вращая прозрачными крылышками, она слетела с трибуны, легкая, грациозная, не касаясь земли, ужалив на лету тяжеловесную заместительницу спикера, похожую на джип. Но та не заметила укуса. Выставила огромный задний багажник с компроматом на враждебные фракции. Сдвигала бампером противников правительственного законопроекта.

Следом выступал лидер коммунистической фракции. Для этого ему пришлось долго возиться с амбарным замком, размыкая цепь и возвращая ключ блюстителю партийной дисциплины. Его лицо было открытым и ясным, как детский букварь, где можно было прочитать сделанную крупными буквами надпись: «Мы – не рабы. Рабы – не мы». Именно к этому утверждению и сводилось его выступление. А также к угрозе поднять на борьбу с антинародным режимом широкие народные массы, которые все больше и больше поддерживают коммунистов. Особенно после минувшей зимы, когда в половине домов разорвались отопительные системы и народ выходил на демонстрации с протестной песней: «И сотни тысяч батарей льют слезы наших матерей...»

– Нет продаже земли!.. Нет коммунальной реформе!.. Чубайс – это наше ничто!.. Куда спрятали Первого Президента России?... А Ленин такой молодой, и новый Октябрь впереди!..

Он закончил призывом к вотуму недоверия и импичменту. Его речь сопровождалась овациями и звоном кандалов, напоминая сцену в «Сибирском цирюльнике», когда персонажа Олега Меньшикова, закованного, с бритой башкой, ведут в острог.

Завершал дискуссию лидер ЛДПР. У его было два рта, разделенные перемычкой. Он говорил одновременно двумя ртами, и некоторым это мешало его понимать.

– Каждой жене – два мужа!.. Каждому мужу – четыре жены!.. Смерть жидам!.. Евреи – лучший в мире народ!.. Руки прочь от Ирака!.. Русские батальоны – на свержение Саддама Хусейна!.. Отбросим НАТО от границ России!.. Отдадим Среднюю Азию под американские базы!.. Слава ГКЧП!.. Всех коммунистов – под суд!.. Вернем на Лубянку Дзержинского!.. Выкинем из Мавзолея Ульянова!.. Первого Президента убили!.. Я встретил его вчера в казино!.. – Он говорил быстро, много. Было видно, что у него столько мыслей, что не хватает двух ртов. На щеке его пульсировала и бугрилась кожа, как если бы там хотел образоваться третий рот.

Сходя с трибуны, весь в теплой пене, раздраженно обмахиваясь хвостом и стуча копытцами, он успел бросить в зал:

– А если вы, суки, желаете знать, куда попрятались все педерасты и говноеды, ищите их в СПС!..

Это взорвало обстановку.

Коммунисты повскакали и, загремев железами, принялись обвинять СПС: «Предатели Родины!.. Слуги Америки!..» Те дружно отвечали: «Сталинские палачи!.. Мучители ГУЛАГа!..» Не врубившийся в спор представитель правительственного большинства, очнувшись от спячки, увидел перед собой курчавую голову яблочника и завопил: «А вы Христа распяли!..» На что яблочники и СПС, объединившись в этом чувствительном для них вопросе, закричали: «Антисемиты!.. Фашисты!.. Кальтенбруннеры!..» Независимый депутат, симпатизировавший коммунистам, плюнул в ЛДПР: «Ваш лидер – клистир!..» На что либеральные демократы стали плевать в ответ и скандировать: «Смерть Америке!.. Да здравствуют Соединенные Штаты!..» Пробегавшему депутату от правых кто-то подставил левую ногу, и тот загремел с воплем: «Требуем расследовать исчезновение Первого Президента!..» Зрелище оказалось невыносимым для аграриев. Один из них по-крестьянски выломал из изгороди кол и огрел подвернувшуюся женщину-джип, выдохнув: «Эхма!..» Та дико заморгала и, не разобрав, кто обидчик, саданула кулаком в пах интеллигентному либералу. Тот потек. На луже поскользнулся известный певец. Издав рык, грохнулся о трибуну с орлом. Большинство расценили это как посягательство на атрибутику государства, схватили певца за руки и ноги, раскачали и зашвырнули на балкон для гостей.

Началась рукопашная. Бились жестоко и молча. Лидер ЛДПР засунул крепкие пальцы в рот ненавистной либералке и рвал губы до ушей. Его неизменный сподвижник, мастер бильярда, эстрадный певец, геополитик, любимец страстных мужчин, схватил за волосы непокорную демократку и возил ее плоским лицом по паркету. Коммунист и яблочник, оба в про-

шлом боксеры, показывали класс в среднем весе, и азартный старичок из фракции «Российские регионы» следил за поединком, кричал «брейк» всякий раз, когда те склещивались.

Бой шел уже два часа. В ход пошли кастеты, заточки, удавки, обрезки труб. Некоторые из коммунистов спина к спине бились цепями. Раздались негромкие пистолетные выстрелы. Женщина-оса норовила подкрасться сзади и вонзить жало в ягодицу бывшего президентского охранника, но получила башмаком в лоб и благоразумно отлетела.

По залу носились парики, обрывки рукавов, дамские трусики, костыли и корсеты. С ревом пролетела невеста откуда взявшаяся самоварная труба, изрыгая дым.

Спикер Утка, не умея остановить беспорядок, то и дело менялся в лице. Стал и впрямь похож на взволнованную перистую крякву, потом – на резиновую подсадную птицу, потом принял вид медицинского фаянсового сосуда, какой подают лежащим больным, потом и вовсе исчез, и его обнаружили в другом конце зала на женщине, порвавшей с коммунистами, которая обнимала его, приговаривая: «Милый, ты не забыл меня!.. Нам было так душевно!..»

Битву снимали все телеканалы и транслировали по центральным программам и по Си-эн-эн, которое интерпретировало свалку как коммунистический мятеж в Москве, что вынудило Пентагон направить в район конфликта группировку сухопутных войск.

Наконец в зал вбежали пожарные и направили на драчунов брандспойты. Это возымело действие. Мокрые, иные в одних трусах, расцарапанные в кровь, еще сжимая бердыши и пищали, огрызаясь в адрес противников: «Ужо покажем вам Минина и Пожарского!..», «Прав, прав Шарон, только – силой на силу!» – депутаты усаживались на свои места. Один лишь неугомонный лидер ЛДПР бегал по залу с большим кувшином брусничного сока, намереваясь вылить его на голову ненавистного либерального соперника, но того и след простыл.

Спикер, среди общего изнеможения, прокричал:

– Приступаем к голосованию!.. Прошу поставить большие пальцы левой ноги на кнопки!..

Все повиновались. Было видно, как от множества нажатий затрепетал, заиграл электронный столбец рейтингомера. Вторая цифра, словно оборотень, меняла обличье: «0», «3», «1».

Модельер в своем потаенном убежище с увлечением наблюдал по монитору думский скандал. Аттракцион доставлял ему наслаждение. Слегка тревожили вскрики, требующие расследовать, куда исчез из страны Истукан. Но это были происки Мэра. Компьютер подводил итоги голосования, и Модельер убеждался, что для прохождения закона не хватало десятка голосов. По сигнальному видеоканалу он дал знать спикеру Утке, что тому не следует объявлять результаты голосования. Спикер сделал страдальческое лицо, показывая, что скрыть результат невозможно и через секунду цифры возникнут на электронном табло. Модельер, испытывая легкую брезгливость к слабовольному и слабодушному человеку, показал ему по видеоканалу банковские счета в офшоре, куда Утка перегнал часть средств, вырученных за лоббирование нефтяных монополий. Спикер мучительно сжался в кресле, незаметно сунул ломик в электронную систему, и та, слегка поискрив, вырубилась.

– Дорогие коллеги! – с видом искреннего сожаления, разводя руками, произнес спикер. – Досадный сбой в электронной системе!.. Полчаса на ремонт, и мы повторим голосование!..

Разочарованные депутаты разбрелись по залу, по коридорам, вестибюлю. Некоторые спустились в буфет. Иные, заглянув в медпункт, залечивали ненароком приобретенные раны. Модельер в совершенстве владел думскими технологиями, месяцами изучая в Африке жизнь термитов. Он выбрал колеблющихся противников законопроекта, которые не подпадали под тлетворное влияние Мэра или Плинтуса, а также не являлись ортодоксальными коммунистами, на которых не повлиял бы и застеночек. К этому десятку робких провинциалов, еще не освоившихся в Думе, были направлены агенты спецслужбы «Блудущие вместе», сориентированные на работу с депутатским корпусом.

Одного из депутатов, скромно одетого, в стоптанной обуви, купленной еще в районном сельмаге, агент подловил в коридоре, где тот бросал окурки в кадку искусственного фикуса.

– Наконец-то я вас нашел! – Молодой агент ослепительно улыбался, протягивая депутату конверт с пачкой долларов. – Мы с наслаждением наблюдаем за вами. Нам нравятся ваши неброские выступления, в которых дышит русская провинция, ее неповторимые судьбы. Нам бы хотелось, чтобы вы выступали чаще. Мы знаем, что у вас не совсем здорова супруга, трое детей. Мы хотим, чтобы вы перевезли семью в Москву. Вашу супругу положат в спецклинику с блестящим обслуживанием. Вам следует к ее приезду обставить квартиру, и наши люди порекомендуют вам итальянскую кухню и испанскую спальную мебель. Ваших детей мы определим в элитную школу, где изучают английский и японский. В этом конверте – небольшая сумма на карманные расходы. Кстати, мы заметили, что вы ошиблись при голосовании? Следует поддержать президентский вариант. Как говорится, кто не хочет кормить своего Президента, вынужден будет кормить чужого... – Агент дружески засмеялся, поклонился ошеломленному депутату. И тот, не успев понять, кто говорил с ним, не ангел ли небесный, краешком глаза заглянул в благословенный конверт. Как собака кость, поспешил спрятать подарок в самый отдаленный, редко посещаемый уголок мироздания, находящийся в его нутряном кармане.

Другого депутата, провинциальную артистическую знаменитость, подловили в туалете. Рядом с ним, лицом к кафелю, встал неприметный мужчина и, не глядя на депутата, промолвил:

– Неправильно голосуешь, брат. Не по совести, а по букве.

– А вы кто такой? – насторожился депутат, поправляя очки на склеротичном носу.

– Я – часть машины голосования. Кнопка, которую нажимает твой палец, находится в моей голове. – Он наклонился, показав депутату макушку с полированной кнопкой.

– Чего вы хотите?

– Брат, голосуй сердцем, а не большим пальцем. Поддержи вариант Президента.

– Как вы смеете оказывать на меня давление? Мне ваш Президент – не указ. Еще неизвестно, каким образом он пришел к власти!..

– Не обижай его, брат. Он хороший. Любит горные лыжи, Россию, кофе со сливками. А что любишь ты? Вот это?

Мужчина сунул ошеломленному депутату фотоснимки, где тот, потеряв всякую осторожность, без одежды, лишь в знакомых очках, держал на коленях несовершеннолетнего голенького паренька.

– Все сделаю... – тоскливо забормотал депутат.

– Не знаешь, как сыграл «Спартак» с ЦСКА? – спросил человек.

– Три-два в пользу «Динамо»...

– Так и думал. – Агент ушел, бросив злосчастный снимок в писсуар. Депутат выхватил его, стал рвать на кусочки, жадно жевал и проглатывал.

К третьему депутату, представлявшему интересы газоносных районов Севера, подошел рафинированный джентльмен с белоснежными манжетами и золотыми запонками.

– Мы деловые люди, не так ли? У меня к вам предложение. Срок вашего депутатства, уву, истекает. У вас нет шанса переизбраться на следующий срок. Эти молодые волки теснят нас в бизнесе, в политике, даже в любви. – Джентльмен печально улыбнулся, взглянув себе в область паха. – Да и черт с ними, в конце-то концов! Зачем вам возвращаться в свою тундру. Мы вас зовем в Газпром, начальником Департамента газификации крематориев. У вас опыт, ум, чистые руки... Соглашайтесь... За это проголосуйте нормально, а не так, как хочет от вас этот лысый козел Мэр. Договорились? Кстати, приглашаю вас в Рио-де-Жанейро... Деловая поездка по вопросам экологии... Но, сами понимаете, – мулатки, красотки кабаре... Это вам не хантымансийки... – Джентльмен отошел, оставив депутата в прекрасном расположении духа.

Был обработан десяток депутатов. Началось повторное голосование. Однако выяснилось, что и на этот раз недостает двух голосов. Продажные депутаты взяли даяния Модельера, но остались верны Мэру, который одного – внука репрессированного военного – поселил в Доме на набережной, а другому – владельцу вещевого рынка – помог избежать наезда налоговой полиции. Проклиная двух корыстолюбивых избранников, Модельер по сигнальному видеоканалу послал спикеру Утке знак, чтобы тот не вздумал обнародовать итоги голосования. Спикер сделал страшное лицо. Казалось, что его ощипывают, и он, пупырчатый, с несчастной лысой гузкой, взывал к милосердию. Модельер беспощадно показал ему пистолет и передернул затвор. Спикер послушно сунул ломик в электронную систему, и она вырубилась.

– Уважаемые депутаты, нам просто не везет сегодня!.. Уж лучше бы нам голосовать простым поднятием рук, как в доброе, но проклятое советское время!.. Объявляю перерыв... В перерыве прошу депутатов пройти вакцинацию в связи с появлением в протокольном отделе конвертов со спорами сибирской язвы... Бен Ладен следит за нашей работой, друзья!.. – Он прервал заседание, спрятав маленький ломик, весь в радужных ожогах от многочисленных коротких замыканий.

Вакцинация проводилась в медпункте, по новой американской методике, опробованной на пленных талибах в военной тюрьме Гуантанамо. Вакцину закапывали в глаз, а потом заклеивали хлебным мякишем. Все депутаты послушно подставляли под пипетку широко раскрытые сияющие глаза. Только лидер ЛДПР, безобразничая, подставил ноздрю. За что и поплатился. Долго чихал, браня проклятых американцев и благодаря их за бескорыстную помощь.

Двум упорствующим депутатам, находящимся под контролем Мэра, вместе с вакциной ввели жидкий чип. Прозрачный, бесцветный, он быстро растворился в крови, проник в мозг и образовал там крохотную студенистую каплю, воздействующую на волевые участки мозга.

У внука репрессированного генерала жидкий чип порождал галлюцинацию, будто он находится в деревенской бане с кустодиевской женщиной, смахивает ее распаренным веником, а она повизгивает, закрывая ладонями потные груди. Другой депутат, владелец вещевого рынка, вообразил себя буддийским монахом, который достиг нирваны, созерцая голубую вершину Гималаев.

Третье голосование прошло успешно. Внушаемые через чипы депутаты обеспечили необходимое количество голосов. Президентское «Сокращение населения России до пятидесяти миллионов человек» было принято. Утомленные избранники расходились кто куда, большинство в буфет. Двое остались в зале. Один, раздевшись догола, что есть мочи махал рукой, приговаривая: «Еще, что ль, поддать, Глафира?» Другой замер в позе лотоса, глядя в дальний верхний угол зала, и на лице его застыла блаженная улыбка Будды.

Мэр в своей уединенной келье негодовал, наблюдая, как рейтинг Президента подскочил до «83». Гнусный Модельер, используя властный ресурс, переиграл его. В довершение Мэр почувствовал омерзительный запах жженных костей, проникавший в комнату через вентиляцию. Так Модельер, любитель инсценировок, выживал его из Думы.

«Рано торжествуешь, вонючка!.. – думал Мэр, зажимая нос батистовым платком. – Главная схватка еще впереди!..»

Аня разносила по домам почту: тяжелая сумка через плечо, скромный плащик, неяркий беретик, быстрые ноги в непромокаемых кроссовках, чтобы удобнее было бежать по влажным тротуарам, перепрыгивать лужи, пробираться по скользким ступенькам... Обыденные, Зачатьевские, Пожарские переулки, то милые запущенные дворики с кустиками и деревьями, то тесные, гулкие, как колодцы, подворья, без единой травинки, с очумелыми бездомными кошками; старые доходные дома с обветшалыми фасадами, похожие на печальных вдов; конструктивистские, из кубиков, строения, словно забытые игрушки выросших и разбежавшихся детей; церкви с блеклыми куполочками; часть монастырской стены, за которой притаились богобо-

язненные матушки; проулки, вкривь и вкось заставленные автомобилями; булочные с запахом ванили; склады, зияющие затхлыми подвалами... И вдруг, сквозь длинный тесный прогал – сочный блеск Москвы-реки, белый торопливый кораблик, огромный, колющий памятник Петру из красной закопченной меди.

Зная секреты подъездов, Аня нажимала кнопки электронных запоров, входила в парадные, засовывала письма в почтовые ящики. В иных подъездах не было запоров. В них проникали бомжи, или горькие пьяницы, или непутевые подростки. И тогда почтовые ящики были раскрыты настежь, из них торчали обугленные газеты, письма пропадали, и Аня поднималась на этажи, звонила в квартиры.

В одной такой, с несколькими звонками, она нажала кнопку, под которой стояла фамилия «Князева». В коммунальной квартире жила безмужняя женщина Валентина, чей единственный сын служил в Чечне. Аня приносила сюда конвертики с военным штемпелем, надписанные округлым обстоятельным почерком. Каждый раз солдатская мать Валентина принимала письмо двумя руками, прижимала к груди, целовала, затем кланялась Ане, нежно светясь, пятилась в глубину коридора...

Валентина вышла на звонок. Несколько секунд на ее лице металось пугливое, умоляющее выражение, будто она вымаливала для себя жизнь сына. Заговаривала, заколдовывала ужасную весть, закупоривая ее в невидимый сосуд. Аня протянула ей весточку с почерком сына, и та вся вспыхнула, порозовела, похорошела, принимая драгоценный конвертик.

– А мне ночью птица приснилась. Будто прилетела к окну и держит в клюве ягоду... Не рассмотрела, красную ли, черную. Вот птица ты и есть! И ягода – Коленькино письмо! Ягода красная, добрая. – Она прижала конвертик к губам, потом к груди, на которой сквозь вырез платья виднелась цепочка для крестика. Стала пятиться в сумрак коридора, светясь из глубины, держа у груди прозрачный одуванчик света...

В другой квартире, где дверь хранила остатки добротной обивки и висела нечищенная табличка с номером, ей отворил худой, небритый мужчина, облаченный то ли в изношенный зипун, то ли драный узбекский халат. Глаза мужчины из-под косматых бровей затравленно мерцали. Из-за спины дул ядовитый сквозняк, какой бывает на горящих свалках. И все, что маячило в коридоре, – какие-то рамы без картин, разломанные тумбочки без ящиков, торшеры без лампочек – напоминало свалку. Хозяин Иван Иванович сравнительно недавно был известным ученым, преподавал в институте, что-то открывал, изобретал и испытывал. Но с тех пор как лабораторию закрыли, кафедру ликвидировали, он безнадежно запил. Скандалил, дурил, возвращался в полуобморочном состоянии, засыпал перед дверью на лестничной площадке. Вынес из дома все ценные вещи, антиквариат, фамильную посуду, портрет покойной жены. То и дело занимал на выпивку, рылся на помойках, стоял в переходах метро. Кончилось тем, что ему нечем стало платить за квартиру. К нему зачастили азербайджанцы из жилищной конторы, предлагая либо немедленно заплатить за квартиру, либо продать им ее за умеренную, но приличную цену. Уведомление, которое принесла ему Аня, было повесткой в суд, где разбирался его жилищный вопрос.

– Не я пропил, девочка моя дорогая, а меня пропили! – говорил Ане Иван Иванович, стуча себя в костистую грудь. – Всю нашу Родину, девочка моя дорогая, пропили!.. Был я членкор и лауреат, а стал побирушка и бомж. Из грязи мы, русские самородки, вышли, в грязи и уйдем. И грязи те, девочка моя дорогая, не целебные! – грустно засмеялся, закашлялся. Из-за плеч его сильнее потянуло холодным дымом. Это был запах сгоревшей страны, в которой когда-то жила и Аня.

Печальная, поклонившись несчастному, она ушла из подъезда, где прежде в нарядном лифте поднимался известный ученый, обнимая среди тесных зеркал очаровательную молодую жену. Теперь же было сорно, промозгло, на стене синим спреем было начертано ругательство.

За дверью, куда она позвонила, раздался шелест. Зазвякали цепочки, запоры, ключи. В щель выглянуло напудренное старушечье лицо, на котором, среди морщин и выбеленных складок, ярко краснели наведенные помадой губы. Костлявые птичьи пальцы были усыпаны кольцами. Пергаментная, черепашья шея погружалась в пожелтые от времени кружева. Здесь жила актриса Зеленовская, которую Аня помнила по ранним советским фильмам, восхищаясь ее красотой, умением танцевать с офицерами, петь очаровательные песни, похожие на арии из оперетт. Теперь она старилась совершенно одна. Ее внучка, тоже актриса, год как уехала на гастроли во Францию, и с тех пор от нее не было весточек. Старая примадонна болела, к ней приезжала «скорая помощь». Она попросила Аню отнести на почту заказное письмо к какому-то французскому кинокритику. Теперь же заказное послание, обклеенное русскими и французскими марками, к ней возвращалось, не найдя во Франции адресата. Аня видела, как больно старухе принимать конверт, как дрожат ее скрюченные подагрические, усыпанные золотом пальцы.

– Ничего, в другой раз получит, – бормотала она. – Актрисы – создания ветреные... Какое-нибудь увлечение... Какой-нибудь театральный роман... Быть может, махнула через океан в Голливуд... Теперь их время... – Желая казаться бодрой, она морщила в улыбке неправдоподобно красные губы. В ее полуслепых глазах дрожали светлые слезы. Из коридора пахло лекарствами, и что-то неразлично сияло, как может сиять удаленное в спальню трюмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.